

зала 19.
шкафъ 3.
полка 3 № 10/2

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛМ

7-5433

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ,

ВЪ пользу заведенныхъ въ Санктпетербургъ Екатерининскаго и Александровскаго Училищъ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

Лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, открывающія челоѣку путь къ познанію Бога, самаго себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, то есть, не волишихъ Исторіяхъ, Поѣствіяхъ, Анекдотахъ и другихъ Сочиненіяхъ стихами и прозою;

СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.

ЧАСТЬ II.

Н. ДИКОВ

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова

1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Куратороу я читалъ книгу подъ заглазіемъ: Вечерняя Заря Часть II, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красноуфѣчій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. Философическое разсужденіе о разсудкѣ. - - - -	1
II. Разсужденіе о блаженствѣ. -	15
III. Пѣснь всемогущему. - -	51
IV. Краткія повѣсти - -	56
V. Рондо. - - - -	76
VI. Мадригалы. - - - -	78
VII. Эпиграммы. - - - -	79
VIII. Эпитафіи. - - - -	80
IX. Египетское ученіе о пути, ве- дущемъ къ познанію всея духо- вныя цѣпи. - - - -	81

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

I.

Философическое разсужденіе о разсудкѣ.

Разсудокъ, или паче здравое разсужденіе, есть дѣйствіе души, (принявъ ее въ соединеніи съ тѣломъ) чрезъ которое она разсмаприваетъ произшедшія въ воображеніи идеи, и сравнивая ихъ между собою дѣлаетъ посредствомъ природнаго своего разума заключеніе, доброе ли какое дѣло или злое, истинное или ложное, нужное или не нужное, благовременное или безвременное, возможное или невозможное, пристойное или непристойное, и такъ далѣе.

И такъ здѣсь во первыхъ со стороны тѣла участіе имѣютъ чувства, которыя представляютъ уму свой-

ства и обстоятельства вещей, а потомъ со стороны души разумъ, который разбираетъ вещи, различаетъ и соединяетъ между собою идеи, изъ которыхъ вмѣстѣ истекаетъ то, что мы называемъ *разсудкомъ*; почему оный безъ вспомоществованія и содѣйствія тѣла быть не можетъ.

И потому по справедливости отличаемъ мы *разумъ* отъ *разсудка*. Поелику *разумъ* есть существенная сила души, истекающая изъ жизни души, которая и послѣ смерти не можетъ уничтожиться и исчезнуть. Но *разсудокъ* есть дѣйствіе, происходящее изъ естественной жизни и изъ соединенія души съ тѣломъ, въ чемъ тѣло и душа, какъ прежде упомянуто, должны брать участіе. Отъ чего бываетъ то, что при разлученіи души съ тѣломъ и *разсудокъ*, какъ вещь происходящая изъ соединенія оныхъ, исчезаетъ; *разумъ* же съ душою на всегда пребудетъ.

Да и не нужно до сего доходить; ибо если тѣло только чѣмъ нибудь повредится, и разстроится естественная жизнь: то тотчасъ можно чувствовать недостатокъ *разсудка* и слабость въ ономъ, или безуміе, или самое бѣшенство либо ребячество и проч. Какъ то въ особенности таковой не достаетъ

токъ бываетъ, когда тѣло исполнено множествомъ мокротъ и другими нечистотами, и когда мозгъ поврежденъ; равномерно приключается сіе во время падучей болѣзни и горячки. Сіи тѣлесныя припадки хотя затмѣваютъ разумокъ, однако повредить разума никакъ не могутъ.

Что разумокъ есть дѣйствіе естественной жизни, сіе можно доказать и тѣмъ, что онъ такъ какъ и прочія открывається съ лѣтами; ибо въ первомъ и самонѣжнѣйшемъ возрастѣ изъ онаго почти ничего, или по крайней мѣрѣ только самую малость можно примѣпить, и человекъ до извѣстнаго времени и лѣтъ долженъ дожить прежде, нежели, какъ обыкновенно говорится, въ состояніи будетъ разсуждать, то есть достигнуть до совершеннаго навыка и способности въ употребленіи своего разсудка.

Да и не только въ семъ случаѣ, но хотябъ онъ и пришелъ уже въ совершенныя лѣта, то и тогда въ одно время дня менѣе можетъ дѣйствовать разсудкомъ; нежели въ другое; ибо особливо послѣ кушанія можно чувствовать примѣтную неспособность разсудка; а напротивъ того большую бодрость онаго въ часы упренія, хотя душа по се-

бѢ и послѢ кушанія столь же разумна, какѢ и поупру. Того ради таковая неспособность происходитѢ единственно отѢ того, что душа не въ состоянїи заняться двумя дѣйствїями съ равною силою, и такѢ послабляетѢ она нѣсколько дѣйствїя разсудка, дабы послѢ кушанія могла лучше споспѣшествовать движенїямѢ жизненнымѢ, сваренїю пищи и проч.

Однако сокрытый въ душѢ разумѢ оказывається вездѢ и во всякое время, даже и въ то самое, когда человекѢ по естественной жизни еще не въ состоянїи познать чего нибудь посредствомѢ здраваго разсуденїя. Ибо сіе познанїе можно видѢть и въ новорожденныхъ младенцахѢ, поелику они знаютѢ, что молоко есть ихѢ пищею, котораго они съ жадностїю желаютѢ. Они знаютѢ, что, дабы напитаться онымѢ, должны высасывать оное изѢ матерней груди: по сей то самой причинѢ прижимаютѢ они языкомѢ пишьку безѢ всякаго къ тому наученїя, и симѢ способомѢ достаютѢ для себя молоко.

Мы и теперь видимѢ, что люди, достигшіе совершеннаго возраста и очистившіе свой разсудокѢ, имѢютѢ многїя познанїя, которыя они не посредствомѢ разсудка прїобрѣтаютѢ и открываютѢ.

Ме-

Между прочимъ ради обЪясненія се-
го намЪрены мы привести сей нелож-
ный примѣръ. Мы увѣрены, что душа жи-
ветъ въ тѣлѣ, и что она съ нимъ соединена
и ежедневно его питаетъ; однакожъ раз-
судкомъ непостигаемъ, какъ она соеди-
нена съ тѣломъ, и гдѣ она имѣетъ свое
пробываніе. Намъ не извѣстно, какія мы
внутреннія имѣемъ части, и какой
видъ имѣетъ потрохъ, селезенка, мозгъ
и проч. мы также не знаемъ, къ чему
они служатъ, хотя душа будучи въ
тѣлѣ ни одного дня безъ оныхъ обой-
тись не можетъ, а особливо безъ моз-
гу, который потребенъ ей при разсудкѣ
и употребленіи онаго.

Кто станетъ пропировѣчить, что
познанія сихъ вещей не находится въ
душѣ, хотя по одному разсудку не
можемъ ничего о томъ рассказать? ибо
какъ бы она могла тѣ части питать и
приводить въ движеніе, естлибъ не
имѣла никакого обЪ нихъ понятія? и
какъ можно разумному существу, буду-
чи шоль тѣсно соединену съ тѣломъ,
не имѣть обЪ ономъ никакого свѣдѣнія?

Хотя душа посредствомъ разума и
имѣетъ познаніе о тѣлѣ, однакожъ не мо-
жетъ онаго вообразить, и въ видѣ идей
живо себѣ представить; поелику ей для
таковаго дѣйствія потребно вспомоще-

ствованіе внѣшнихъ чувствъ. А какъ внутреннія части, находящіяся въ тѣлѣ, не могутъ быть ни видимы ни осязаемы внѣшними чувствами: посему никакое дѣйствіе умоображенія и разсудокъ сего не проникаетъ.

Но какъ скоро человѣку представляются и покажутся внутренніе члены посредствомъ анапоміи или другихъ чувственныхъ изображеній: то въ то же время открывається сіе познаніе разсудку.

И такъ *разсудокъ* есть истеченіе и орудіе чувствъ и разума, и познаніе открывающееся въ продолженіе естественной жизни; слѣдовательно разумъ не только преимущественнѣе разсудка, но и старѣе бытіемъ своимъ; поелику разсудокъ есть дѣйствіе разума.

Хотя теперь разумъ души открывається наипаче посредствомъ разсудка; но какъ онъ ни отъ времени, ни же отъ возраста человѣческаго не зависитъ, какъ выше упомянуто: то равномерно не зависитъ онъ и отъ самаго разсудка такъ, чтобъ онъ безъ него не могъ распространиться: ибо, какъ мы выше сказали, усматривається нѣчто разумное во всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ человека, какъ бы они названы ни были, также

такъ же и въ таковыхъ, въ коихъ разсудокъ не имѣетъ никакого участія.

Люди, съ лишкомъ возвышающіе разсудокъ и поспавляющіе почти все существо души въ томъ, что она мыслитъ, да научатся изъ сего, что они чрезъ такое описаніе не касаются еще существа оной; поелику сіе есть только такое дѣйствіе, котораго ей одной никакъ не можно приписать, и она его не иначе, какъ въ соединеніи съ тѣломъ, исполнять можетъ; и такъ все равно, что сказать, существо человѣка состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ или пишетъ, или дома строитъ; ибо это все только частныя дѣйствія человѣческія, истекающія изъ человѣчества; такъ какъ и разсудокъ есть только частное дѣйствіе души, которое имѣетъ основаніемъ существо оныя; а какъ мыслить и дѣлать заключеніе, есть очевидное дѣйствіе естественной жизни: по вся сія способность, какъ извѣстно, теряется при концѣ временной жизни, безъ малѣйшаго однакожъ поврежденія существа души.

Но какъ теперь разсудокъ, занимается изображеніями и идеями, взятыми отъ тѣлъ и матеріальныхъ вещей, и оныя во время сего дѣйствія необходимо должны быть его основаніемъ: по изъ

того легко можно понять, что познание, такимъ образомъ въ человѣкѣ произшедшее, очень несовершенно и недостапно бытъ должно; понеже истина сама по себѣ есть совсѣмъ духовна.

Послѣ того разсудокъ весьма ограничивается и не можетъ далѣе проникнуть, какъ только куда поведутъ чувства тѣлесныя; и гдѣ они начинаютъ терять слѣдъ тѣлѣ, шамъ и разсудокъ начинаетъ весьма сомнѣваться, или по крайней мѣрѣ познавать несовершенно.

Итакъ разсудокъ, будучи оставленъ чувствами, странствуетъ одинъ въ весьма глубокой темнотѣ и невѣдѣннѣ, и доходитъ до границъ духовныхъ вещей, а пришедъ туда, либо совсѣмъ оспанавливается, или когда далѣе отважится подходить, то заходитъ наконецъ въ опасный лабиринтъ, гдѣ не имѣя ничего, чтобы могло его остановить, ниспадаетъ въ пропасть, изъ которой выпти и попасть на истинный путь иначе уже не можетъ, если не просвѣтится и не исправится чрезъ бестелственнымъ свѣтомъ *духа премудрости и откровенія*.

Сверхъ того, поелику разсудокъ есть дѣйствіе производимое посредствомъ тѣлесныхъ и при томъ доволь-

но грубыхъ органовъ: то и самое сіе бываетъ весьма не совершенно; ибо грубые органы тѣла, суть душѣ немалымъ препятствіемъ въ ея упражненіи; что и есть причиною, что дѣйствія, ею такимъ образомъ производимыя, бываютъ тягостны и затруднительны, и что до оныхъ еще должно ей посредствомъ навыка достигать.

А какъ такіе органы, будучи тѣлесные, весьма легко могутъ повредиться, и всякаго рода припадкамъ и болѣзнямъ подвергнуться: то кто не видитъ изъ сего, какое они въ семъ дѣйствіи производятъ затрудненіе, и имѣя въ себѣ недостатки (ибо рѣдко они безъ какого нибудь бываютъ) коль многократно препятствуютъ зрѣлому разсужденію и правильному познанію, какъ то сіе доказываетъ и самое обыкновенное различіе темпераментовъ, по которымъ у одного разсудокъ чище, нежели у другаго, такъ какъ и состояніе болѣзней, отъ коихъ разсудокъ очевидно затмѣвается, распространяется и даже совсѣмъ теряется?

Чувства представляютъ часто вещь, о которой разсуждать можно совсѣмъ несправедливо и превратно, наипаче тогда, когда человекъ спѣша не хорошо разсматриваетъ, или когда

органы и чувственные орудія не хорошо расположены или испорчены; и такъ вещь, либо несовершенною или ложною и ни мало несправедливою представляется понятію, по большей части тогда, когда она отъ чувственныхъ орудій бываетъ такъ отдалена, что чувства совершенно могутъ ее досязать, и такъ далѣе. Изъ чего въ разсудкѣ не можетъ произойти ничего другаго, кромѣ совсѣмъ несовершеннаго заключенія, или и совсѣмъ ложнаго о вещи понятія.

Часто бываютъ чувства обмануты и умовоображеніемъ, естли на примѣръ ужасный видъ человѣку представится; ибо тогда оно легко можетъ увѣрить глаза, что сія или другая тѣнь есть вещь опасная, которой бояться надобно, и глаза понимаютъ ее не иначе, какъ будто бы она передъ ними находилась, отъ чего будто бы происходитъ шумъ, и будтобы то точно слышали уши и проч. такимъ образомъ обманутыя чувства умовоображеніемъ и страстями, обманываютъ послѣ того умовоображеніе и разсудокъ, и раждаютъ въ таковомъ замѣшательствѣ вмѣстѣ одни ложныя представленія и заключенія.

Того ради необходимо нужна въ такихъ умозаключеніяхъ предосторожность,

ность, чтобъ разсмотрѣть прежде, поч-
ноли воображенія и понятія изъ оныхъ
произшедшія справедливы, и въ такомъ ли
точно видѣ и положеніи представляющ-
ся они другимъ, а особливо не имѣющимъ
къ тому никакого пристрастія? Для се-
го то Богъ повелѣлъ *да станетъ всякій*
судъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ;
какъ и самъ Спаситель, для большаго
увѣренія міра въ своихъ дѣянiяхъ, избралъ
дванадцать свидѣтелей и представилъ
оному.

Не говоря о томъ, что чувства,
хотя и прямо вещь понимаютъ, одна-
ко только поверхность и скорлупу
оныхъ, а самаго зерна и сущности ихъ
едва самой малѣйшей части касаются:
того ради разсудокъ вообще весьма ма-
лое понятіе имѣетъ о внутренней си-
лѣ вещей, и судитъ объ оной по боль-
шей части такъ, какъ слѣпой о цвѣ-
тахъ.

Почему разсудокъ во многихъ ве-
щахъ слѣпъ, и усматриваетъ по выше-
объявленнымъ причинамъ самую ма-
лость изъ твореній Господнихъ; и то, что
онъ видитъ обыкновенно толь несовер-
шенно, болѣе можетъ почестъся догад-
ками и правдоподобіями, нежели спра-
ведливыми познаніями истинны; что до-

казываютъ довольно запушанныя распри и споры ученыхъ.

По сему коль рѣдкою и благородною вещію должна быть истинна между людьми во всѣхъ наукахъ и знаніяхъ!

И не по основательной ли причинѣ мы держимся того, что большая часть полезнѣйшихъ изъ оныхъ не столько дѣйствиємъ разсудка, сколько непоспозимымъ *промысломъ* и путеводительствомъ божіимъ на свѣтъ происходить, посредствомъ которыхъ первыя явленія или сѣмена истинны открыты и приняты за основаніе, кои потомъ разсудокъ понявши, и шествуя симъ слѣдомъ далѣе, вывелъ изъ оныхъ больше истинны? ибо безъ того разсудокъ не въ состояніи въ самомъ началѣ проникнуть истинны, естли по прежде откровеннымъ извѣстнымъ явленіямъ и признакамъ не будетъ заключать о дальнѣйшемъ слѣдствіи и дѣйствіи вещей.

Какимъ образомъ и способомъ такое дѣйствіе разсудка душа производитъ, еще о семъ и самымъ ученнѣйшимъ не извѣстно; ибо еще и до сего времени во всѣхъ дѣйствіяхъ и качествахъ какъ бы нѣкоторыя печати были на нихъ наложены, коихъ никто не могъ разрѣшить; но сіе только подлинно извѣстно

стно, что наружныя чувства, а особливо мозгъ, къ тому не обходимо нужны.

А какъ разсудокъ есть дѣйствіе души, которое производитъ она помощію извѣстныхъ частей тѣла: то изъ сего слѣдуетъ, что оному съ тѣломъ пасты, а съ естественною жизнію вмѣстѣ уничтожиться должно; разумъ же управляющій разсудкомъ, подобно душѣ пребудетъ невредимъ и вѣченъ.

Наконецъ все сіе, будучи во внутренности приутошовлено, оказывается посредствомъ внутреннихъ движеній; отъ чего происходитъ либо прилѣпленіе къ добру, или отвращеніе отъ зла; ибо душа сдѣлавъ очемъ нибудь заключеніе, производитъ оное въ дѣйство и поступаетъ по оному, что вообще называется *движеніемъ душепнымъ* или *движеніемъ мѣстнымъ*, которое есть внѣшнимъ движеніемъ тѣла, для различія отъ движеній жизненныхъ, кои почти всѣ внутри тѣла производятся.

Изъ сказаннаго до сихъ мѣстъ легко можно заключить, что душа и сіе *движеніе* сама производитъ; и хотя таковыя движенія кажутся управляемы бытъ разсудкомъ; однако они не всегда происходятъ посредствомъ извѣстнаго и собственнаго дѣйствія разсудка: поелику извѣстно, что человекъ много дѣлаетъ, о чемъ и не

не помышляетъ, думая и располагая со всѣмъ о другихъ вещахъ.

Однакожъ между тѣмъ всегда при помянутыхъ движеніяхъ, происходятъ ли оныя посредствомъ разсудка или нѣтъ, усматривается нѣкоторое усстремленіе; сверхъ того бываетъ такожъ и выборъ членовъ и орудій, т. е. напрягается и приводится въ движеніе то, чрезъ что можно достигнуть цѣли; какъ на пр. при зрѣніи, глаза, при хожденіи, ноги и пр.

Да и въ самомъ движеніи наблюдается извѣстная пропорція по качествамъ и величинѣ представляющагося предмета; и потому движеніе иначе располагается, и другой образъ и пріемъ употребляется, естли надобно подвигнуть и дѣйствовать чѣмъ нибудь легкимъ или тяжелымъ, грубымъ или нѣжнымъ, мягкимъ или твердымъ; и такъ далѣе. Сюдажъ принадлежитъ и поспѣшность, употребляемая въ движеніи, наипаче, естли нѣтъ довольноаго времени; также и размышленіе, безъ котораго легко можно попасть въ заблужденіе и погрѣшить; и сіи то суть обстоятельствова, изъ коихъ довольно явствуется, что и наружныя, грубыми кажушіяся, тѣлодвиженія должны быть располагаемы нѣкимъ

кіимъ внутреннимъ разумнымъ существомъ т. е. душею.

Орудія употребляемая душею при таковыхъ движеніяхъ суть нервы, мускульныя и перепоночныя части шѣла. Душа во первыхъ непосредственно впечатлѣваетъ движеніе въ нервы; и для сего по все движеніе какого нибудь члена останавливается, когда главный онаго нервъ перевязанъ будетъ; а чрезъ нервы попомъ переходитъ движеніе въ мускулы и проч.

Сіи по суть внутри и внѣ шѣла происходящія, единомушно отъ всѣхъ душъ приписываемыя движенія, не взирая на то, что она дѣйствуетъ на оное посредствомъ многихъ шѣлесныхъ и матеріальныхъ обстоятельство; и хотя сіи движенія и не сходствуютъ съ шѣми жизненными движеніями и почное усматривается между ними различіе, однакожъ опнюдъ они не раздѣлены такъ, чтобъ между ними не было никакого сообщенія, но паче имѣютъ они еще и взаимное другъ въ друга вліяніе.

II.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Облаженствѣ.

Блаженство есть нравственное состояніе разумнаго существа, провождаю-

дающаго жизнь свою въ непрерывномъ послѣдованіи пріятныхъ понятій.

Можно разумѣть изъ сего опредѣленія, что мы блаженство беремъ :

I. *Во всемъ его пространствѣ*, сколько оно вообще можетъ приличествовать всѣмъ разумнымъ существамъ ; ибо что касается до тѣхъ родовъ частнаго блаженства, которое доставляютъ для себя разумныя существа, то оныя происходятъ отъ различнаго рода понятій сихъ самыхъ существъ

II. *Во всемъ его совершенствѣ* ; ибо если пріятныя понятія разумныхъ существъ бывають смѣшаны съ непріятными : то никогда не лзя сказать, чтобъ такое разумное существо было блаженно. Всѣ люди въ семъ послѣднемъ двоякомъ смыслѣ были бы болѣе или менѣе блаженны ; но не сіе должно почитать истиннымъ блаженствомъ разумныхъ существъ.

Дабы ограничить себя въ полъ обширной матеріи, о которой много разсуждаемо было : то изысканія наши будутъ относиться не болѣе, какъ ко двумъ пунктамъ.

Мы разсмотримъ, что наипаче нужно къ совершенному блаженству разумнаго существа ; а потомъ будемъ разсуждать о возможности онаго.

Мы надѣемся, что сіи изысканія послужатъ къ разсѣянію многихъ сомнѣній въ разсужденіи нравственной стройности вселенной и путей промысла Божія, сомнѣній, которыя всегда запутывали Философовъ. Въ самомъ дѣлѣ, естли чрезмѣрное и упорное желаніе счастья, которое обладаетъ разумными существами и не оспариваетъ оныхъ никогда, сравнить съ шѣнію блаженства находящагося въ свѣтѣ; то можно помыслить, что всевышнее существо или отъ недостатка силъ, или отъ несоизволенія не приняло лучшихъ возможныхъ мѣръ къ исполненію сего желанія, которое оно вложило въ свои разумныя творенія. Подобныя сомнѣнія чрезмѣрно безпокоятъ всякаго разсуждающаго человѣка, и мы не видимъ, чтобъ усилія великихъ Философовъ, предпринимавшихъ уничтожить оныя, не обвинивъ Творца до сего достигли. Сего довольно для принятія вновь рѣшенія на покушеніе и окончанія онаго съ похвалою.

Предполагая безконечное Существо сотворившее міръ, и приписывая ему безконечную власть и неограниченное милосердіе, естественно можно думать, что каждое разумное существо столько счастливо, сколько оно можетъ быть такимъ, не взирая на досады и неудовольствія, сопровождающія его бытіе. Ибо естли

невозможно, чтобъ Богъ съ своею безконечною властію могъ довести ограниченное существо до *блаженства*, не заставивъ оное пренести досадъ и неудовольствія: то во что обращаются сомнѣнія и роптанія людскія противъ провидѣнія при возрѣніи на спраждушія существа? Сіе то побудило насъ разсмотрѣть со всевозможнымъ стараніемъ природу разумныхъ ограниченныхъ существъ, дабы удостовѣриться, естли то возможно, наслаждаются ли они *блаженствомъ*, которое бы не было сопряжено съ злосчастіемъ.

Все вообще согласны, что *блаженство* происходитъ отъ удовольствія, и что неудовольствія оному противны. Жизнь совершенно удаленная отъ всякихъ огорченій, и наполненная пріятными чувствованіями была бы совершенное *блаженство*: желаніе такого *блаженства* насъ легко прельщаетъ, и мы бы желали, чтобъ оное было возможнымъ. Обыкновенно только смотря на наружныя причины *блаженства* и неудовольствія, и воображая себѣ тысячу средствъ способныхъ дать другое теченіе произшествіямъ въ мірѣ, изгоняютъ все неудовольствія жизни, и желаютъ, чтобъ царствовала въ оной одна только пріятность и веселіе. Но не можно

жно судить о возможности совершеннаго блаженства развращенному и изступленному уму.

Кромѣ внѣшнихъ причинъ блаженства, мы имѣемъ въ самыхъ себѣ спеченіе причинъ, производящихъ удовольствіе и скуку, или препятствующихъ онымъ. По опроверженіи которыхъ произшествія случающіяся въ свѣтѣ совѣмъ въ другомъ бы видѣ показались нежели какъ они кажутся. Но внутренность вещей и ихъ сущность не могутъ никогда быть превращены. Еслили сущность ограниченнаго существа есть такая, что неудовольствіе въ достиженіи высочайшаго блаженства ей сроднаго для нея есть необходимо: то совершенное блаженство безъ примѣру золъ быть не можетъ. И такъ для рѣшенія сего вопроса должно искать причины во первыхъ въ природѣ ограниченнаго существа; въ оной то должно усмотрѣть какимъ образомъ рождаются какъ радость такъ и печаль, и возможность умножить число однихъ, равно какъ и избавишься другихъ.

Разсмотримъ теперь колико разумное ограниченное существо можетъ быть освобождено отъ неудовольствій. Хотя неудовольствіе входитъ тысящными образами въ душу, однакожъ можно раздѣлить его причины на два рода. Первой зависитъ отъ самого разумнаго су-

щества, а другой отъ внѣшнихъ причинъ, отъ сложенія и происшествій случающихся въ мірѣ. Внутреннія причины неудовольствія суть:

1) Слабость разума не позволяющая ему имѣть успѣха во всѣхъ изысканіяхъ. На пр. мы стараемся изъяснить понятіе, найти рѣшеніе трудности, или истолкованія дѣла по назначенію и предпріятію; но всѣ наши усилія бесполезны; и мы не находимъ того, чего ищемъ, для того ли, что сіе дѣйствительно превосходитъ наши силы, или для того, что мы не избрали прямого пути для достиженія нашей цѣли: и такъ мы чувствуемъ себя остановленныхъ въ теченіи нашихъ мыслей, и принужденныхъ ссавить предметъ, къ которому разумъ нашъ стремился. Сіе необходимо должно произвести непріятное чувствованіе. Изъ сего можно разумѣть заблужденія, въ кои впадаютъ чрезъ ложныя разсужденія о вещахъ, чрезъ имѣющіяся предразсудки, и чрезъ ложныя заключенія изъ оныхъ слѣдующія. Сіе въ насъ производитъ неудовольствіе, которое насъ огорчаетъ тогда, когда мы начинаемъ познавать наши заблужденія и бѣдственныя оныхъ слѣдствія, которыхъ чувствованіе весьма долго въ насъ остается.

2) Недостатокъ въ помощи отъ насъ самихъ. Съ самаго начала нашего бытія и до конца онаго мы зависимъ въ случающихся намъ нуждахъ отъ различныхъ существъ; мы умножаемъ сіи зависимости часто для насъ пагубныя, а всегда непріятныя, умноженіемъ существенныхъ или воображаемыхъ нуждъ.

3) Желанія превосходящія наши силы; ибо ежели мы не можемъ ихъ исполнить, то наши понятія теряютъ чрезъ то пріятность и получаютъ горесть.

Присовокупимъ порокъ въ нравственномъ свойствѣ, изъ коего рождаются чувствованія и дѣйствія противныя вѣчнымъ законамъ порядка и красоты нравственной. Всякой разъ когда ни усматриваемъ, что думали и поступали противъ сихъ законовъ, то отъ сего мы скучаемъ и стыдимся.

И такъ для избѣжанія неудовольствія, которое въ сихъ случаяхъ есть неминуемо, надлежалобъ 1) чѣтобъ разумныя существа имѣли столько силы разума, чѣтобъ получить успѣхъ во всѣхъ своихъ изысканіяхъ; 2) чѣтобъ они въ своихъ разсужденіяхъ не впадали ни въ какія заблужденія; 3) чѣтобъ заблужденіе не привело ихъ къ такимъ дѣламъ, слѣдствія коихъ бывають обыкновенно

непріятны; 4) чтобъ они могли находить въ самихъ себѣ всю нужную для нихъ помощь; 5) чтобъ они имѣли желанія соразмѣрныя всегда ихъ силамъ; 6) чтобъ они наблюдали ту правоту, которая бы ихъ безпрестанно защищала отъ всякаго чувствованія и дѣйствія противнаго непремѣннымъ законамъ нравственнаго порядка и красоты. Изъ сего явствуетъ, что ежели все сіе не будетъ съ точностію исполняемо, то разумное существо не можетъ обойтись безъ неудовольствія, котораго причины находятся въ немъ самомъ. Мы рассмотримъ ниже, можетъ ли сіе быть.

Внѣшнія причины неудовольствія суть: 1) предметы имѣющіе безобразіе или не совершенство, которыя бывають или въ самомъ дѣлѣ, или по одному только воображенію, и когда мы усматриваемъ, что оныя производятъ или болѣзнь въ нашемъ тѣлѣ противнымъ качествомъ нашему благосостоянію, или причиняютъ муку душѣ отъ Физическаго или нравственнаго недостатка; 2) произшествія противныя нашимъ желаніямъ, намѣреніямъ, предпріятіямъ. Дабы предохранить разумныя существа отъ непріятныхъ чувствованій, которыя внѣшнія причины производятъ, надлежалобъ 1) чтобъ не было

было безобразія и несовершенства какъ физическаго, такъ и нравственнаго въ предметахъ представляющихся ихъ чувствамъ; 2) чтобъ всѣ ихъ желанія, ихъ намѣренія и предпріятія совершенно согласовались съ произшествіями въ мірѣ приключающимися.

Въ противномъ же случаѣ надлежало, чтобъ разумныя существа были совершенно нечувствительны и безумны. Ибо, дабы быть счастливымъ, неудовольствіе всегда есть соразмѣрно вниманію и разсужденію (прочее все равно); что самое подтверждають опыты. Ибо чѣмъ глупѣе скотъ, тѣмъ менѣе бываетъ онъ чувствителенъ въ разсужденіи неудовольствія. Если бы всѣ разумныя существа были такъ безумны какъ чувственыя растѣнія (*зоофітаи*), то неудовольствіе было бы очень рѣдко въ мірѣ.

Дабы теперь судить о возможности сего, надобно имѣть предъ глазами все потребное къ приведенію тѣхъ же самыхъ существъ испытать лестныя чувствованія. Не одно только избѣжаніе неудовольствія составляетъ блаженство; нужно сверхъ того, чтобъ жизнь была исполнена пріятныхъ минутъ. Если бы потребное къ удовольствію противорѣчило тому, чего требуетъ избѣжаніе неудовольствія: то тогда бы мы могли смѣло увѣ-

рять, что совершенное блаженство есть невозможность.

Разсмотримъ же теперь то, чего требуетъ удовольствіе. Что касается до чувственныхъ увеселеній, имѣющихъ свое начало въ составѣ тѣла, то оныя бы предположили такой порядокъ и правильность въ движеніи, какой въ чувственныхъ жилахъ. Тѣло, потому что оно есть часть міра вещественнаго, участвуетъ во всѣхъ движеніяхъ случающихся въ мірѣ. И такъ, дабы всякое разумное существо было всегда пріятнымъ образомъ упражнено наружными предметами, то надлежало бы, чтобъ всякое движеніе въ мірѣ, или по крайней мѣрѣ то, котораго дѣйствіе бываетъ чувствительно каждому въ особенностяхи, производилось согласно съ правилами красоты и порядка для всѣхъ равными.

Удольствія относящіяся къ разуму, предполагаютъ неоптѣнно познанія, разсужденіе и вообще изощреніе разсудка, и сверхъ того непрерывное преуспѣваніе въ познаніяхъ; ибо одни пріятныя понятія чрезъ повтореніе мало по малу теряютъ свою пріятность такъ, что надлежитъ имѣть всегда новыя и сложнѣйшія. И такъ совершенное блаженство предполагаетъ весьма простран-

ныя

ныя познанія и великой навикѣ къ разсужденію, однимъ словомъ, все, что требуется къ тому, чтобъ не быть подвержену обману и видѣть истинну и красоту вещей, съ которой бы стороны онѣ ни представлялись. Когда міръ и природа суть предметы, коими непрерывно занимается разумъ: то должно вездѣ сіять порядку и красотѣ, дабы непрестанно снабждать разумныхъ тварей предметами, зрѣніе коихъ возбуждало въ нихъ пріятное чувствованіе.

Наконецъ нравственныя удовольствія требуютъ менѣе познаній, нежели *удопольствія разума*; но оныя требуютъ болѣе дѣятельности, непрестаннаго вниманія къ познанію состоянія другихъ разумныхъ существъ, и наконецъ силы имѣть вліянія на оныя. И такъ сіе предполагаетъ и въ самыхъ разумныхъ тваряхъ совершенную нравственную доброту, и въ оныхъ тѣсной союзъ между собою; ибо безъ сего союза не можно успѣвать въ нравственной добротѣ. Сверхъ того надлежитъ, чтобъ окружность сего союза простиралась всегда далѣе, дабы нравственное удовольствіе могло непрестанно прирастать; безъ чего оное скоро исчезаетъ.

Вотъ все потребное или для удаленія неудовольствій, или для непре-

рывнаго прехожденія отъ одного пріятнаго чувствованія къ другому! Должно здѣсь примѣнить, что какъ все сіе выведено не изъ особливаго свойства челоука, но изъ сущности каждаго разумнаго существа: то оное должно быть одинаково для всѣхъ родовъ сихъ существъ, какого бы состоянія они ни были. Ибо всѣ въ самой точности имѣютъ одинакую природу; и естли они должны достигнуть совершеннаго блаженства: то надлежитъ, чтобъ всѣ упомянутыя принадлежности имѣли мѣсто, какая бы впрочемъ ни была удѣльная разность одного состоянія въ разсужденіи другаго.

Соображая сіе съ тѣмъ, что потребно къ совершенному изъятію неудовольствія, явствуетъ 1.) что сіе изъятіе, которое можно было получить чрезъ совершенную нечувствительность, совершенную грубость въ способностяхъ разума, и наконецъ совершенное незнаніе истинны и нравственной красоты, не могло бы быть безъ того, чтобъ потребное къ удовольствію не претерпѣло отъ онаго вреда; ибо средства сіи не могутъ иначе удалить неудовольствія, естли не отвращеніемъ самыхъ выгодныхъ склонностей, потребныхъ къ удовольствію чувственному, нравственному и удовольствію разума;

2) что слѣдовательно принадлежности нужныя къ отвращенію неудовольствія суть почти одинаковы съ потребными ко вкушенію удовольствія, котораго сущность есть съ одной стороны совершенство способностей разума и сердечныхъ чувствованій, соединенное со многимъ познаніемъ; а съ другой совершенной порядокъ въ стройности міра.

И такъ мы не находимъ въ семъ никакого явнаго противорѣчія, которое бы насъ принудило отвергать возможность совершеннаго *блаженства*. На противъ того, поелику человекъ въ состояніи къ приведенію въ лучшее совершенство своихъ способностей, какъ относящихся до разума, такъ и нравственныхъ, кажется можетъ чинить непрестанныя успѣхи въ достиженіи совершеннаго *блаженства*; сверхъ того какъ скоро полагаютъ, что расположеніе міра, есть дѣло существа безконечно разумнаго и всемогущаго: то не возможно, чтобъ сіе существо не поступило согласно съ правилами порядка и красоты; ибо, творя вещи другимъ образомъ, оно бы поступило противъ самого себя. Еслии сіе справедливо, то и не должно быть въ свѣтѣ вещественнаго недостатку, какъ въ частяхъ такъ и въ цѣломъ. *Слѣдовательно духъ ограниченный*

ный не можетъ ничего найти въ мірѣ кромѣ видимыхъ недостатковъ. И такъ если онъ успѣваетъ непрестанно въ приведеніи въ совершенство своихъ способностей: то можетъ статься, что придетъ время, въ которое онъ увидитъ вещи такъ, какъ онѣ дѣйствительно находятся, и тогда онъ не будетъ подверженъ неудовольствіямъ, происходящимъ извнѣ, и совершенство его способностей предохраняющее его отъ неудовольствій, истекающихъ изъ внутри учинитъ его свободнымъ отъ всякаго неудовольствія.

Что касается до удовольствія, то тоже предположеніе безконечнаго существа, Творца вселенной, приводитъ насъ къ весьма пріятнымъ заключеніямъ. Можно въ затрудненія видѣть, какъ бы кто мало ни судилъ, что все необходимое къ удовольствію можетъ и должно имѣть мѣсто.

Изъ всего сказаннаго нами явствуетъ, что предполагая безконечное существо, вину всего существующаго, не только возможно, но и весьма вѣроятно, что всѣ конечныя существа доходятъ чрезъ послѣдованіе времени до состоянія, въ которомъ не имѣя никакого неудовольствія они будутъ

дуть переходить отъ одного пріятнаго чувствованія къ другому. Тогда по всякое существо одаренное чувствованіемъ и разумомъ будетъ наслаждаться совершеннымъ блаженствомъ, и тогда по въ мірѣ виденъ будетъ вездѣ порядокъ, согласіе и красота.

Здѣсь представляются важные и достойные всего нашего вниманія вопросы. Если возможно, чтобъ мірѣ дошелъ до сей степени совершенства, то не могло ли бы безконечное существо сократить сего времени? не могло ли бы оно избавить разумныхъ существъ отъ сего столь труднаго и бѣдственнаго пути ведущаго къ совершенному блаженству? не могло ли бы оно сотворить міра въ такомъ состояніи совершенства, до котораго можетъ оной дойти въ послѣдствіе временъ? необходимо ли должно было, чтобъ конечныя существа, для достиженія цѣли ихъ, творенія были подвержены столькимъ слабостямъ, заблужденіямъ и несчастіямъ? Вотъ вопросы, о коихъ философы подлинно мало думали! Если скокъ изъ небытія въ столь счастливое бытіе возможенъ такъ, что разумныя существа отъ того ничего не теряютъ: то кажется сіе весьма достойно выбора существа премилосердаго. И такъ
ка-

кажется безъ всякой трудности можно заключить, что сіе не было возможнымъ, попому что оно не имѣло мѣста.

Но сія невозможность основана ли на свойствахъ Творца, или на природѣ твореній? Премудрость и милосердіе безконечнаго существа воспрепятствовали либѣ избавленію разумныхъ ограниченныхъ существъ отъ толкихъ несчастій; или лучше сказать, сама природа сихъ существъ опрелась ли бы отъ *блаженства* исключеннаго отъ всякаго несчастія? Мы осмѣливаемся сказать, что Философы, доказывавшіе сіи вопросы, рѣшили ихъ очень слабо. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что Богъ, давъ бытіе всѣмъ ограниченнымъ существамъ, могъ расположить ихъ природу и свойства по своему произволію, и что нѣтъ никакой препоны съ стороны тварей. Въ такомъ положеніи онъ могъ ихъ сотворить безъ слабостей и совершенно добрыми безъ всякаго смѣшенія съ зломъ. Изъ чего заключаемъ, что понеже онъ сего не учинилъ, то его собственное естество воспрепятствовало сему. Послѣ сего заключенія искали между свойствами безконечнаго существа такихъ свойствъ, кои воспрепятствовали уничтоженію зла въ мірѣ. Думали, что то была безконечная премудрость, допустившая настоящія не-
сча-

счастія для избѣжанія гораздо большихъ, и для полученія чрезъ сіе самаго ; какое только возможно, величайшаго блага.

При разсмащриваніи съ довольнымъ вниманіемъ сего умспвованія найдется, что хотя и приписываютъ несчастія попущенію премудрости Божіей, однакожъ должно точно положить, что оныя несчастія необходимы по свойству сихъ ограниченныхъ существъ ; ибо всевышняя премудрость уменьшаетъ несчастія столько, сколько возможно ; то есть столько, сколько можетъ снести естественное несовершенство тварей. Еслибъ міръ, въ которомъ бы всѣ разумныя существа были совершенно блаженны, былъ возможенъ : то неограниченная премудрость точно бы не возпрепятствовала произведенію сего міра. Да и таковою міръ возможенъ, еслии положить, что безконечное Существо могло бы дать въ то же время разумнымъ существамъ то же совершенство разума и сердца, которое они получаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и вѣковъ. Еслии захотятъ утверждать, что божественная Премудрость не могла допустить сего шага, то должно доказать, какое зло оной могъ бы произвести? Но какъ сіе невозможно, то намъ и не остается сказать инаго, кромѣ того,

го, что сей шагъ несоизмѣренъ природѣ ограниченныхъ существъ. Послѣ же сего заключенія можно ясно видѣть, что все зло происходитъ единственно отъ природы ограниченныхъ существъ такъ, что ни коимъ образомъ не возможно было симъ пребывающимъ существамъ въ томъ воспрепятствовать. И такъ доказано, что не свойство безконечнаго существа, но самая природа конечныхъ существъ, дѣлаетъ невозможнымъ совершенное ихъ блаженство. Сія невозможность собственно состоитъ въ томъ, что природа ограниченаго существа не дозволяетъ дойти оному до той степени совершенства, которую совершенное блаженство предполагаетъ, не перешедъ многихъ среднихъ степеней, наполненныхъ то пріятностію, то непріятностію. И такъ сія есть общая участь не только рода человѣческаго, но и всѣхъ разумныхъ конечныхъ существъ, чтобы не имѣть возможности достигнуть до совершеннаго блаженства, не испытавъ прежде не удовольствій и огорченій.

Доказательства, на коихъ мы утвердили сіе важное предложеніе, выведены частью изъ опыта, который насъ увѣряетъ, что конечныя существа, намъ извѣстныя, не дошли еще до высочайшаго степе-

ни ихъ блаженства; частію же изъ свойствъ Божіихъ, которыя намъ не дозволяютъ полагать лучшаго порядка возможности вещей. Есть еще другой способъ для удостовѣренія себя въ истиннѣ сего положенія; а именно, показать чрезъ самую сущность конечнаго существа, что не возможно сдѣлаться оному вдругъ, то есть безъ послѣдствія, тѣмъ, до чего оно можетъ достигнуть чрезъ успѣхъ въ своемъ совершенствованіи. Доказательство, о которомъ ни одинъ Философъ, какъ намъ извѣстно, не упоминалъ, и которое, если будетъ хорошо исполковано, должно совершенно испребитъ всѣ сомнѣнія противъ всевышней благости Божіей, и противъ совершенства міра. Ибо Богъ не могши премѣнить бытія вещей, не могъ сдѣлать принужденія существенной невозможности совершеннаго блаженства конечныхъ существъ. Мы признаемся, что намъ не легко кажется вывести убѣдительное доказательство изъ природы конечныхъ существъ. И кажется, что можно довольно говорить для изысканія истинны; и для прекращенія всякаго рода жалобъ. Почему и спѣшимъ предложить наши разсужденія о сей матеріи, надѣясь, что новостъ и трудностъ предмета послужатъ намъ извиненіемъ, ежели мы не произведемъ такого

въ умахъ въроятія и убѣдительности, какое желали бы мы произвести.

Да будетъ намъ позволено предупредить чрезъ общее замѣчаніе о умствованіяхъ, которыя нами будутъ здѣсь помѣщены для доказанія нашего предложенія. Можно ясно видѣть, что для совершеннаго разсмотрѣнія сего вопроса потребно ясное, подробное и полное понятіе о природѣ разумныхъ конечныхъ тварей; ибо, дабы судить возможна ли вещь или нѣтъ, должно совершенно знать сущность вещи; потому что, тогда только можно судить о возможности или невозможности, когда ясно видишь сходственность съ сущностію той вещи, о которой говорится. Въ прочемъ многого требуется къ тому, чтобъ мы имѣли ясное и полное понятіе о сущности разумныхъ существъ. И такъ не должно льститься полученіемъ совершенной ясности о томъ, что возможно и что не возможно въ разсужденіи сихъ существъ. Сколько бы мы ни размышляли и ни разсуждали, однако всегда останется какая нибудь неизвѣстность.

Сіе примѣчаніе относится не ради одного только извиненія въ томъ, что найдется неполнаго въ слѣдующихъ разсужденіяхъ; оно также должно служить для

для предостереженія тѣхъ, кои думаютъ, что они сыскали возраженіе противъ безконечныя благости Божія. Имъ не дозволяется твердо настоять въ сихъ сомнѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи доказать съ довольною ясностію, что возможно было Богу вести разумныя существа къ блаженству кратчайшимъ путемъ. Не довольно положить за очевидное по себѣ предложеніе, что вещь возможна. Дабы быть въ семъ совершенно удостовѣрену, то надлежитъ имѣть гораздо обширнѣйшія познанія, нежели какія мы имѣемъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе людямъ, какъ пересуживать всеобщее правленіе міра, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ судить о семъ, зная причину. О матеріи толико тонкой и толико высокой, какова сія, мы будемъ говорить со всевозможною боязливостію и всѣми предосторожностями, по потребнымъ для избѣжанія погрѣшностей.

Никакое разумное конечное существо не можетъ сдѣлаться способнымъ къ наслаженію совершеннымъ *блаженствомъ* прежде непрерывнаго послѣдствія ясныхъ понятій. Давно уже доказано, что отличное свойство безконечнаго существа есть, быть вдругъ тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть; вмѣсто того, что конечное существо достигаетъ до-

совершеннаго своего бытія послѣдова-
 тельно. Теперешній случай представля-
 етъ намъ особое доказательство. Мы
 видѣли выше сего, что *блаженство* пред-
 полагаетъ обширныя познанія, ясныя по-
 нятія, а слѣдовательно и все то, что необ-
 ходимо нужно къ пріобрѣтенію сихъ поз-
 наній и сихъ понятій. И такъ, разсуждая
 о природѣ конечнаго существа, мы ви-
 димъ, что оному потребно время для
 пріобрѣтенія познаній, и тѣмъ болѣе
 чѣмъ сіи совершеннѣйшія познанія
 предполагаютъ большее число понятій,
 и притомъ подробнѣйшихъ. Положимъ,
 что разумное конечное существо получило
 бы вдругъ всѣ возможныя понятія въ
 первую минуту своего бытія; то есть,
 чтобъ оно имѣло умозрительное поня-
 тіе о мірѣ: сіе общее понятіе о цѣломъ
 мірѣ будетъ весьма збивчиво; ибо,
 чтобъ оно было ясно, то надлежало бы
 конечному существу заключать однимъ
 дѣйствіемъ своего разумѣнія все, что
 существуетъ, и всѣ образы его суще-
 ствованія; надлежало, чтобъ оно весьма
 ясно знало всю сущность міра со
 всѣмъ тѣмъ, что отъ онаго зависитъ.
 Но сіе по истиннѣ есть преимущество
 безконечнаго существа. Конечное суще-
 ство, которое можетъ только объять
 не многія вещи вдругъ, имѣетъ наде-
 жду

жду во многихъ дѣйствіяхъ разумѣнія, для распространенія своихъ познаній и приведенія оныхъ до потребной ясности. Не имѣя силы по своей природѣ, имѣть равное вниманіе на все то, что общее понятіе о мірѣ заключаетъ особеннаго, должно необходимо оному управлять своимъ вниманіемъ послѣдственно отъ одной точки до другой. Симъ образомъ ему потребно будетъ время для яснаго познанія различныхъ частныхъ понятій, каковыя въ себѣ объемлющее понятіе заключаетъ, какая бы ни была сила его разума. Но какъ конечное существо не въ состояніи имѣть подробнаго понятія о сущности міра, то и не можетъ хорошо знать причинъ настоящихъ происшествій и дѣйствій, развѣ по опыту, который пребуетъ также послѣдствія и времени.

На конецъ естли мы со вниманіемъ разсмотримъ одно средство, могущее доставить конечному существу подробныя познанія: то признаемъ, что оное предполагаетъ многія повторительныя дѣйствія, которыя толь различны, что не могутъ быть въ одно время. Вниманіе, разсужденіе, память, отвлеченіе, соединеніе, противуположеніе и проч: суть различныя дѣйствія къ полученію подробныхъ познаній, и кажется не воз-

можнымъ, чтобъ конечное существо могло имѣть всѣ сіи дѣйствія въ одно время.

Все сіе, естли мы не обманываемся, довольно ясно доказываетъ, что никакое конечное существо безъ довольноаго времени, не можетъ приобрѣсть швердыхъ и нѣсколькo обширныхъ познаній, и что слѣдовательно не возможно было Богу создать разумныхъ конечныхъ тварей, одаренныхъ всѣми познаніями нужными къ совершенному блаженству. Мы довольно знаемъ, что обыкновенно полагаютъ, что безконечное могущество могло бы единымъ дѣйствіемъ своей воли просвѣтить душу не имѣющую ни какихъ способностей. Но не довольно воображать только подобныя вещи. Невѣжда вообразилъ бы, что землемѣръ очень легко можетъ сдѣлать тригольникъ имѣющій два прямыя угла; вещь несообразимая! Положеніе, о которомъ мы теперь говорили, будучи противнымъ сущности конечнаго существа, хопя оно и не оказывается такимъ съ перваго виду, становится само по себѣ невозможнымъ; потому что Богъ не можетъ дать конечному существу свойствъ существа безконечнаго.

Мы выше сего сдѣлали примѣчаніе, что чѣмъ пространнѣе и основательнѣе познанія разумнаго существа, тѣмъ со-

вер.

вершеннѣе бывающѣ его способности, и шѣмѣ болѣе оно способно защищать себя отъ всякихъ огорченій и наслаждаться различнаго рода удовольствіями. Изъ сего слѣдуетъ, что когда все прочее будетъ въ равномѣ положеніи, то чѣмѣ болѣе оно употребитъ времени къ приведенію въ совершенство своихъ познаній, шѣмѣ ближе подвигнется къ совершенному блаженству. И такъ конечное существо должно ожидать отъ времени того, чего ограниченная его природа не дозволяетъ ему имѣть вдругъ. Еслили кто имѣетъ понятіе о томъ, что называется познаніемъ и истинною, тотъ безъ труда усмотритъ, что владычество познанія есть безпредѣльно. Оно есть неизмѣримый Океанъ, изъ котораго конечныя существа будутъ вѣчно почерпать новыя понятія, новыя познанія и новыя удовольствія; и никогда не престанутъ возрастать въ познаніяхъ и въ совершенствѣхъ.

Выведемъ изъ всего сего заключеніе, которое развѣетъ густой облакъ, покрывающій человѣческой разумъ въ разсужденіи вопросовъ о непроницаемыхъ путяхъ божества. Еслили все бываетъ въ конечномъ существѣ чрезъ послѣдствіе, то не возможно, чтобъ такое существо могло быть совершенно блаженно съ са-

маго начала своего бытія. Оно изъ рукъ Создателя выходитъ одарено всѣмъ нужнымъ для содѣланія себя блаженнымъ по своему состоянію или мѣсту, которое оно занимаетъ во всеобщей цѣпи существъ. Но время должно открыть его способности. Начало его бытія есть совершенно темно и слабо. Оно пріобрѣтаетъ понятія съ начала эбивчивыя. Сіи понятія возбуждаютъ въ немъ слабые чувствованія. Между тѣмъ свѣтъ мало по малу входитъ въ его душу чрезъ упражненіе врожденныхъ способностей. Удовольствія умножаются также въ числѣ и стремленія, и можно предвидѣть, что оныя умножались будуще до безконечности такъ, что сіе существо, которое при началѣ своего творенія было не что иное, какъ безчувственная и недвижимая пылинка, получаетъ отъ времени до времени великія дарованія, и приближается къ безконечному Существоу столько, сколько можетъ приблизиться конечное существо. Такова есть непремѣнная онаго природа!

Утвердивъ сіе предварительное предложеніе, что блаженство конечныхъ существъ иначе не можетъ быть совершеннымъ, еслии не чрезъ послѣдствіе временъ: намѣрены мы разсмотрѣть главнѣйшій вопросъ:

прось: не могли ли бы сии существа достигнуть до онаго миновавъ непріятности? Намъ кажется путь потчасъ можно предвидѣть, что сіе испытаніе откроетъ онаго невозможность. Ибо, разсуждая довольно о всѣхъ источникахъ неудовольствія, находимъ, что несовершенство конечныхъ существъ почти всегда бываетъ тому причиною. Впрочемъ всѣ конечныя существа, будучи по необходимости несовершенны, суть подвержены по своей природѣ неудовольстію и не могутъ быть отъ того исключены, не дошедъ до степени совершенства, о которомъ мы выше сего говорили; что инако не можетъ случиться, какъ чрезъ время весьма отдаленное отъ начала ихъ бытія. Но теперь не бесполезно вступить въ подробнѣйшее разсмотреніе сего вопроса.

Мы видѣли, что необходимая вещь къ избѣжанію всякаго неудовольствія должна быть слѣдующая, чтобъ стремленія, желанія и предпріятія разумныхъ существъ были въ совершенномъ согласіи съ произшествіями случающимися въ мірѣ. Въ самой вещи произшествія въ мірѣ противныя нашимъ намѣреніямъ, суть самая обыкновенная причина нашихъ неудовольствій. И такъ болѣе всего нужно разсмотрѣть съ довольномъ вниманіемъ, возможно ли,

чтобъ конечныя существа могли быть отдалены отъ сихъ неудовольствій. Свѣтъ есть система произведенная и распоряденная безконечнымъ Существомъ; (по крайней мѣрѣ мы слѣдуемъ сему умствованію.) Всѣ части какъ въ одно время такъ и въ послѣдствіи бывають соединены, такъ что онѣ составляютъ правильное цѣлое, котораго части должны быть расположены согласно съ общими законами красоты и совершенства, составляющими сущность сей системы. Немногого вниманія пребудетъ усмотрѣть, что всякое другое понятіе о мірѣ есть несоразмѣрно съ понятіемъ, которое мы имѣемъ о Творцѣ безконечно совершенномъ. Еслии это такъ, то каждое происшествіе въ мірѣ соединено съ цѣлою системою; и дабы судить, что такая то вещь должна случиться въ мірѣ, то надлежитъ имѣть подробное понятіе о цѣломъ.

Теперь ясно видно, что всякое разумное существо въ особенности не можетъ принять намѣренія, ни возымѣть такихъ желаній, которыя бы не были естественнымъ и нужнымъ слѣдствіемъ его собственныхъ понятій, потому что сіи намѣренія и желанія суть необходимыя дѣйствія понятій; которыя ихъ производятъ. Еслии на примѣръ
такая

такая по вещь намъ кажется хорошею ,
 по не возможно, чтобъ мы не чувствовали
 желанія оною обладать; такъ какъ съ
 другой стороны не возможно, чтобъ мы
 желали той вещи, о которой мы не имѣли
 понятія. Слѣдовательно всякое разум-
 ное существо имѣетъ шѣ только жела-
 нія, которыя необходимо рождаются отъ
 его собственныхъ понятій. Впрочемъ
 сіи понятія необходимо согласуются съ
 состояніемъ и мѣстомъ, которыя сіе су-
 щество занимаетъ во вселенной, такъ какъ
 и соразмѣрны его способностямъ и вре-
 мени, чрезъ которое оно существовало. И
 такъ сіи понятія останутся чрезъ доволь-
 но долгое время весьма ограниченными,
 когда будутъ приняты съ той единствен-
 но стороны цѣлой системы, которая была
 по силамъ разумнаго существа. Таковъ
 есть путь совершенствованія его *разсудка*.
 Изъ сего слѣдуетъ, что не возможно ко-
 нечному существу быть всегда согласнымъ
 въ своихъ желаніяхъ съ происшедшими,
 которыя суть отношенія законовъ цѣлой
 системы вселенной. Ибо сіе совершенное
 согласіе не можетъ имѣть мѣста, не
 предположивъ, что конечное существо
 имѣетъ подробное понятіе о всей вселен-
 ной и о всѣхъ причинахъ производящихъ
 происшествія. Тогда по только оно мо-
 жетъ всегда предвидѣть, чему должно
 слу-

случиться, и чувствуя колю согласно все съ законами порядка и совершенства бываешъ, познаешъ производствія въ настоящемъ ихъ видѣ, и повинется съ удовольствіемъ печенію оныхъ.

Мы дѣйствительно видимъ, что чѣмъ болѣе разумное существо успѣваетъ въ познаніи міра, тѣмъ менѣе оно подвергается обману въ ожиданіи того, что должно случаться, и менѣе желаетъ невозможныхъ вещей. Понятіе о цѣломъ мірѣ есть безконечно сложное. Съ начала оно збивчиво: но мало по малу разпространяется; и чѣмъ болѣе укрѣпляется его разсудокъ, тѣмъ ближе подходятъ его понятія къ истинному состоянію вещей. Неудовольствія, о коихъ мы говоримъ, должны уменьшаться съ такою же соразмѣрностію. И такъ разумныя существа возрастаютъ какъ въ совершенствѣ, такъ и въ блаженствѣ. И ежели міръ сей не безконеченъ, то возможно конечному существу дойти до такого совершенства, чтобъ имѣть подробное понятіе о цѣломъ мірѣ, и тогда неудовольствія его должны совершенно исчезнуть. Восхитительное зрѣлище, внушающее всякому мыслящему существу желаніе безсмертія!

И такъ, намъ кажется, изъ всего нами сказаннаго довольно явствуетъ, что не

невозможно конечному существу быть исключену отъ неудовольствій, происходящихъ отъ противности его склонностей и желаній съ произшествіями міра. Сіе можетъ также относиться къ другому источнику неудовольствія, который есть противность чувствій, дѣйствиій и вообще нравственнаго свойства разумнаго существа, съ вѣчными законами нравственнаго порядка, составляющими нравственную принадлежность міра. Разумное существо, входя въ міръ познаетъ свойства онаго по долговременномъ опытѣ и многомъ разсужденіи. И самое всевышнее существо не можетъ его свободить отъ сего, потому что невозможно, такъ какъ мы уже сіе прежде сего доказали, конечному существу познать всего вдругъ. Въ то время какъ сіе существо не знаетъ или въ цѣломъ или въ части законовъ нравственнаго порядка, честности и доброты: то невозможно, чтобъ оно дѣйствовало всегда по симъ законамъ. Оно судитъ только о весьма малой части міра, о которой оно болѣе свѣдѣнія имѣетъ, и познавая вопервыхъ самого себя, дѣствія его относящіяся единственно до него самаго будутъ весьма часто противны всеобщимъ законамъ. Дабы совершенно вникнуть въ сіи понятія,

по

то должно только разсмотрѣть тотъ случай, когда человекъ противорѣчитъ самъ себѣ; случай частый и весьма извѣстный. Онъ долженъ много испытать прежде, нежели узнаетъ одну только поверхность своей собственной природы; и когда онъ ее узнаетъ, то надлежитъ ему долго упражняться, чтобъ сіе понятіе было всегда подробно предъ его глазами, безъ чего однакожъ онъ долженъ дѣйствовать противъ самаго себя, такъ какъ сіе весьма часто изъ опытовъ доказывается.

И такъ мы заключаемъ, что всякое разумное конечное существо съ начала своего бытія необходимо подвержено дѣйствіямъ противнымъ нравственнымъ законамъ, также и имѣть чувства и склонности противныя симъ законамъ; потому что оно слабо по состоянію, и весьма ограничено въ причинахъ своихъ дѣйствій и въ правилахъ своихъ чувствъ. Когда сіе справедливо, то не возможно его предохранить отъ неудовольствій, происходящихъ отъ сего несовершенства. Сіе исключеніе потребовало бы, чтобъ конечное существо не примѣтило никогда своихъ нравственныхъ погрѣшностей. Но какъ ясное познаніе своего состоянія и свойства необходимо нужно для блаженства: то онобъ

онобѣ чрезъ сіе самое лишилось удовольствія. Таковое есть состояніе скотовъ, которыхъ дѣйствія бывають часто прошивны нравственному порядку міра, и кои дѣлають безпорядки весьма подобныя тѣмъ, какія причиняють и люди, не будучи въ состояніи чувствовать никакого нравственнаго неудовольствія; потому что они не въ состояніи разсуждать о своихъ дѣйствіяхъ, а безъ сего разсужденія не лзя быть нравственному удовольствію; изъ сего видно (примѣчая сіе мимоходомъ), что не должно поддаваться въ обманъ ложнымъ доводамъ нѣкоторыхъ краснорѣчивыхъ Философовъ, кои поставляютъ состояніе скотовъ выше состоянія людей для того, что оныя не имѣють того безчисленнаго множества неудовольствій, которыя мучатъ человека. Правда, что скоты въ теперешнемъ своемъ состояніи имѣють менѣе неудовольствій, нежели люди; но блаженство скота можетъ ли быть сравнено съ блаженствомъ существа одареннаго чувствомъ, разумомъ и разсудкомъ?

И такъ изъ слѣдствій сихъ разсужденій кажется довольно ясно, что никакое разумное конечное существо не можетъ достигнуть до высочайшаго степени возможнаго блаженства, не прошедъ всѣхъ ро-

довъ

довѣ неудовольствій и огорченій, и что ; будучи исключено отъ неудовольствій ; лишится всего своего *блаженства*. Истинна могущая разогнать всѣ беспокоивающія насъ сомнѣнія, кои воставали всегда прошивъ всемогущей благости безконечнаго существа, и которая совершенно можетъ насъ успокоить въ разсужденіи будущаго *блаженства*! Въ самомъ дѣлѣ, если никакое конечное разумное существо, какъ бы оно совершенно ни было, не можетъ достигнуть совершеннаго *блаженства*, не бывъ въ такомъ состояніи, которое его подвергаетъ всякаго роду неприятнымъ чувствованіямъ : то и нѣтъ причины удивляться, ниже приходить въ замѣшательство, видя, что такое существо, какъ человѣкъ, весьма отдаленное отъ перваго мѣста между конечными тварями, должно находиться въ бѣдномъ состояніи для достиженія высочайшаго степени *блаженства*.

Правда, что познанія наши весьма ограничены, дабы обстоятельно видѣть необходимую надобность всѣхъ несчастій, изъ коихъ одни ошягощаютъ всѣхъ людей безъ извѣтїя, а другія только нѣкоторыхъ въ особенноти. Но зная, что несчастія суть вообще необходимы, на примѣрѣ зло, мы должны совсѣмъ положиться на безконеч-

конечную благость высочайшаго Существа въ томъ, что касается до особеннаго его смотренія. Опытъ показываетъ намъ только начало нашего состоянія, часть безконечно малую! Ибо что въкѣ въ сравненіи съ вѣчностію? Еслибъ чрезъ вопль новорожденного младенца вздумали предзнаменовать, что вся его жизнь будетъ безпрестанно подвержена плачу и воздыханіямъ: по догадка была бы не весьма разумная. Теперешняя человѣческая жизнь есть не что иное, какъ первая минута его бытія, которая, какъ весьма вѣроятно, не можетъ быть совсѣмъ совершенна; но несовершенство сей первой минуты не подаетъ никакого повода къ воображенію, что состояніе его есть и будетъ всегда несчастливо. Напротивъ того, чѣмъ болѣе разсматриваемъ природу разумныхъ существъ и вникаемъ въ то, чему самый опытъ насъ научаетъ: тѣмъ болѣе усматриваемъ, что всѣ ихъ способности восходятъ отъ одного степени совершенства до другаго гораздо вышшаго, и тѣмъ болѣе имѣемъ причины вѣрить, что блаженство ихъ будетъ впредь совершенно.

Съ одной стороны мы видимъ безпредѣльную благость высочайшаго Существа, даровавшаго бытіе разумнымъ

существамъ; съ другой стороны зримъ самую природу сихъ разумныхъ существъ, побуждающую ихъ къ большему себя совершенствованію: а какъ совершенное блаженство не можетъ быть, пока природа не получитъ своего настоящаго совершенства; по сему всѣ наши старанія должны стремиться къ тому, чтобъ сдѣлаться совершенными. Сколь долго мы чувствуемъ собственное наше несовершенство, до тѣхъ поръ должны быть увѣрены, что блаженство наше еще несовершенно. Чѣмъ мы становимся совершеннѣе, тѣмъ болѣе утверждаемся въ подлинности, которая насъ будетъ ограждать отъ заблужденія и его слѣдствій; мы ограничимъ наши желанія, и оныя будутъ соразмѣрны нашимъ силамъ, и согласны съ нашею природою; мы различимъ вещественныя нужды отъ воображаемыхъ и излишнихъ, а тѣмъ самимъ уменьшимъ зависимость нашу отъ постороннихъ существъ, которая умножается соразмѣрно причинамъ нашего несчастія; однимъ словомъ, мы увидимъ уменьшеніе нашихъ несчастій, и приращеніе нашего блаженства.

Твердое упованіе, что совершенство и блаженство могутъ исполниться въ продолженіе временъ, должно насъ побуждать къ тому, что бы мы съ веселіемъ

емъ слѣдовали по пупи, который намъ отверстѣ, и прогались бы любовью и почтеніемъ къ безконечно милосердому существу, которое изъ мрака возвело всѣ Существа, ради достиженія самаго величайшаго, и какое только можетъ вмѣстить ихъ природа, *блаженства.*

III.

П Ъ С Н Ъ

ВСЕМОГУЩЕМУ.

О Боже! и Творецъ! Ты бездна необъятна;
 Возможноли Тебе намъ прямо познавать?
 Коль духу нашему сія мысль непонятна;
 То могутъ ли Тебе усниѣ именовать?
 Ты море безъ конца, я зрю и ужасаюсь:
 Но благосшью Твоей Тя пѣши ободряюсь.
 Творецъ благоволи мнѣ нынѣ Тя воспѣшь!
 Ахъ! мудрости такой я въ сердцѣ не питаю;
 Тебе, Тебе Творецъ на помощь призываю!
 Не лзя мнѣ безъ Тебе сей мудрости имѣшь.
 О безконечномъ, что конечному начашь?
 Но нѣшъ, стремишся духъ хоть слабо начертать.

Твое исходяще ничто, какъ безконечность,
 Въ которой, какъ въ тебѣ, нигдѣ начала нѣшъ;
 Міровъ и времени не зрѣлась скоротечность,
 Творенья не было, но Твой сіялъ ужъ свѣшъ!

Неизреченная въ Тебѣ огромность зрится;
 Что ни имѣешь Ты, конца въ помѣ не явится,
 И премѣненіе не коснется Тебе.
 Нѣтъ цѣли, гдѣбѣ Твое печенье скончалось;
 Зане ни въ чемѣ Тебѣ пошребы не являлось.
 Ты безконечна жизнь, живишь все опѣ себе!
 Что движимо ни естъ, по все живетъ Тобою,
 Ты силы даровалъ единъ всему собою.

О Боже! все изъ нѣдръ твоихъ происпекаетъ,
 Тобою все живетъ, имѣя бышіе;
 Самослучайное ничто въ нихъ не бываетъ;
 И естлибѣ не былъ Ты, гдѣбѣ взяли все сіе,
 Что зримъ, что слышимъ мы, что знаемъ и чи-
 (шаемъ;
 Все, что невидимо и зримо обрѣшаемъ,
 Тобою все сіе и движется и естъ.
 Ты сотворяешь то, что Ты опредѣляешь.
 За невозможное что можемъ мы сочестъ,
 То мановеніемъ единымъ совершаешь.
 Каковъ еси единъ Ты самъ себе позналъ,
 Свой разумъ съ мудросью и съ силой соравнялъ.

Престолъ Твой небеса, и правишь ты землю,
 Вся мудрось чловѣкъ естъ буйство предъ Тобой,
 Ты сокровенно зришь премудросью Твоею;
 И какъ въ полудни зришь то, что объято тьмой;
 Въ незаходимомъ Ты сіяньи обипаешь,
 Никоей мрачности къ себѣ не допускаешь.
 Никто въ Царяхъ съ Тобой, всеильный, несравненъ,
 И Царствіе Твое вездѣ однообразно,
 Какъ низу такъ горѣ единъ чинъ положенъ,
 Нѣтъ мѣста, кое бы Тобою было праздно.

Единъ

Единъ Ты истинный и безначальный Богъ,
 Господь еси Ты всѣхъ небесныхъ воевъ сильныхъ,
 Кто изъ боговъ тебѣ проливостать возмогъ?
 Ты ихъ мянешь, какъ вихрь часницъ собранье пыль-
 (ныхъ).
 Трепещетъ предъ Тобой всѣхъ Ангелъ свѣшлый хоръ,
 И успрашенный свой низводитъ долу взоръ;
 Симъ ужасомъ суть всѣ ихъ пѣсни напряженны,
 Такъ спрашенъ зришися Владыко сильный имъ.
 Вся цѣпенѣтъ шварь присутствіемъ Твоимъ, (*)
 Которымъ всюды всѣ предѣлы напоены;
 И цѣпенѣніе сіе собой явишъ
 Божественный Твой духъ святыи, животворящій.
 Во всемъ швореніи Твой образъ есть сокрытъ;
 Тощъ слѣпъ, кто ходишъ сихъ чудесъ совѣмъ
 (незрящій).

Ни кой предѣлъ Тебе въ себѣ не заключилъ
 И тысячи міровъ Тебѣ всѣ будущъ шѣсны;
 Когдабъ еще и пымы ихъ вновь Ты сотворилъ:
 То толькобъ зрѣлись шѣ шакъ, какъ дѣла чудесны.
 Въ неизмѣримости себе Ты распростеръ,
 Надъ звѣзды дальныя вознесся выше мѣръ;
 Со славословіемъ хвала Твоя лешаетъ
 Тамъ, мысленно куда не лзя намъ достигать;
 Ликъ всяческихъ, Тебе всесильный, воспѣваетъ;
 Все должно предъ Тобой себя ницъ повергать.
 Нелицемѣрно, кто мольбу Тебѣ приносишъ,
 Того единъ Твой взоръ на верхъ благихъ возносишъ.

(*) Къ Римлян. гл. 1. стн, 20

И судъ швой самая живая правда есть ;
 Премудрый Твой совѣтъ Ты дѣйствомъ изъясляешь,
 Высокихъ совершенствъ число шѣмъ открываешь.
 Долго шерпишь Ты злымъ, ихъ ошлагая местъ.
 Ты вѣренъ, благъ, всещедръ, любовію сіяй,
 И въ ушро каждое ее вновь подшверждай.
 По волѣ дѣйствуешь, Ты прямо милосердъ !
 Мгновенъе всякое сіе намъ повшоряешъ :
 Колико Ты премудръ, коль истиненъ и швердъ !
 Твоя доброта всю живишъ шварь и пишаешъ.
 Все то, что мы ни зришъ, все изъ себя печешъ,
 Какъ изъ испочника, въ кошоромъ все живешъ.

О щедрый Отче всѣхъ, собою вся раждаай !
 О благо вышшее всѣхъ вкупѣ чистыхъ благъ !
 По милосердію къ намъ все ниспосылаай,
 Черпогъ нашъ зиждушій блаженства во цвѣшахъ,
 По качеству вещей подпору всѣмъ давая,
 Творишь ихъ вся добра, съ небесъ благословляя,
 Исполнивъ радости и пици сладкой ихъ ;
 Врагомъ ни коего Ты не былъ человекъ,
 И солнцемъ свѣшъ ліешъ на злыхъ и на благихъ,
 Прохладные дожди даешь Ты всѣмъ ошъ вѣка.

По долгу за сіе кто могъ благодаритъ
 Устами чистыми и сердцемъ сокрушеннымъ ?
 Ни въ коемъ храмѣ Ты не соизволишь жить,
 Нѣшъ зданья, гдѣбъ Олшаръ Твой могъ бышъ по-
 (мѣщеннымъ).
 Въ рукошворенныхъ шѣхъ, что человекъ соз-
 (далъ (*))
 Достой-

(*) Дѣяній гл. 7. ст. 48.

Достойно онъ Тебѣ служенья не являѣ.
Но кто въ Тебѣ свою надежду полагаешъ,
Имѣши къ тому божественну любовь;
Кто ко стопамъ Твоимъ себя весь привергаешъ,
Того такъ какъ Орла Ты ободряешъ вновь;
Тебѣ онъ принося, себѣ приноситъ благо,
Ты самъ не пребуешъ служенья никакаго;
Тебѣ бо, Господи, ни въ чемъ пошребы нѣшъ,
Но благость намъ Твоя спасеніе даешъ.

Кто чпашъ Тебя, того Ты милостью вѣнчаешъ;
И ешь огонь для Твоихъ прошивниковъ, враговъ,
Которымъ душу ихъ н шло сокрушаешъ:
Но прохлаждаши Святыхъ Своихъ друзей.
Твою хвалу поютъ немолчно Херувимы
И пламенемъ любви горящи Серафимы,
Почтенный предсѣдишъ гдѣ спарческій Соборъ,
Съ благоговѣніемъ Тебѣ всегда служащій;
Гдѣ швой стоишъ престолъ со скипетромъ бле-
(спящій.
И гдѣ, какъ ни взвожу въ восторгѣ духа взоръ,
Хоръ вижу Херувимъ, которы коль взывающъ:
Трисвятъ Богъ Саваоѣ, небесъ сводъ потрясакъ.

Ѡ. Ключарецъ.

IV.

КРАТКІЯ ПОВѢСТИ:

I.

Фанидѣ, или спокойствіе дарованное премудростію.

Фанидѣ природнымъ былъ разсудкомъ одаренъ,
 И добродѣтелью душевной озаренъ;
 Имѣлъ онъ крошкій нравъ, зналъ честности
 (успавы,
 И духъ его хранилъ незлобивые нравы;
 Онъ человѣческа законъ вопервыхъ чтилъ,
 Наукой разумъ свой природный просвѣтилъ!
 Но заблужденія примѣръ ему открыли,
 Незрѣлость лѣтъ его во зло употребили.

Во младости Фанидѣ въ пространный свѣтъ
 (вступилъ,
 И знавши путь прямой по немъ онъ не ходилъ;
 Лишь дней его весна цвѣтуща наступила,
 Фанида суеша мірская ослѣпила;
 Форшунѣ приноситъ спремившя жертвы онъ,
 Зловредной пышности сооружаетъ шронъ;
 Во изобиліи, въ забавахъ упоаешъ,
 По всѣмъ мѣстамъ во всемъ веселье обрѣтаешъ,
 Прельщается онъ всѣмъ, мечшою взоръ плѣня.
 Но лѣшо лѣтъ его весенни дни гоня,
 Прогнавши мракъ густой глаза ему открыло,
 И пвердостью его разсудокъ озарило;
 Обманчивыхъ утѣхъ уже плоды онъ зришь,
 Забавы, радости берутъ печальный видъ;

Въ чемъ прелестъ находилъ, въ помѣску онъ
(вспрѣчаетъ,
Тщеславія бѣжитъ и пышностью скучаетъ;
Ужъ всѣмъ скучаетъ онъ! ему прошивенъ свѣтъ.
Спокойствіе! тебя въ мятежномъ свѣтѣ нѣтъ.
Какъ будто окруженъ покровомъ шемной ночи,
Куда ни обратишь Фанидъ смущенны очи,
Сгущенно облако вокругъ себя онъ зрѣтъ,
Которо дневный свѣтъ узрѣтъ ему прешитъ.
Уныніе предъ нимъ съ покровомъ мрачнымъ
(ходитъ,
И скука на него свой помный взоръ возводитъ;
Онъ жизни новый родъ желаетъ испытать,
И бремя тяжкое оковъ сихъ разорвать;
Къ уединенію прибѣгнуть успремился,
Въ зеленія поля отъ града удалился.
Ужъ сельска пишина его срѣщаетъ тамъ,
Невинность пушь во свой ему открыла храмъ.
Се ризу бѣлую на рамена влагая
Пріятна простота, спокойный видъ являя,
Не зная пышностей и городскихъ суешъ,
Лазоревы цвѣты къ ногамъ его кладешъ.

Однимъ пріятнымъ днемъ поущру въ шѣ часы,
Когда явились всѣ солнечны красы,
Фанидъ свой быспрый взоръ на небо обратилъ,
И къ безъизвѣспности всѣ мысли устремилъ;
Зеленый верпоградъ по мѣсто окружаетъ,
Фанидъ жилище тамъ себѣ сооружаетъ,
Плодами многими онъ былъ обогащенъ;
Тутъ кедръ и кипарисъ до облакъ былъ взнесенъ,
На лаврахъ вѣтвія цѣпями соплешенны,
Дороги разными цвѣтами исцещренны;
Вкругъ холмика потокъ прозрачныхъ водъ течетъ,
А древо маслично подъ покомъ водъ цвѣшетъ;

На землю шѣнь оно отъ сучьевъ опустило,
 И листвіе свое къ потоку наклонило.
 Ко древу масличну Фанидѣ поспѣшно шелъ,
 Отъ зноя кроясь, подъ шѣнью древа сѣлъ,
 Онъ къ вѣшьямъ голову древеснымъ приклоняя
 И руку на праву зелену опуская,
 Возвелъ къ полямъ свой взоръ — Воспоргъ его
 (объялъ;
 „ Во всемъ я зрю Творца, съ собой онъ размышлялъ,
 „ О немъ пылинка мнѣ и самый прахъ вѣщаетъ;
 „ Всему даешь онъ жизнь, вездѣ онъ обихаетъ.
 „ Единымъ словомъ онъ стихіи раздѣлилъ,
 „ Союзомъ всѣхъ вещей природу ушвердилъ;
 „ Огонь планетамъ далъ, звѣздамъ онъ далъ сіянье;
 „ Онъ влагу далъ землѣ, всей твари далъ дыханье;
 „ Но выше тварей всѣхъ поставленъ человекъ.
 Лишь чуть сіи слова онъ мысленно изрекъ,
 На древѣ масличномъ листочки зашумѣли,
 И пшички сладостно лешая вдругъ запѣли;
 Текущій ручеекъ по камнямъ зажурчалъ,
 Зефиръ вокругъ цвѣтовъ лешая запорхалъ;
 Фанидѣ плѣняется волненіемъ природы,
 Шумящія листья, играющія воды,
 Къ забвенью мысль его съ стремленіемъ влекутъ,
 И томношь нѣкую во чувствія люютъ.
 У древа онъ сего пріятношь сна вкушаетъ,
 Тупъ сновидѣніе фанида услаждаетъ.
 Мечпанія ему являютъ солнца лучъ,
 Который прогонялъ сгущенну мрачношь шучъ;
 Природы красота сіянемъ озарилась;
 Во снѣ ему одна волшебница явилась,
 Божественный огонь въ очахъ ея пылалъ,
 Распушенны власы лучъ солнца осѣнялъ,
 Двѣ голову дуги небесны покрывали,
 И искры отъ ея одежды ниспадали;

Въ рукахъ своихъ она зелену вѣшвъ несла,
Приблизившись къ нему сіе ему рекла:

„ Ты въ тайны естества отважно проникаешь,
„ Но прямо склонности и самъ своей не знаешь;
„ Въ природѣ прежде ты красотъ не находилъ;
„ Забавы, пышности, щеславіе любилъ;
„ Знай, прудно проникашь во таинства природны,
„ А къ пышности лежашъ вездѣ души свободны;
„ Свободный путь себѣ и прудный воображай,
„ И лучшей ты изъ двухъ по волѣ избирай!
Рекла сіи слова, и вѣшвію своею

Три круга провела надъ твердою землею,
И вдругъ природы всей перемѣнила видъ;
Увидѣлъ зданіе огромное Фанидъ:

Изъ мрамора оно было сооруженно,
Вершиною своею до облакъ вознесенно;
Какъ солнечны лучи, блестяшъ металлы тамъ,
Усыпанъ жемчугомъ путь къ аспиднымъ вратамъ;
Столпы подъ зданіемъ изъ злата были слышны,
И драгоценными каменьями обвѣшны;
Держащи цѣпь въ рукахъ семь искукановъ путь
Къ чертогамъ внутреннимъ блестящій путь стре-
(гушъ.

„ Судьбину зри тебѣ, Фанидъ, опредѣленну,
„ Рекла волшебница: и жизнь уединенну
„ На пышную сію ты жизнь перемѣни;
„ Въ забавахъ, въ роскошахъ препровождай всѣ
(дни;

„ Я зданіе сіе тебѣ препоручаю,
„ Сокровища къ своимъ ногамъ я повергаю;
„ Забавы, радости тебя въ чертогахъ ждущъ;
„ Тамъ слава и хвала вѣнцы тебѣ плетущъ;
„ Тамъ изобиліе течешъ вездѣ рѣкою. —
Чрезмѣрно пораженъ вдругъ вѣстію такою,

Отъ зданія сего онъ очи отвратилъ,
 къ волшебницѣ сіе со страхомъ говорилъ:
 „Почто, почто сію мнѣ часъ опредѣляешь?
 „Въ отвершую меня ты бездну низвергаешь.
 „Уже всю суешу узналъ сей жизни я,
 „Зловредной пышности спрашится мысль моя;
 „Ты нынѣ ядъ ея въ сосудѣ мнѣ вручаешь:
 „Но естли участью ты смертныхъ управляешь,
 „Вели мнѣ въ пишинѣ сладчайшей дни вести,
 „И зданіе сіе въ ничто преобрази. —
 „Ты умъ свой просвѣтилъ, волшебница сказала,
 „Я душу лишь швою и сердце искушала;
 „Я знаю, чптобы ты несчастливъ былъ Фанидъ,
 „Когдабъ тебя прельстилъ сего богатства видъ,
 „То спрасибъ надъ побой всю злосъ свою явили;
 „И въ сѣшь тебя онѣбъ пороковъ уловили;
 „Фортуна бы тебя въ пучину повлекла —.
 Волшебница слова сіи лишь изрекла,
 Изчезло зданіе мгновенно предъ Фанидомъ,
 Природа переднимъ покрылась прежнимъ видомъ.
 „Въ какомъ восторгѣ я! Фанидъ вѣщаетъ ей;
 „Плѣненъ я участью счастливою моею!
 „Спокойство лучшая судьба мнѣ возвращаетъ! —
 „Ты счастливъ отъ себя, волшебница вѣщаетъ;
 „Кто сердце отъ страстей защитой оградитъ,
 „къ природы таинствамъ всѣ мысли обратишь,
 „Природы постигашъ Творца кто успремится,
 „Тому во существѣ своемъ природа зрится;
 „Изъ нѣдръ своихъ вручишь таинственный свой
 (ключъ,
 „И просвѣщенія подастъ разсудку лучъ.
 „Фанидъ! познай меня, познай меня неложно!
 „Тебѣ о существѣ моемъ постигнушь можно,

„ Ты заблужденіе разсудкомъ превозмогъ ;
 „ Твой духъ неколебимъ, во правилахъ ты строгъ ;
 „ Всѣ чувствія твои ко правдѣ устремленны,
 „ Душа твоя чиста и мысли просвѣщенны ;
 „ Во образъ моему Премудрость познавай ,
 „ Моимъ закономъ ты блаженства достигай ;
 „ Божественнымъ лучемъ тебя я озарила ,
 „ Непроходимый путь въ свободный претворила ;
 „ Волшебный приняла я нынѣ ложно видѣ ;
 Рекла , и болѣе не зришь ея Фанидѣ .

Отъ таковой мечты Фанидовъ духъ смутился,
 Отъ сна пріятнаго онъ скоро пробудился ;
 Какъ будто тяжкія оковы разорвалъ ,
 Фанидѣ мечтаніемъ спокойствіе узналъ ;
 Онъ въ радости своей дивился и робѣетъ ,
 И таинства сего постигнуши не смѣетъ ,
 Которо въ дѣйствіе мечту преобращая ,
 Даетъ ему покой , несчастье прекращая .
 О таинство вещей ! ты смертныхъ искушаешь ,
 Непоспѣжимое постигнувъ заславляешь .
 Священный узолъ твой всякъ хочетъ развязать :
 Но страсти кно свои умѣетъ обуздать ,
 Свой разумъ просвѣшивъ , очистишься душою ,
 Дорогу тогда найдетъ сокрытую тобою .
 Фанидѣ спокойну часть на свѣтѣ возымѣлъ ,
 Премудрости законъ онъ въ сердцѣ впечатлѣлъ ;
 Отъ свѣтской суеты на вѣки удалился ,
 Отъ прелести красой природы оградился ,
 Изъ бурныхъ водъ онъ спалъ волною извлеченъ ,
 Ко берегу шишины уже перенесенъ ,
 И въ сельской простотѣ онъ дни препровождаетъ ,
 Къ благополучію путь часто открываетъ ;
 Гонимой нищеты внимаетъ вопль и стонъ ,
 Своею щедростью плачь очищаетъ онъ ;

изъ тяжкихъ онъ оковъ невинныхъ освобождаетъ;
 Щедрою своею онъ душу улаждаетъ;
 Онъ въ добродѣтеляхъ примѣръ собой даетъ,
 И злобныя сердца къ незлобію ведетъ;
 Изъ заблужденія, невѣжства опшоргаетъ;
 Самъ духомъ просвѣщаясь, онъ ближнихъ просвѣ-
 щаетъ;

Спокойствіе людей и сельскую жизнь любя,
 Различныя радости встрѣчаетъ вкругъ себя;
 Журчанье слышитъ онъ по камнямъ быстрыхъ
 (рѣчекъ,

Иль видитъ на поляхъ незлобивыхъ овецъ,
 Цвѣточки ли въ его очахъ когда цвѣтуть,
 Иль пшички веселясь въ кустарникахъ поютъ:
 Приводитъ все его въ восторгъ и въ восхищенье;
 Къ природы тайнамъ онъ имѣетъ поощренье;
 Чѣмъ болѣе чудесъ Фанидъ въ природѣ зрѣтъ,
 Тѣмъ болѣе Творца ея онъ сердцемъ чшѣтъ;
 И вѣритъ, что его премудросью вселенна,
 И твердь небесная и шварь одушевлена.

Имѣя твердо мысль о вышнемъ Существовѣ,
 Постигнулъ нѣкія онъ тайны въ естествовѣ,
 И свѣтомъ истинны отъ мрака озарился;
 Фанидъ спалъ тѣломъ твердо и духомъ укрѣ-
 пился.

О сновидѣніи онъ мудро размышлялъ,
 И въ точности его всѣ тайнства позналъ;
 Престала быть душа мечтою колебима;
 И можешь ли чѣмъ быть премудрость устрашима?
 Довольствуясь всѣмъ, доволенъ онъ судьбой;
 Довольствуясь судьбой, доволенъ сталъ собой;
 Изъ сердца своего опраду почерпаетъ,
 Къ премудрости Фанидъ всѣ мысли обращаетъ.

Какъ будшо въ мрачный день свирѣпствуя бореи,
 Буншуя въ воздухѣ, буншуетъ и ручей;
 Но вдругъ свѣшило дня на небѣ появився,
 Съ Бореемъ лучъ его блистательный сразился,
 Борея побѣдишь и освѣтишь весь міръ,
 Утихнешъ ручеекъ, възиграетъ въ немъ зефиръ:
 Такъ спраси, что сперва Фанида возмущали,
 Обезоружены премудростию спали;

И въ счастья помнишь онъ, что крашокъ жизни

(вѣкъ,

Что долженъ долгъ ошдать природѣ человекъ.
 Какъ смерть ко вѣчности враша предъ нимъ ош-

(крыла,

Ни сердца ни души его въ немъ не смушила;

Въ предѣлы вѣчности онъ мысли успремлялъ,
 И жизнь кончая такъ съ собой онъ размышлялъ:

„Творца мы слабостью своею раздражаемъ,

„Когда мы брэнну жизнь съ печалію кончаемъ;

„Мы смертію своею въ безсмертіе преидемъ,

„Тщесу оставивъ здѣсь, блаженство тамъ найдемъ;

„Ошъ шѣла смертнаго духъ вѣчно ошдѣлился;

„Коль онъ очистился, съ Творцемъ соединился,

„И свѣшозарный онъ узришь его черпогъ,

„Познаешъ чистый духъ, сколь щедръ и силенъ Богъ.

„Мы душу слабостями въ сей жизни помрачаемъ,

„И прямо существа его не понимаемъ. —

Послѣднія слова съ весельемъ онъ изрекъ,

Съ пріятной мыслию его пресѣкъся вѣкъ.

О! вы, которые форшунной ослѣпленны,

Свободны рождены въ неволѣ заключенны!

Познайте шщетнаго веселія мечшу,

Оприньте ошъ себя мірскую суешу;

Священнаго пуши къ премудрости ищите,

Прямое счастье чрезъ шрудный путь найдите!

Спокой.

Спокойствю лишь одна премудрость намъ даритъ,
Во свѣтѣ показалъ примѣръ тому Фанидъ.

2.

МОАЦИМЪ,

Или утѣшенный отецъ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Моацимъ отчаянный, безутѣшный *Моацимъ*, испускалъ по берегамъ Тигра пронзающіе вопли, изпоргнутые изъ него поперею единого сына, сына котораго безчеловѣчная смерть скосила въ самой цвѣтущей веснѣ его дней. Пронзенный горчайшею печалію, онъ билъ себя въ грудь, рвалъ на себѣ волосы, призывалъ смерть; но смерть не внимала его гласу, и казалось, что природа, не внимая гласу вопля его, предала его совершенному отчаянію.

Крайность его несчастія испоргнула изъ него наконецъ сіи нечестивыя слова: „ О высочайшее Существо, повелѣваю-
„ щее духами, къ чему служишь несча-
„ стнымъ смертнымъ то, суще-
„ ствуешь ли ты или нѣтъ? Какая имъ
„ польза поклоняться тебѣ, естли ты
„ не имѣешь власти ни желанія освобо-
„ дить ихъ отъ жестокости безчеловѣчна-

„го Аримана (*) несчастную жизнь , ко-
 „торая есть не что иное, какъ собраніе
 „золъ, и къ прекращенію которой, ко-
 „гда она бываетъ тягостію, отнима-
 „етъ мужество! Должны ли они почи-
 „тать сіе за даръ твоея благости? Ахъ,
 „лучше думать, что ты не существу-
 „ешь; а если и существуешь, то по-
 „добно ты самому безжалостливому
 „Ариману. „ Моаџимъ продолжалъ го-
 „ворить, какъ вдругъ громовой ударъ
 пресѣкъ его рѣчь; густое облако спало
 съ неба и не примѣтно разсыпавшись,
 представило его очамъ почтеннаго стар-
 ца. Пріятный и величества исполненный
 его видъ, также перстень Соломоновъ,
 который онъ имѣлъ на пальцѣ, далъ
 знать, что то былъ мудрой Оромацесъ.
 Трепещущій, изумленный Моаџимъ палъ
 къ стопамъ его. „ Безразсудный смерт-
 „ный, сказалъ Оромацесъ; не воздавай
 „мнѣ той чести которая, принадлежитъ
 „единому управляющему вселенною без-
 „смертному Существу; знай что сіе, все-
 „благое Существо слабымъ смертнымъ со-
 „общается чрезъ единяя только щедро
 „изливающіяся для нихъ благодѣянія.
 1782 Май Часть II. Д „ Не

(*) Персы признаютъ два начала, одно доброе называемое Оромацесъ; а другое злое, называемое Ариманъ.

„ Не страшись ничего, я пришелъ тебя
 „ научить, а не произнеси надъ тобой
 „ жестокое опредѣленія, котораго ты
 „ мало достоинъ. При сихъ словахъ
 „ Моаѳимъ поднялся, а духъ продол-
 „ жалъ такимъ образомъ:

„ Не правосудный смертный, оплаки-
 „ вающій свою судьбу, познай твою по-
 „ грѣшность, и научись иначе судить о
 „ своемъ жребіи. Вознесись къ тѣмъ
 „ отдаленнымъ вѣкамъ, которые мрач-
 „ ность древности скрываетъ ошъ тво-
 „ ихъ изысканій. Взгляни на разсыпа-
 „ вшихся по безчисленнымъ лѣсамъ лю-
 „ дей, питающихся плодами и водою,
 „ взгляни, сколь они крѣпки, сильны,
 „ наслаждаются цвѣтущимъ здравіемъ,
 „ обитаютъ въ плодородной, и все по-
 „ требное къ удовольствованію ихъ
 „ нуждъ содержащей землѣ. Разсуди
 „ какое они вкушаютъ удовольствіе въ
 „ ту минуту, когда преодолеваютъ
 „ сіи самыя нужды. Сіе то было пер-
 „ вое ихъ состояніе; благополучное со-
 „ состояніе невинности! которое и повре-
 „ жденные уже вѣки не могли не назвать
 „ *златымъ пѣкомъ*. Таковъ былъ чело-
 „ вѣкъ, когда онъ вышелъ изъ рукъ
 „ *Духа Творца!* онъ былъ благополу-
 „ ченъ; весьма малыя его нужды каса-
 „ лись только до его сохраненія; ра-
 „ дость

„ достъ же дѣлала ему удовольствіе;
 „ будучи равенъ подобному себѣ, онѣ
 „ не имѣлъ желанія повелѣвать имѣ,
 „ и не чувствовалъ огорченія быть ему
 „ подвластнымъ. Мысль о смерти, сія
 „ ужасная мысль, скрывалась отъ его
 „ знанія. Будучи всѣмъ доволенъ, онѣ
 „ наслаждался жизнію, и не простиралъ
 „ своихъ дерзкихъ взглядовъ въ про-
 „ странную ночь будущаго, котораго
 „ гордое его любопытство никогда про-
 „ никнуть не могло. О слабые смерп-
 „ ные! Вы слушаетесь опасныхъ совѣ-
 „ совъ, подаваемыхъ вамъ отъ подоб-
 „ ныхъ вамъ нѣкоторыхъ людей; вы
 „ оставляете первую свою простоту; вы
 „ соединяетесь во едино; вы отвергаете
 „ всегда любимую вами вольность; вы
 „ обременяете себя оковами; вы сами
 „ приугоможаете себѣ несчастье, и при-
 „ томъ осмѣливаетесь еще неблагодарные
 „ жаловаться въ томъ на *Тпораца влгб*,
 „ которыхъ вы не умѣли сохранить! —

„ Тотъ же разумъ, повредившій че-
 „ ловѣка, снабдилъ его средствами про-
 „ шиву поврежденія. Онѣ выдумалъ за-
 „ коны, изобрѣлъ труды и учредилъ
 „ награжденія. Такимъ образомъ попра-
 „ вилъ онѣ несчастье настоящаго его со-
 „ стоянія. Но о смертный! кто иной
 „ вложилъ въ разумъ твой сіе прилѣжаніе

„ и сіе воображеніе, какъ не *благость* пы-
 „ сочайшаго *Строителя*?

„ Человѣкъ, вскормленъ будучи среди
 „ чистаго и яснаго воздуха приуготов-
 „ ленными благодѣтельною природою
 „ плодами, не зналъ никакихъ болѣзней.
 „ Переменная его состоянія скоро научила
 „ его познать оныя. Воздухъ, исполнен-
 „ ный бѣдкихъ и острыхъ частицъ, вхо-
 „ дилъ въ него часто въ великомъ коли-
 „ чествѣ и заражалъ легкое. Искусствомъ
 „ изобрѣшенная пища, будучи сходствен-
 „ нѣе съ его вкусомъ, нежели съ приро-
 „ дою, повредила чистоту соковъ обра-
 „ щающихся въ его жилахъ. Будучи самъ
 „ въ себѣ слѣпъ и несправедливъ въ раз-
 „ сужденіи Творца, нечестивый языкъ
 „ его обвиняетъ новыми несчастіями,
 „ которыхъ онъ самъ былъ причиною.

„ Опытъ, продолжалъ Духъ, от-
 „ крылъ въ растѣніяхъ неизвѣстныя еще
 „ свойства; человекъ употреблялъ оныя
 „ съ успѣхомъ. Скоро мертвые сдѣла-
 „ лались полезными живымъ: желѣзо,
 „ препровождаемое правою рукою, откры-
 „ ло тайности внутреннихъ органовъ; къ
 „ сему присоединился разумъ; сложе-
 „ ніе тѣла зачало быть извѣстнымъ. Но
 „ Моаѣимъ! кто далъ сіе свойство ра-
 „ стѣніямъ? кто далъ человеку сей раз-
 „ судокъ, предшествующій ему въ изы-

„ ска-

„сканіяхъ? Сіе можно только сдѣлать
 „безконечно премудрому и безконечно бла-
 „тому. Взгляни на сихъ самыхъ смерт-
 „ныхъ! Они, обладаемы будучи безчело-
 „вѣчнымъ бѣшенствомъ, вонзаютъ въ
 „груды своихъ братьевъ убійственное
 „желѣзо. Кто ихъ сему научилъ? кто вос-
 „пламенилъ ихъ къ симъ безчеловѣчіямъ?
 „Люди, ежели ихъ такъ еще можно на-
 „звать. Сіе убійственное бѣшенство ни-
 „какъ не свойственно человѣческой при-
 „родѣ; но оное къ сему ее побуждаетъ; и
 „на тысячу себя взаимно испребляющихъ
 „человѣкъ, есть сто тысячъ любящихъ
 „спокойствіе; для чего же неблагодарно-
 „му смертному обвинять *пысочайшаго*
 „Творца?

„Толь многія несчастія не сдѣла-
 „ли развращенныхъ смертныхъ разумнѣе;
 „уменьшившіяся ихъ силы и испорчен-
 „ныя пѣла не укропили ихъ дерзно-
 „венія; напротивъ того оно умножи-
 „лось. Уже, оставляя свой природной
 „климатъ, они разсѣкаютъ соленую
 „воду, и подвергаются непостоянству
 „вѣтровъ; колико кораблекрушеній, ко-
 „лико несчастій приуготовляли они се-
 „бѣ симъ новымъ неблагоразуміемъ!

„Но сіе понятіе, которымъ они дол-
 „жны щедрости *общаго ихъ Отца*, сіе гово-
 „рю понятіе, снабдившее ихъ неисчетными

„ средствами къ сохраненію ихъ бытія,
 „ исправило новое несчастіе, въ которое
 „ ввергнула ихъ жадность. Оно научило
 „ ихъ познавать высоту звѣздъ; открыло
 „ имъ свойство магнита; и естли не
 „ могли они избавишься отъ всѣхъ опа-
 „ сностей ужасной стихіи, то по край-
 „ ней мѣрѣ число ихъ уменьшили.

„ Познай же о Моаѣимъ! неблагодар-
 „ ность человѣка и безконечную благость
 „ *пѣчнаго Бога.* Онъ сотворилъ его
 „ благополучнымъ, свободнымъ и раз-
 „ умнымъ. Онъ былъ Творецъ всѣхъ его
 „ благъ; единый человѣкъ соединилъ съ
 „ ними зло.

„ Ты оплакиваешь потерю сына;
 „ будь чувствителенъ, я на сіе согла-
 „ шусь, ты не можешь не быть такимъ;
 „ ибо люди, соединяся въ одно мѣсто
 „ сковали себѣ такіе узы, которыхъ не
 „ могутъ болѣе прервать, и подвергну-
 „ ли себя печалямъ, которыхъ они не
 „ могутъ избѣгнуть. Но о Моаѣимъ!
 „ естли законная печаль позволительна
 „ человѣческой слабости; то тогда,
 „ когда она бываетъ неумѣренною, по-
 „ читається грѣхомъ. Ахъ! можетъ ли
 „ смерть сдѣлать человѣка несчастнымъ?
 „ Сей любимый тѣбою сынъ, которой, ка-
 „ залось возрасталъ подъ тѣнію добро-
 „ дѣтелей, сколько можетъ быть по-
 „ слѣ

„ слѣ приключилъ бы тебѣ печалей,
 „ когда сѣмя спрасней выросши въ сердцѣ,
 „ предало бы его жестокимъ движеніемъ
 „ его молодости! но я желаю, чтобъ
 „ онъ остался добродѣтельнымъ; онъ
 „ былъ человекъ, слѣдовательно подвер-
 „ женъ обману и непостоянству. Сколь
 „ ко печалей приготавливали тебѣ сіи
 „ погрѣшности и сіи непостоянства? и
 „ сколькобъ трудовъ, сколько стараній
 „ причинили они тебѣ, дабы ихъ испра-
 „ вить! О смертный! позналъ ли ты буду-
 „ щее? Ты проливаешь слезы? развѣ ты не
 „ зналъ, что онъ когда нибудь долженъ
 „ былъ расстаться съ жизнію.

О Моаѳимъ! не должно почитать
 „ смерти зломъ. Пріятности жизни
 „ препятствуютъ людямъ, при разру-
 „ шеніи ихъ существа, имѣть довольно
 „ разсудительнаго вниманія, дабы пред-
 „ ставить себѣ о томъ ужасную мысль,
 „ что исполнитъ ядомъ пріятность
 „ ихъ дней. Сіе разрушеніе приключает-
 „ ся и окончивается такъ, что они не
 „ чувствуютъ ужаса. Продолжительныя
 „ болѣзни, возрастающія медлительно и
 „ постепенно, происходятъ отъ нихъ
 „ самихъ, и они одни имъ ошущитель-
 „ ны. Смерть, которая прекращаетъ
 „ жизнь безъ великаго страха, должно ли
 „ почитать зломъ?

„*Высочайшая премудрость*, управляющая людьми, награждаетъ причиняемая ими самими себѣ несчастья, благами, которыя она щедрою рукою на людей изливаетъ. Познай же о смертный! прежде нежели спанешь сожалѣть о своемъ болѣе или менѣе крашкомъ вѣкѣ, что есть жизнь? и прежде нежели сыскивать будешь разныя о смерти воображенія, познай что есть смерть?

Окончавши сіи слова, духъ пренесъ Моацима на вершину одной горы, откуда велѣлъ ему обратишь глаза свои къ западу. Моацимъ возстеналъ при представившемся ему ужасномъ позорищѣ. Цвѣшущій градъ, наполненный многими жителями, опустошается самыми страшными бичами. Широкая и глубокая рѣка, исходящая изъ своего источника несла на своихъ ярыхъ волнахъ страхъ и смерть. Земля ужасными землетрясеніями опровергала стѣны, зданія, и подъ ихъ развалинами подавляла многія тысячи людей. Пожирающее пламя, котораго густой дымъ перялся вихрями въ неизмѣримомъ воздухѣ, удвояло ужасъ сего плачевнаго мѣста „О духъ! вскричалъ Моацимъ, сіи бѣдныя, которыхъ слышу пронзающіе вопли, не могутъ ли почестъся несчастными?

Духъ

Духъ не отвѣчалъ ничего, но вдругъ пренесъ его на другую гору, показалъ ему пространное внизу поле, и на немъ кучи мертвыхъ и умирающихъ людей принесенныхъ Беллоною въ жертву своему бѣшенству. Между прочими показалъ ему одного воина умирающаго болѣе отъ недостатка помощи, нежели отъ ранъ.

Давши ему нѣсколько времени посмотреть на сіе печальное позорище, онъ помощію волшебства сдѣлалъ его и себя невидимыми, и пренесся съ нимъ въ покой одного умирающаго отъ камня въ почкахъ старика. Вопли его соотвѣтствовали его мученію. Вдругъ смерть косою своею окончила и то и другое.

По возвращеніи Моазима на берега рѣки Тигра, духъ сказалъ ему слѣдующее, „ О смертный! я представилъ глазамъ твоимъ самыя страшныя для „ человѣческой чувствительности изображенія смерти. Твой слабой умъ „ мало былъ имъ пронутъ; понеже ты „ почиталъ несчастными тѣхъ, которые „ не были такими; но коль велика твоя „ погрѣшность! Испускаемые отъ жипелей сего развореннаго города вопли „ происходили отъ страха, а не отъ „ болѣзни смерти. Волны погубляли „ вдругъ тѣхъ, которыхъ онъ поглощали;

„ пожертвые землю подЪ развалинами
 „ своихЪ домовЪ погибли въ ту же ми-
 „ нуту; а пламя пожирало вдругъ тѣхъ,
 „ которые попадались въ оное. Сей
 „ умирающій воинъ безъ сомнѣнія чув-
 „ ствовалъ бы бодрость: еслибъ на-
 „ дежда получить помощь не уменьши-
 „ ла оной; ослабѣвая попомъ мало
 „ помалу, чувствованіе его разрушенія
 „ сдѣлалось ему почти неизбѣжнымъ.
 „ Сей старикъ самъ былъ причиною
 „ ужасной болѣзни, отъ которой испу-
 „ скалъ прогающіе твое сердце вопли.
 „ Осмѣлился ли ты, о смертный! на-
 „ звать тѣмъ же именемъ смерть, ко-
 „ торая навсегда окончила его мученія?

„ И такъ смерть ничего для людей
 „ не имѣетъ печальнаго; единой страхъ
 „ въ глазахъ ихъ кажется ее страшною, и
 „ сей страхъ есть одно изъ несчастій,
 „ котораго люди, оставивъ прежнее свое
 „ состояніе, были сами причиною; но
 „ ты скажешь, неправосудный смертный,
 „ что страхъ сей заставляетъ ихъ бо-
 „ лѣе терпѣть, нежели огорченія и снѣ-
 „ дающія печали, которыми разумъ
 „ ихъ во время жизни толь часто пре-
 „ дается.

„ Чрезвычайное удаление людей отъ
 „ первобытнаго ихъ состоянія, причинив-
 „ ши имъ несчастія, произвело для нихъ
 „ такъ

„ такъ же награждающія ихъ удовольствія,
„ которыя всю свою живость получаютъ
„ отъ сихъ самыхъ несчастій. Жизнь
„ есть переменное послѣдованіе удоволь-
„ ствій и печалей. Хотя бы была она крат-
„ ка, хотя бы долга; но всегда подвержена
„ сей смѣси; и жребій людей дѣлаетъ
„ равнымъ. Хотя бы человекъ умиралъ
„ во цвѣтѣ своихъ лѣтъ, или и тогда ко-
„ гда бы пришла старость тяжелою и
„ холодною своею рукою оледенить его
„ кровь, кости сдѣлать неподвижны-
„ ми, и прищипить чувствованіе его
„ органовъ; то все жребій его не будетъ ни
„ болѣе, ни менѣе благополученъ. Крат-
„ кая жизнь есть послѣдованіе краткихъ
„ удовольствій и несчастій; долгая же
„ соединяетъ съ собой долги несчастія
„ и удовольствія. Юность живѣе чув-
„ ствуетъ удовольствіе и печаль, нежели
„ зрѣлой возрастъ; сей болѣе, нежели
„ старость; а старость болѣе, нежели
„ престарѣлость. И такъ при свѣтѣ
„ истинны, о Моацимъ, открой свои
„ глаза, и ты познаешь премудрость
„ *Всеышняго Духа*. Все тебя окружаю-
„ щее, его возвѣщаетъ. Помни, что ему
„ одному долженъ ты всѣми своими бла-
„ гими, а всѣми несчастіями твоими или
„ себѣ самому, или подобнымъ тебѣ.
„ Помни, что смерть не есть зло, и
„ что

„ что одинъ человѣкъ ее ненавидитъ,
 „ и сокращаетъ дни своими страстями,
 „ огорченіями и печалями, которымъ онъ
 „ чрезъ слабое воспитаніе и родъ жизни
 „ предается. Наконецъ сохраняй всегда
 „ въ памяти, что пысочайшая бла-
 „ гость водворила въ человѣческое серд-
 „ це разумъ и надежду, которые, есть-
 „ ли онъ ихъ умѣетъ употреблять, под-
 „ крѣпляютъ его въ величайшихъ несча-
 „ спіяхъ. Си - то суть, о Моацимъ! не-
 „ побѣдимые щиты, которые мудрой
 „ противопологаетъ пороку и огорченію.
 „ Вооружись ими, и несчастіе тебя не по-
 „ бѣдитъ.

Духъ, окончавъ сіи слова, исчезъ; а
 Моацимъ возвратился назадъ, будучи
 увѣренъ, что не слабому смертному
 должно судить того, который, имѣя
 власть превратить его въ одну мину-
 ту въ пыль и прахъ, сообщаетъ ему
 только чрезъ одни свои благодѣянія.

 V.

Рондо.

 Отчаянный любовникъ.

О какъ несчастливъ я! О какъ я злополученъ!
 Съ любезною я былъ повсюду неразлученъ:
 Но нынѣ жизнь веду я въ грусти безъ нея;
 Я плачу и грущу, о какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! О какъ я злополученъ!
Гдѣ время то, когда я былъ благополученъ?
Чья участь участи несноснѣй моя?
Оспрады нѣшъ нигдѣ; о какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! я въ сихъ мѣстахъ оспрадаю,
И замученіе наградъ не ожидаю;
Ни чѣмъ не прекращу я грусти своея.
О горестная жизнь! о какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! почто я въ свѣтѣ родился?
На толи, чшобъ всегда я плакалъ и крушился?
Но долго ли еще продлится жизнь моя?
Пора мнѣ умереть! о какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! съ любезною въ разлукѣ;
Не шерпитъ мукъ никшо такихъ и въ адской мукѣ.
О небо! сколько злостъ мучительна твоя!
За чѣмъ еще живу! о какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! что дѣлашь мнѣ осталось?
Кто столько мучился? чье сердце шакъ шерзалось?
Но съ жизнью кончится тоска и грусть сія;
Пронжу я грудь свою. . . О какъ несчастливъ я!

О какъ несчастливъ я! Ахъ! что я предприемлю?
 Въ отчаяннѣ моемъ я разуму не внемлю;
 Я кончишь жизнь хочу на Бога вопія;
 Не знаю, что начашь! о какъ несчастливъ я!

VI.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Мудрый Маделонъ.

Умѣстѣ Маделонѣ, умѣстѣ, все умѣстѣ,
 Способность ко всему нашъ Маделонъ имѣстѣ;
 Умѣстѣ сочиняшь, пріятно говоритъ,
 Прельщашь и нравишься, пеняшь, благодарить;
 Гражданствомъ, городомъ, народомъ, войскомъ
 (править,
 Съ Престола сверженныхъ спасашь, на Царство,
 (спавишь,
 Враговъ отечества губить и брать въ полонъ.
 Умѣстѣ, знаетъ все премудрый Маделонъ;
 Народамъ и Царямъ предписывать законы;
 Брать села, города, не зря себѣ препоны,
 Короны съ главъ Царей къ ногамъ своимъ свергашь,
 Любишь, благошворишь и преужасно лгашь.

2.

Бѣдность лучше богатства.

Скажи мнѣ, Богачонѣ, что лучшемъ ты
 (считаешь ,
 вѣ надеждѣ ли когда, иль вѣ страхѣ ты бываешь?
 Конечно , скажешь ты , вѣ надежѣ лучше бытъ?
 Коль такъ; по не должны богачства мы любить.
 Богачый всякой часѣ , ты знаешь самѣ , боится
 Внезапно оскудѣтъ :
 Но бѣдной завсегда надеждой вѣ мысляхъ льспится
 Нечаянно разбогачѣтъ.

3.

Хотимъ и не хотимъ.

Желаніе мы всѣ жишь долго ощущаемъ ;
 Но жизнь распущенствами не мало сокращаемъ.
 Вдаваясь вѣ роскоши мы жизни нещадимъ ;
 А лекарей зовемъ , и такъ мы жишь хотимъ.

VII.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Къ Добролюбу, желающему испрагитъся.

Ты добрымъ сдѣлашься сѣ сего часа желаешь;
 И это хорошо , желай и будешь имъ.
 Желанье отъ кого сіе ты получаешь ,
 Тотъ сдѣлаешъ тебя , о Добролюбѣ , такимъ.

2.

2.

Любовь къ отечеству.

Пріятно умереть, отечество спасая;
И славно оному до смерти такъ служишь;
Окончить жизнь враговъ пріятно поражая;
Но для отечества еще пріятнѣй жишь.

VIII.

ЭПИТАФИИ.

I.

Взятолюбову.

Не спалъ бы ты чашать, прохожій, сей
(надгробной;

Когдабъ ты зналъ кому надписана она.
Здѣсь погребенъ судья неправосудной, злобой;
Онъ не подъячій былъ: но сущій сапана;
Онъ дьявольскія всѣ имѣлъ въ себѣ ухватки;
Онъ крючоктворецъ былъ, со всѣхъ здиралъ онъ
(взяшки.

Не много опишу тебѣ его я нравъ:
Безъ денегъ у него невинный былъ неправъ;
Когдажъ къ нему сходилъ съ подаркомъ кто
(богатымъ,
Хотя бы и злодѣй, то былъ невиноватымъ.
Богатство почиталъ онъ болѣе всего,
И даромъ для того не дѣлалъ ничего.
И такъ ему и ты не мало досаждаешь,
Что даромъ ты его надгробную чашаешь.

Распутному.

Родился, умеръ, жилъ сей шуенядецъ чудный;
Онъ Ъгордый былъ подлецъ, роскошный и распутный.
Кто хочеть всѣ его дѣла вдругъ усмотрѣшь;
Онъ вѣкъ жилъ такъ, какъ бы не могъ онъ
(умереть).

IX.

*Египетское ученіе о пути, педущемъ къ
познанію псея духопныя цѣпи.*

Подобно какъ мы желая слушать пріятную музыку, для лучшаго ея впечатлѣнія, отвращаемъ нашъ слухъ отъ другихъ звуковъ, и всѣ чувства и мысли устремляемъ къ сему единственно предмету: такъ точно желающій зрѣть своего духа, дѣйствующее среднее и первоначальную вину обоихъ ихъ и всѣхъ существъ, долженъ прежде постомъ укропитъ свои спраспи, и, отвлекшись отъ всего чувственнаго, обратиться со благоговѣйнымъ вниманіемъ во внутренность души своея. Тутъ услышитъ онъ небесную и превосходящую человѣческое понятіе гармонію, почувствуетъ неизреченную духовную радость, и увидитъ

сходство духовныхъ и вещественныхъ міровъ. Такимъ образомъ челоуѣкъ, переходя отъ нижняго класса къ вышшему, наконецъ приблизится къ первоначальной винѣ, и узнаетъ ея вліянія во всѣхъ духовные классы, изъ которыхъ онъ составляетъ послѣдній, и преноситъ верхнія оныя силы въ матерію.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

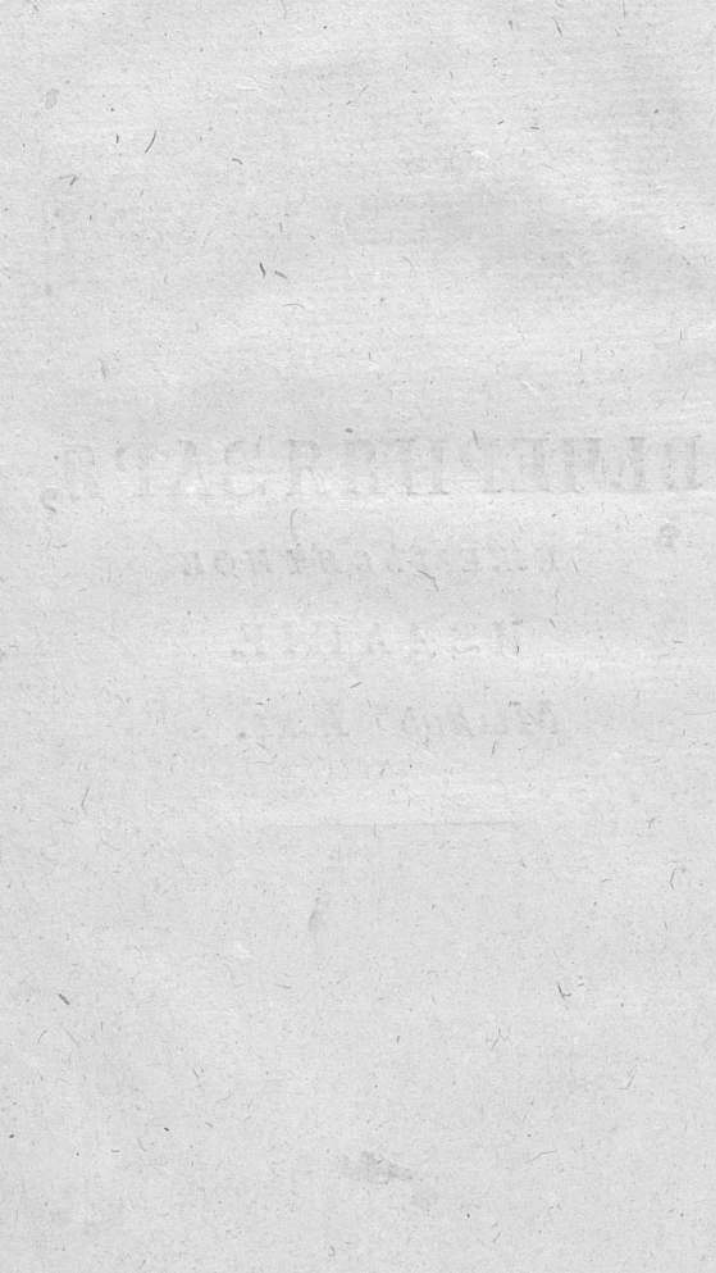
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Юнѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. Философическое разсужденіе о
человѣческой волѣ вообще - 83

II. Разсужденіе о благости Божіей,
выведенное изъ разсужденія о
добротѣ человѣческой - 116

III. Три пупи, ведущіе къ премудрости - . . . - 131

IV. Аристидъ - . . . - 133

V. Ода къ войнѣ . . . . - 152

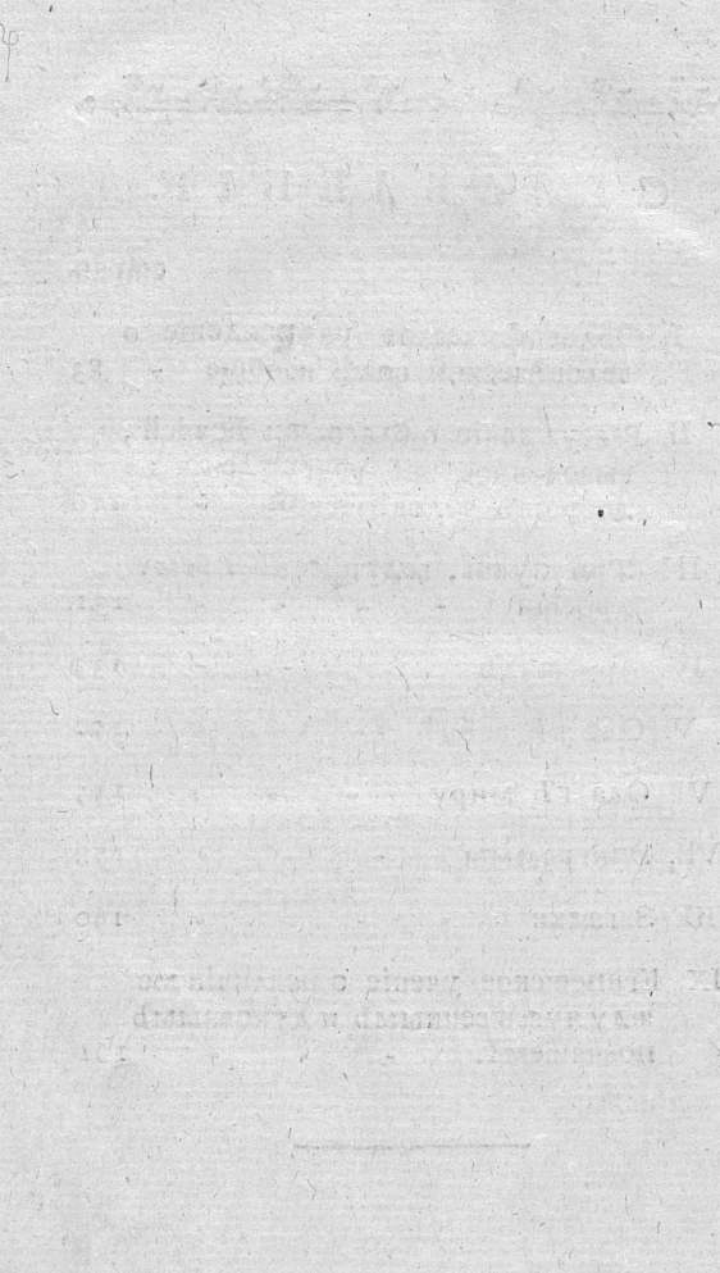
VI. Ода къ миру - . . . - 155

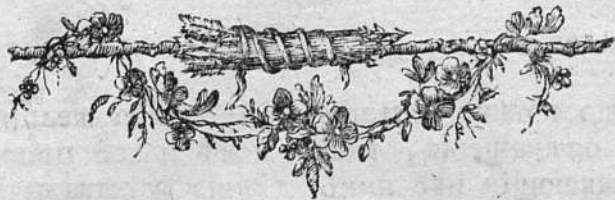
VII. Эпиграммы - . . . - 158

VIII. Загадки - . . . - 160

IX. Египетское ученіе о различіи между чувственнымъ и духовнымъ познаніемъ. - . . . - 161

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

*Философическое разсужденіе о челоувѣческой
полѣ вообще.*

Подъ именемъ *поли* разумѣемъ мы силу
духа нашего, которою онъ поступаетъ
по своимъ представленіямъ. По мнѣнію
нашему она есть дѣйствующая причина,
а представленія суть образецъ или
образцовая причина. Дѣйствуемъ же мы
по симъ представленіямъ тогда, когда
представленную вещь на самомъ дѣлѣ
исполняемъ, или стремимся къ ея
исполненію. Посредствомъ таковаго дѣй-
ствія вещь либо совершенно производимъ,
либо полагаемъ ее въ нѣкоторое къ се-
бѣ отношеніе, или и то и другое дѣла-
емъ вмѣстѣ. Таковымъ образомъ опре-
дѣленіе наше заключаетъ въ себѣ все то,
1782 Юнь Часть II. Ж что

что можно сказать о волѣ: ибо желаніе и отвращеніе, равно какъ и всѣ происходящія изъ нихъ дѣянія и спрдаанія приписываемъ мы *полѣ*. Изъ всѣхъ же сихъ обстоятельствъ явствуетъ, что дѣйствіе духа происходитъ по его представленіямъ. Духомъ называемъ мы въ обширномъ смыслѣ каждое существо, которое можетъ дѣлать себѣ о чемънибудь представленія, или, что все равно, которое можетъ разумно мыслить.

Симъ образомъ обширнѣе понимаемъ мы духъ и волю, такъ какъ и помышленіе, нежели какъ по обыкновенно случается; ибо другіе подъ помышленіемъ разумѣютъ только представленіе отвлеченныхъ понятій. Воля же у нихъ есть только способность дѣйствовать по отвлеченнымъ понятіямъ, которую они прошивуполагаютъ чувственному желанію. Они называютъ духами только тѣ существа, которыя истинну познаютъ съ познаніемъ самихъ себя чрезъ ясное отличеніе оной отъ другихъ: но мы ради пространнѣйшаго объясненія сихъ понятій придержимся слѣдующей причины. Весьма нужно разобратъ во всѣхъ существахъ, одаренныхъ способностію чтонибудь себѣ представлять и по своимъ пред-

ста-

спавленіямъ дѣйствовать, всеобщую ихъ сущность. Поелику скотскія дѣши и собственно такъ называемые духи составляютъ между собою особливые токмо роды, въ коихъ находящаяся всеобщая сія сущность различными предѣлами ограничивается, которыхъ безъ познанія всеобщей сущности, всѣмъ имъ приличной, и по которой они отъ вещества отличаются, основательно изъяснить не можно. Какъ мы къ сему не находимъ ни единого пристойнѣйшаго наименованія, и самыя вышеупомянутыя различныя названія по видимому отъ того произошли, что не довольно вниманія употреблено было на всеобщую ихъ принадлежность: то за полезнѣе всего почитаемъ лучше распространить сопряженныя съ ними понятія къ споспѣшествованію познанія объ истиннѣ. Настоящаго примѣчанія нашего довольно ужè будетъ къ предупрежденію всякаго недоумѣнія. Впрочемъ оставляемъ мы на волю слѣдовать нашему опредѣленію помянутыхъ понятій всякому, кто знаетъ, что въ противномъ случаѣ произойдетъ одно только словопрѣніе. Всякой легко понять можетъ, что мы по своему расположенію раздѣляемъ духовъ на благородныхъ и низкихъ, на разумныхъ и неразумныхъ, равно какъ и

въ родахъ *поли* полагаемъ мы многія весьма различныя степени совершенства.

Всѣ духи долженствуютъ одарены быть волею; ибо естли они ея не имѣютъ, то не могутъ ошнудь дѣйствовать по представлениямъ своимъ, и слѣдственно не токмо ни себѣ, ни другимъ вещамъ не будутъ служить въ пользу, но и вовсе будутъ тщетны и излишни; да и съ совершенствомъ Божіимъ весьма не сходно, сотворить что ни есть бесполезное и тщетное.

Всякое хотѣніе предполагаетъ въ умѣ нашемъ представленіе тѣхъ вещей, коихъ мы хотимъ, и возможность чего нибудь хотѣть зависитъ всегда отъ разума, который долженъ *размыслить* о принадлежащихъ къ тому представленияхъ. Въ противномъ случаѣ противорѣчили бы мы сами себѣ. И сей то есть истинный смыслъ извѣстнаго положенія, что воля сама по себѣ есть слѣпая сила, коей существованіе и дѣйствіе безъ разума и представленія желаемой вещи было бы совершенно невозможнымъ и само себѣ противорѣчащимъ.

Но не смотря на то, воля во всѣхъ конечныхъ духахъ есть особенная отъ разума разнствующая главная сила, или, естли сказать съ совершенною точностію, есть вмѣстѣ особенныхъ

перво.

первоначальныхъ духовныхъ силъ, которыя по причинѣ общей духовъ сущности, совокупляя подѣ единое имя, называемъ мы *полею*, подобно какъ первоначальныя силы, содѣлывающія возможнымъ познаніе истинны, именуемъ мы разумомъ. Сіе заключаемъ мы, основываясь на здоровомъ разсужденіи, токмо о конечныхъ духахъ. Ибо въ Богѣ принимаемъ мы одну только истинную первоначальную силу, то есть силу безконечную, которая посредствомъ своего понятія имѣетъ въ себѣ способность ко всѣмъ возможнымъ дѣйствіямъ; почему Божескій разумъ и воля нечто иное суть, какъ токмо различныя дѣйствія или дѣйствительности и способности безконечной силы. Въ конечныхъ же существахъ не можемъ мы инаго имѣть понятія о первоначальной силѣ, какъ то, что она есть возможность нѣкоего самаго ближайшаго дѣйствованія, изъ котораго все прочее должно быть для насъ вразумительнымъ, и которое напротивъ того не есть слѣдствіемъ, ни частію, ни обстоятельствомъ другой силы въ томъ же существѣ. А понеже мы говоримъ, что все прочее приписываемое нами первоначальной силѣ, кромѣ ближайшаго дѣйствованія, чрезъ сіе можетъ быть вразумительнымъ:

то явствуетъ, что изъ онаго не токмо, яко изъ всеобщаго понятія заимствуется, но и въ самомъ дѣлѣ, яко слѣдствіе изъ него истекающее и чрезъ него *причиняемое*, доказательство выводится. Ибо естлибъ мы возможность отдаленнаго, или соединеннаго дѣйствія приняли за первоначальную силу, то бы въ естественной наукѣ воспослѣдовали изъ того величайшія нелѣпости, и мы въ самомъ дѣлѣ не утверждали бы существованія ни какой первоначальной силы, но только самаго дѣйствованія; и оное съ всеобщимъ понятіемъ *силы* совокупляли бы подъ единое слово. Не должно опасаться, чтобъ изъ сего можно было заключить, что простое существо человеческого духа уничтожается, когда мы приписываемъ оному болѣе, нежели одну первоначальную силу. Ибо когда говорится, что духъ есть простое существо: то разумѣется не что иное, какъ то, что онъ не составленъ изъ другихъ существъ. Здѣсь совсѣмъ не спрашивается, одну ли онъ имѣетъ или многія силы? и когда конечное существо способно болѣе, нежели къ одному дѣйствованію: то и надлежитъ ему имѣть болѣе, нежели одну первоначальную силу; что однакожъ не показываетъ сложенія одного существа съ другими, то есть суще-

ства

ства сложнаго , хопя и имѣетъ соединеніе многихъ свойствъ. Намъ не должно приниматъ сего положенія за невѣроятное, что въ одной почкѣ могутъ совокуплены быть премногія да и безчисленныя силы, проницающія со всѣхъ сторонъ все существо. Сему многіе примѣры привести можно изъ естественной науки, гдѣ всякой удобно видѣть можетъ, что и въ самомъ веществѣ въ одной почкѣ соединены многія силы.

Что первоначальная сила воли въ существахъ совсѣмъ опмѣнна отъ первоначальной силы разума, сіе будемъ мы доказывать слѣдующимъ образомъ. Мы чувствуемъ въ себѣ, что помышленіе и хотѣніе совсѣмъ между собою разнствуютъ, между которыми одного по другому совсѣмъ понимать не можно, когда не приобщимъ особенной силы, для произведенія въ дѣйствіе представляемой вещи въ умѣ нашемъ. Почему въ разумѣ не обрѣцаемъ мы опнюдь знаковъ, по которымъ бы могли мы его почитать за довольную причину хотѣнія, не смотря на то, что онъ при всякомъ хотѣніи надлежащимъ образомъ предполагается, яко необходимое основаніе возможности. Хопя въ разумѣ и приѣмлется стремленіе къ новымъ мыслямъ: однакожъ по этому ничего инаго

разумѣть не можно, какъ опять другую мысль, но никоимъ образомъ не лзя подѣ симъ разумѣть усилія, могущаго представленное что ни есть въ умѣ произвести въ дѣйство, естли не присовокупимъ къ тому новой силы. Легко можно обмануться, когда не ставемъ примѣчать, что расположеніе, посредствомъ котораго одна мысль производитъ или возбуждаетъ другую, (что происходитъ отъ силы воображенія) не сходствуетъ со стремленіемъ исполнить представленное на самомъ дѣлѣ, и въ ономъ исполненіи слѣдовать мысли или образцу. Естли помышленіе должно быть довольною причиною хотѣнія, и слѣдственно пріемлемая нами въ духѣ сила мыслить должна служить довольномъ основаніемъ какъ воли, такъ и ея свойствъ и дѣйствованій: по хотѣнію будетъ токмо родомъ помышленія; или помышленіе и хотѣніе будутъ между собою различиваться только по устремленію и степени; или отъ единой первоначальной силы долженствовало бы одно посредствомъ другаго быть произведено. Однакожъ изъ всѣхъ приведенныхъ случаевъ ни одинъ не имѣетъ здѣсь мѣста; ибо мы сами въ себѣ чувствуемъ, что хотѣніе не есть, родъ представленія; и никто про-

прошивъ того сказать не можетъ. Что они также не по единому степе-
 ни между собою разнствуютъ, сіе неоспоримо потому, что мы въ про-
 шивномъ случаѣ, при нѣкоторой сте-
 пени живости представленій, могли бы
 всѣхъ представленныхъ вещей хотѣть;
 чему опытъ показываетъ совсѣмъ про-
 тивное. Они различествуютъ также не
 по единому только устремленію; ибо мы
 можемъ совершенную показать разность
 между представленіемъ и хотѣніемъ ве-
 щи, хотя оба они занимаютъ одинакимъ
 предметомъ. Пускай мы на пр. хотимъ
 того, въ чемъ усматриваемъ истинное или
 мнимое совершенство: однакожъ предста-
 вленія совершенства не должно почитать
 съ хотѣніемъ онаго за одно, хотя они и въ
 неразрывномъ союзѣ; такъ какъ никто не
 скажетъ, чтобъ соединенныя какія нибудь
 вещи можно было почитать и за одинакія.
 А что хотѣнія не лзя разумѣть изъ
 представленія не присовокупивши но-
 вой силы, сіе неоспоримо потому, что
 въ прошивномъ случаѣ въ дѣйствиіи за-
 ключалось бы болѣе, нежели въ причи-
 нѣ. Однимъ словомъ не можно утвер-
 ждать, чтобъ изъ представленія о со-
 вершенномъ *раздалось* усиліе къ при-
 обрѣтенію онаго и соединенію съ нимъ.
 Почему естли послѣдуемъ здравому

разсудку, ничего намъ не остается сказать, какъ то, что воля есть особенная первоначальная сила. Естьлижъ отвергнувъ сіе допустить, что опредѣляемую здѣсь волю можно только, какъ дѣйствіе, подъ однимъ словомъ заключать со всеобщимъ понятіемъ силы, и приложивъ оную къ другой вещи вмѣсто свойствъ, выдавать ее за самое опредѣленіе причины той вещи, не вникая, есть ли въ томъ смыслъ, или нѣтъ, и можно ли связь того доказать другими заключеніями, или нѣтъ? Что конечно не можетъ быть никогда въ нашемъ примѣрѣ; то не трудно будетъ въ естественной наукѣ доказывать и выводить все изъ всего; чрезъ что цѣлое знаніе сдѣлалось бы посмѣшищемъ, а суевѣрамъ и защитникамъ чудныхъ привидѣній дало бы острой ножъ въ руки. Впрочемъ мы не беремъ на себя нарочно доказывать наипаче того положенія, что хотѣніе не есть довольная причина помышленія, и что посему какъ того, такъ и другаго не можно разумѣть изъ одной первоначальной силы; ибо по нашему мнѣнію оно столь ясно, что никогда не подастъ причины къ спорамъ о томъ.

Когда хотѣніе въ самомъ дѣлѣ исполняетъ то, къ чему оно клонится,
или

или по крайней мѣрѣ способствуетъ въ томъ, въ чемъ можетъ: тогда называется оно *могущественнымъ*; въ противномъ же случаѣ, когда послѣдняго не бываетъ, называется *немогущественнымъ*.

Хотѣніе, которое къ чему нибудь такому клонится, что съ нимъ согласно и чрезъ что слѣдственно что нибудь еще несуществующее въ дѣйство произвести, или съ нами его соединить стараемся, поколику оно разсматривается въ хотящемъ духѣ яко дѣйствіе, называется *желаніемъ*. Напротивъ того именуется *отпращеніемъ*, когда оно къ тому усупремлено, что съ нимъ не сходствуетъ, и поелику мы для сей причины стараемся препятствовать бытію вещи, или особливо отвергать союзъ съ нею. Отъ обоихъ сихъ разнствуетъ еще другое исканіе, когда мы желаемое стараемся произвести въ дѣйство внѣ души своей. Чему основаніемъ и побудительною причиною есть желаніе или отпращеніе. Между тѣмъ, какъ оба дѣйствія воли называются хотѣніемъ или нехотѣніемъ вещи: то и смѣшиваются они иногда, будучи принимаемы одно вмѣсто другаго.

Мы можемъ чего нибудь хотѣть или просто, или подъ нѣкоторыми усло-

условіями; почему и можно хотѣніе раздѣлить на *услощное* и *неуслощное*. Когда мы чего хотимъ подѣ нѣкоторыми условіями, то, поелику намъ еще не извѣстно, могутъ ли имѣть мѣсто потребныя условія или нѣтъ, либо по-колику мы еще не вникнули, будутъ ли оныя или нѣтъ, такое хотѣніе называется *полею предвидущею*. Когдажъ мы послѣ дѣйствительно рѣшились что нибудь сдѣлать, или во что пуститься, не смотря на то, естьли тамъ потребныя условія или нѣтъ, тогда оное называется *полею послѣдующею*. Изъ чего само собою разумѣется, что послѣдующая и предыдущая воля не могутъ быть между собою сходственны, также, что не смотря на таковое несходство предвидущая воля можетъ быть важнѣйшею и могущественнѣйшею, то есть можно въ правду хотѣть вещи, коей исполненіе будетъ соотвѣтствовать нашему желанію и доставлять намъ удовольствіе. Можно также къ споспѣшествованію оной тѣмъ пособить, чѣмъ смотря по обстоятельствамъ можно и должно было, какъ ужè выше о томъ сказано. А понеже сіе хотѣніе сопряжено съ условіемъ, то не исполняемъ онаго послѣ, по той причинѣ, что потребныя условія не находились въ существованіи. Спо-

Способность воли произвести желаемое на самомъ дѣлѣ въ дѣйство, называется *силою* ея. Почему воля духа имѣетъ безконечную силу, когда она все, что духъ ни представляетъ, въ состояніи также исполнить. А когда духъ сверхъ помянутой безконечной воли имѣетъ и безконечной разумъ, такъ какъ ни одинъ родъ безконечности въ какомъ либо существѣ отъ другаго не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ отдѣленъ, тогда называется онъ всемогущимъ.

На противъ того конечную силу имѣетъ воля такого духа, который не въ состояніи всего возможнаго себѣ представить, также, который не все представленное посредствомъ своей воли можетъ произвести въ дѣйство. Какъ то, такъ и другое бываетъ тогда, когда и помышленіе и хотѣніе въ ономъ сопряжены съ нѣкоторыми другими содѣйствующими причинами и обстоятельствомъ, яко условіями. Всѣ сіи роды конечности находятся въ человѣческой волѣ.

Когда предметъ *воли*, о которомъ мы разсуждаемъ, есть также и самъ состояніемъ *воли*, а именно, есть нѣкоторымъ сильнымъ употребленіемъ силъ нашего хотѣнія, къ предпріятію кото-

котораго однакожъ дѣйствующая дѣйствительность еще не можетъ быть ясною причиною : по сему весьма справедливо можно сказать о комъ нибудь : *онъ не можетъ сего хотѣть*. Часто при сихъ словахъ безъ всякой причины останавливаются.

То , чего духъ хочетъ , можно въ обширномъ смыслѣ назвать *намѣреніемъ* или *предметомъ*. Въ шѣснѣйшемъ же знаменованіи разумѣемъ мы подъ предметомъ что нибудь такое , чего хопимъ съ удовольствіемъ и яснымъ онаго познаніемъ. Всегда , когда только ни стремится духъ къ какому предмету , встрѣчаются при стремленіи онаго при различныхъ вещи. Во первыхъ должно находится дѣятельное хотѣніе , которое есть дѣятельная сила , стремящаяся къ чему нибудь. Мы намѣрены оную именовать *подлежащимъ предметомъ*. Изъ слѣдующаго видѣть можно , что мы во многомъ запутаны бываемъ въ немалыя затрудненія , когда въ раздробленіи обстоятельствъ , встрѣчающихся при стремленіи къ предмету , не опредѣлимъ довольно ясно сего понятія и не отличимъ его отъ другихъ. Ибо отъ различія подлежащихъ предметовъ зависятъ и различныя образы и виды человѣческихъ дѣяній ; а безъ точнаго наблю-

блюдения понятія подлежащаго предмета происходящѣ окружности въ опредѣленіи и доказательствѣ нравственныхъ вещей. Сверхъ сего должно вникнуть въ извѣстную вещь, о которой мы спараемся, и которая называется *предлежащимъ предметомъ*. Наконецъ должно подумать и о нѣкоемъ отношеніи духа, къ хотѣнію той вещи, къ произведенію которой онъ спремится, и для которой предпринялъ онъ дѣйствіе. А сіе дѣйствіе называется *образнымъ предметомъ*. Сіе можно слѣдующимъ примѣромъ объяснить. Когда Александръ В. предпринялъ походъ противъ Персовъ, то Персидское государство было *предлежащею цѣлію*; *образная цѣль* была та, что онъ его хотѣлъ привести къ себѣ въ подданство и покорить подъ свое самодержавіе; а властолюбіе Александрово было *подлежащею цѣлію*. Состояніе духа, въ которомъ онъ съ желаннымъ предметомъ находится въ желаемомъ соединеніи, называется въ обширномъ смыслѣ *наслажденіемъ* онаго. Въ тѣснѣйшемъ же знаменованіи къ удовольствію потребно еще то, чтобъ мы о желаемомъ соединеніи съ предметомъ имѣли ясное, и зрѣлымъ разсудкомъ утвержденное знаніе, которое назвать можно *наслажденіемъ разумнымъ*, и къ ко-

то-

порому способность находится токмо въ благородныхъ духахъ. Почему сколь часто *образный предметъ* состоитъ въ нѣкоемъ желаемомъ соединеніи съ вещію: то можно сказать, что наслажденіе вещи есть *образный предметъ дѣйствія*. Однако *образный предметъ* можетъ также состоять и въ отверженіи вещи. По чему состоитъ онъ тогда не въ наслажденіи вещію, хотя онъ и желаетъ наслаждаться успѣхомъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ того отверженія. Изъ чего видно, что *образный предметъ* и наслажденіе вещію не во всякомъ случаѣ есть одинаково. На пр. когда Царь Птоломей Діонисій велѣлъ опрубить голову Помпею, то никто не скажетъ, что онъ хотѣлъ наслаждаться смертію Помпеевою; но онъ хотѣлъ насладиться хорошими слѣдствіями, коими, по его мнѣнію, воспользовалось бы его государство.

Когда духъ, для достиженія своей цѣли, имѣетъ нужду въ нѣкоторыхъ другихъ постороннихъ причинахъ; тогда долженъ онъ на нихъ дѣйствовать, и расположить ихъ къ своей цѣли надлежащимъ образомъ такъ, чтобъ можно было оной достигъ. Таковая содѣйствующая или посторонняя причина, которую духъ упо-

употребляетъ , и къ достигаемой цѣли такъ располагаетъ и устрояетъ , что побуждается желаніемъ цѣликъ принятію оной, называется *средствомъ*. Сіюжъ самую содѣйствующую причину называютъ *средствомъ шестепеннымъ*. Родъ же дѣятельности и употребленія происходящаго отъ духа , который располагаетъ и устрояетъ все къ своей цѣли , составляетъ *средство образное*. На пр. Къ цѣли сдѣлаться ученымъ , книги суть *средствомъ шестепеннымъ* , а обученіе и прямое ихъ употребленіе , *образнымъ*. Но должно при семъ примѣчать то , что духъ также и въ то время , когда онъ самъ по себѣ имѣетъ довольно силы къ непосредственному достиженію предмета , можетъ самопроизвольно пользоваться нѣкоторыми средствами.

Мы можемъ желать одного предмета для другаго , изъ коихъ первый называется *посредствующимъ* , а послѣдній *отдаленнымъ*. Почему посредствующій предметъ и долженъ почитаемъ быть , яко средство отдаленнаго. Однако посредствующихъ предметовъ , которые относительно къ отдаленному предмету называются *средствомъ* , не должно смѣшивать за одно съ тѣми , кои вообще и по цѣлой сущности своей , суть не что иное , какъ одни только средства. Что можно

легко почерпнуть изъ опредѣленія предмета и средства. Поелику средствомъ называется то, что мы, яко содѣйствующую причину предмета, по волю пріемлемъ и употребляемъ. Почему *средствомъ* просто есть то, въ чемъ самомъ по себѣ не имѣемъ мы ни какой нужды, естлибъ безъ онаго можно было достигнуть цѣли: напротивъ того то, въ чемъ и въ самомъ по себѣ имѣемъ нѣкоторую нужду, и что теперь однако для отдаленнаго предмета употребляемъ, называется *посредствующимъ предметомъ*, въ которомъ слѣдственно заключается и свойство предмета и средства. На пр. у гонца (курьера) путь предпринимаемой имъ, есть единое только средство; а у того, который охотникъ до бѣды, или который хочетъ имѣть движеніе, имѣя однако намѣреніе посѣпить своего пріятеля, есть *предметъ* *посредствующій*. Естли мы желаемъ какого предмета единственно для него самого, а не для другаго: то можемъ его назвать предметомъ *необходимымъ* или *послѣднимъ*. Однако таковой послѣдній предметъ быть можетъ другаго, которой берется во всеобщемъ понятіи, и которой также принимается за послѣдній, частію или видомъ, Ибо въ таковомъ случаѣ

не

не будетъ онъ ему ни средствомъ, ни же посредствующимъ предметомъ. На пр. блаженство во страхъ Божию ходящихъ можетъ быть само по себѣ принято за послѣднюю цѣль Божескую: но оно также есть и часть послѣдней Божеской цѣли, клонящейся къ откровенію тварямъ своихъ свойствъ. Напротивъ того осужденіе грѣшниковъ не есть цѣлю Божескою, умалчивая уже о послѣдней цѣли, понеже Богъ его для самихъ ихъ отнюдѣ не желаетъ, или, лучше сказать, не находитъ въ томъ какого либо предмета своего желанія и своего могущества: но оно есть опчасти необходимое слѣдствіе его правосудія, опчастижь средство къ другимъ предметамъ.

Мы можемъ многіе предметы соединять между собою, и вмѣстѣ стараться о споспѣшествованіи оныхъ, когда одинъ изъ нихъ такого свойства, что по опнятіи его, должно и другіе оставить, чего однакожъ на оборотъ сказать объ оныхъ не можно: то первый называется *главнымъ предметомъ*, а послѣдній *постороннимъ*; естлижъ напротивъ того такъ будетъ, что не смотря на опнятіе одного, можемъ еще искать другаго: то предметы сіи будутъ другъ другу *сопричастные*.

Когда мы какойнибудь предметъ дѣлаемъ правиломъ, по которому другаго искать намѣрены: тогда послѣдній въ разсужденіи перваго есть предметъ *подчиненный*. По чему находятся два рода подчиненности, посредствомъ которой предметы одинъ отъ другаго зависятъ. Первый составляетъ *подчиненность положительную*, когда мы предпринимаемъ искать такого предмета, который другому можетъ служить средствомъ; а второй составляетъ *подчиненность отрицательную*, когда мы объ одномъ предметѣ стараемся только такъ, чтобъ другому не сдѣлать препятствія.

Тотъ предметъ, коего мы наисильнѣйшимъ образомъ желаемъ, называется *первопачнейшій* или *господствующій*. И потому есть или *сравнительно первопачнейшій*, когда мы только его сильнѣе, нежели прочихъ желаемъ, что опять бываетъ либо только такъ, что мы его болѣе, нежели каждаго изъ прочихъ желаемъ, либо, что мы къ нему болѣе, нежели ко всѣмъ другимъ вмѣстѣ взятымъ имѣемъ привязанность; или онъ есть *просто первопачнейшій предметъ*; такимъ онъ называется тогда, когда ему всѣ прочія съ самоувѣреніемъ и разсужденіемъ отдаются въ подчиненность, хотя бы они ему под-
вер-

вержены были съ положительною или отрицательною зависимоściąю.

Мы выше сказали, что духъ, для достиженія своихъ намѣреній, можетъ употреблять средства, которыя онъ устрояетъ къ произведенію оныхъ въ дѣйство, и къ употребленію которыхъ побуждается онъ желаніемъ своего предмета. Однакожъ при семъ должно примѣчать то, что кромѣ такихъ средствъ, есть еще другой родъ вспомогательныхъ причинъ, которыхъ хотящій духъ не самъ приготавливаетъ, но которыя посредствомъ устроеннаго Богомъ порядка вещей, сами собою, и не будучи отнюдъ предварительно къ тому приготовлены, соединяются съ его дѣяніями, да и которыхъ вспоможеніе или воспрепятствованіе отнюдъ не можетъ быть подвержено его власти. На пр. Когда мы скоро идемъ, или всходимъ на лѣсницу, то пульсъ начинаетъ биться скорѣе. Таковыя содѣйствующія причины, которыя безъ приуготовленія соединяются съ нашими дѣйствіями, могутъ либо онымъ пособлять, либо препятствовать, либо до нихъ совсѣмъ не касаться. Однако должно остерегаться, чтобъ по причинѣ вспоможенія оныхъ, не смѣшивать ихъ съ средствами. Ибо они не суть сред-

ства какъ по происхожденію, такъ и по дѣятельности своей, хотя узнавши ихъ, и можно поступать по нимъ, и соображаясь съ ними, можно выгодное расположеніе другихъ обстоятельствъ сдѣлать средствомъ.

Когда мы хотя мало вникнемъ во всеобщую сущность воли, то разумъ откроетъ намъ премногія, какія только суть возможны, различія, которыя можетъ Богъ сдѣлать въ расположеніи воли своихъ тварей. Богу угодно было волю конечныхъ духовъ такъ расположить, чтобъ они не всѣхъ по себѣ возможныхъ предметовъ хотѣть могли. Мы видимъ на пр. что нѣкоторый родъ безсловесныхъ лучше умретъ съ голоду, нежели станеть ѣсть кормъ обыкновенно употребляемой другимъ; да мы и сами ко многимъ вещамъ имѣемъ нестерпимое омерзѣніе, къ которымъ другія животныя столькожъ сильную имѣютъ жадность. Также воля духовъ можетъ имѣть такое свойство, чтобъ многихъ предметовъ необходимо хотѣть либо всегда, либо подъ нѣкоими условіями. Наконецъ можетъ она быть такого состоянія, что, ежели духъ того или другаго сильно желаетъ: то сіе не иначе быть можетъ, какъ производя вмѣстѣ и другія нѣкоторыя дѣйствія,

не

не принадлежащія къ настоящей его цѣ-
ли. Когда мы на пр. тонко о чемъ раз-
мышляемъ, то въ мозгѣ жизненные ду-
хи приводимъ вмѣстѣ въ сильное дви-
женіе, и части лица нашего представля-
емъ со всѣмъ въ другомъ положеніи. Да
и въ большей почти части приключеній
нашихъ внутреннія движенія души про-
изводятъ такія внѣшнія переменны, что
изъ нихъ можно тотчасъ узнать и о
первыхъ, и догадаться, что у кого на
сердцѣ.

Сверхъ того въ конечной волѣ воз-
можны также и различныя степени
стремительности воли. Можно также
думать, что внѣшнія или внутреннія
причины могутъ возбуждать и умно-
жать степень хотѣнія, равно какъ въ
противномъ случаѣ ослаблять и ума-
лять. Можно быть еще и такого мнѣ-
нія, что многія души, могущія обла-
дать совершенствомъ, въ то самое время,
и при тѣхъ обстоятельствевахъ, когда
онѣ чегонибудь хотѣли, могли бы,
отмѣнивъ хотѣніе, склонить волю свою
къ чемунибудь другому. Мы говоримъ,
таковая сила по представленію нашему
кажется быть возможною; ибо, если
съ точностію будемъ разсуждать, то
всегда примѣнимъ, что понятія, въ
ней полагаемыя нами, ни мало другъ
34 другу

другу не противорѣчатъ, чего и довольно уже для утверженія, что Божескому всемогуществу возможно и въ самомъ дѣлѣ сотворить такую, хотя въ родѣ и образѣ (какъ то бываетъ съ ихъ дѣянїями) должно еще всегда оставаться нѣчто непоспимое, чему также со всѣмъ удивляться не надобно. Наконецъ не неприлично еще и се подумать, что можетъ быть изъ одного хотѣнїя рождаются какое нибудь другое, или и многія. По чему мы должны примѣчать, какимъ обстоятельствомъ приведенныя нами возможные случаи могутъ допущены быть въ человѣческой волѣ, съ которою мы здѣсь собственно имѣемъ дѣло. Се должно доказательствомъ, заимствованнымъ отъ разума, вывести изъ того, что посредствомъ опытовъ усматриваемъ мы въ человѣческой волѣ.

То хотѣнїе, которое мы при самыхъ тѣхъ же обстоятельствахъ отмѣнить, или къ другому чему устремить можемъ, называется *свободное хотѣнїе*, а сила производящая оное, *свободою*. То употребленїе свободы при встрѣчающемся какомъ нибудь случаѣ, посредствомъ котораго мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ, называется *предпрїятїе* или *намѣренїе*. Намѣренїе къ чему нибудь такому, что еще въ будущее время

мя случиться должно, и что еще не исполняется на самомъ дѣлѣ, называется *намѣреніемъ непроизводимымъ пѣ дѣйствію* (ein ruhender Entschluß, decretum immanens) самоежѣ дѣйствительное онаго исполненіе именуется *дѣятельнымъ* (ein wirksamer Entschluß, decretum transiens).

Такое хотѣніе, которое и безъ намѣренія продолжается постоянно, называется *побужденіемъ* или *желаніемъ*; почему находятся желательныя и отвратительныя побужденія. А повеже съ совершенно одинакою силою и дѣйствіемъ, и съ совершенно одинакимъ предпріятіемъ не можно ничего вмѣстѣ хотѣть и не хотѣть, ибо въ противномъ случаѣ долженствовалобѣ хотѣніе вмѣстѣ бытъ и не бытъ; по слѣдуетъ изъ каждаго хотѣнія, происходитъ ли оно свободно, или отъ единого желанія только, и иначе, какъ необходимо принадлежное обстоятельство, что мы того не хотимъ, что противорѣчитъ нашему хотѣнію, или дѣлаетъ его невозможнымъ, и слѣдовательно заставляетъ насъ его отвращаться, какъ сіе въ своемъ мѣстѣ пространнѣе объяснено бытъ можетъ. Должно однако знать, что мы противнаго нашему хотѣнію не можемъ хотѣть только до тѣхъ поръ, пока происходитъ дѣйствитель-

ное прошиворѣчіе. Побужденіе существенно принадлежащее духу, и не бывающее слѣдствіемъ или обстоятельствомъ другаго, называется въ тѣсномъ смыслѣ *главнымъ побужденіемъ*, или *главнымъ желаніемъ*. Почему всѣ прочія желанія должны быть либо только *существенными слѣдствіями* и *обстоятельствами* *главныхъ побужденій*, или они не что иное суть, какъ случайныя желанія, должествующія отъ главныхъ побужденій родиться, токмо подъ нѣкоторыми условіями. Того ради и постоянство ихъ продолженія должно разумѣть подъ нѣкоторыми только условіями.

То состояніе души нашей, въ которомъ мы находимся по исполненіи нашего желанія, называется *пріятнымъ*, и которое, когда одобрено бываетъ внутреннимъ нашимъ удостовѣреніемъ, называется *удопольствіемъ*. Противоположенное тому вообще называется *непріятнымъ*, и когда мы оное представляемъ себѣ какъ бы нѣчто такое, которое спрадательно происходитъ въ *хотящемъ духѣ*, то называется оно *сердечною болѣзнію*. Такъ какъ состояніе, происходящее отъ того, когда мы вмѣстѣ сами въ себѣ чувствуемъ неудовлетвореніе нашего желанія, называется *скухою*: а когда оное хотѣніе перемѣнится въ

ощу-

ощупительную степень дѣйствительнаго желанія: то состояніе, происходящее отъ чувствованія нашего въ самихъ себѣ, что ему дѣлается вопреки, называется *неудопольстіемъ* и *нрапстпенною болѣзнію*. Что понятіе, показующее происхожденіе удовольствія и неудовольствія, коихъ понятія сами по себѣ нерѣшимы, есть истинно, то можно разумѣть изъ слѣдующаго. Опытъ научаетъ насъ, что когда мы прежде чувствовали къ какой нибудь вещи желаніе или отъ нея отвращенія, то, при событіи ея, въ первомъ случаѣ раждается *удопольстіе*, а въ другомъ *неудопольстіе*. Напротивъ того также и въ такомъ случаѣ, гдѣ мы со всѣмъ не знаемъ, чтобъ мы прежде какой нибудь вещи желали, или отвращались отъ нея, примѣчаемъ, что, говоря, то или другое дѣлаетъ намъ удовольствіе, находимся въ такомъ состояніи, что чувствуемъ что нибудь съ желаніемъ и впредь подобное сему чувствовать. А когда намъ причиняетъ что нибудь неудовольствіе, то находимся мы въ такомъ состояніи, что чувствуемъ что нибудь съ желаніемъ болѣе не чувствовать подобнаго. Такимъ образомъ изъ сего ясно видѣть можно согласованіе и несходство съ тѣмъ, чего мы желаемъ. Напротивъ того вѣрно положить можно,

что

что удовольствія и неудовольствія есть не иная какая причина, какъ отношеніе вещи къ *пользѣ духа*. Ибо еслии кто скажетъ, что удовольствіе есть представленіе себѣ совершенства: то сіе противорѣчитъ внутреннему чувствованію, которое научаетъ насъ, что удовольствіе есть иѣчто болѣе, нежели единое только представленіе. Еслии жъ утверждать, будпо бы представленіе совершенства производитъ удовольствіе такимъ образомъ, что есть онаго единственнымъ и по себѣ довольнымъ основаніемъ: то заключалось бы болѣе въ дѣйстви, нежели въ причинѣ. Ибо одно понятіе безъ прибавленія новой причины, не можетъ само по себѣ быть болѣе, какъ только причиною къ другому понятію. По чему изъ всего сего правильно можно заключить, что всякое удовольствіе и неудовольствіе происходитъ изъ согласованія и несогласованія съ нашими желаніями, хотя и не всегда познаваемъ предыдущія желанія, и хотя во многихъ случаяхъ открываются весьма великія затрудненія при изыскиваніи желаній, содержащихъ въ себѣ основаніе удовольствія. По чему предметы нашихъ желаній, когда мы ощущаемъ ихъ присутствіе, производятъ въ насъ удовольствіе и безъ нашего намѣре-

ренія, да и часто вопреки оному. Когда находясь въ насъ многоразличныя желанія, равнствующія между собою по внутреннему своему качеству и дѣйствию; то должно находиться также и многимъ родамъ удовольствія и неудовольствія, такъ какъ различнымъ оныхъ чувствованіямъ; чему также научаемся мы опытомъ. По чему изъ показанія того, въ чемъ состоитъ пріятность или непріятность, можно заключить и о предыдущемъ желаніи. Можетъ быть здѣсь кто нибудь спроситъ, не способны ли и безсловесныя животныя къ чувствованію удовольствія и неудовольствія? Понеже мы требовали познанія обоихъ, то и не можемъ допустить сего. Ибо нѣтъ никакой причины думать, что животныя имѣютъ свѣдѣніе о себѣ самихъ, или о томъ, что въ нихъ происходитъ; ибо не видно въ нихъ никакихъ слѣдовъ къ тому, и всѣ ихъ дѣйствія бывають изъ внѣшняго чувствованія, памяти, воображенія и нѣкоторыхъ побужденій. Почему, естли не смотря на сіе, приписывать имъ познаніе: то сіе учинено будетъ для пользы малой причины, для какой прежде сего земной шаръ почитали имѣющимъ въ себѣ душу; хотя можно доказать, что перемѣны на немъ, и безъ принятія души въ немъ, суть возможны, поелику

въ естественной наукѣ ни какихъ силъ
 попустому и безъ всякой въ нихъ
 нужды принимать не можемъ. Ибо
 сколько извѣстно, то чувствованія
 и всѣ вообще представленія въ живот-
 ныхъ либо согласуются съ ихъ побуж-
 деніями, либо прошивоборствуютъ имъ.
 Чрезъ что оныя и располагаются къ дѣ-
 ламъ, смотря по своимъ свойствамъ.
 А понеже сіи наружныя дѣйствія живот-
 ныхъ согласуются большею частію съ
 тѣмъ, что люди дѣлаютъ съ разсуж-
 деніемъ, и что въ нихъ показываетъ
 удовольствіе или неудовольствіе: то
 легко иной склонится къ тому, чтобъ
 приписывать и имъ подобное внутрен-
 нее души состояніе, каковое въ насъ обрѣ-
 тается. Того ради естли мы хотимъ
 знаменованіе удовольствія и неудоволь-
 ствія распространить, и приписывать
 ихъ также и безсловеснымъ: то не дол-
 жно выпускать изъ памяти теперь
 лишь приведенное различіе между чело-
 вѣческою и скотскою скукою и недо-
 вольствіемъ. Могутъ и другіе многіе
 открытыя случаи, гдѣ мы равнымъ
 образомъ можемъ употребить сдѣланное
 нами примѣчаніе. Въ Богѣ не можно до-
 пускать болѣе, какъ одно дѣйствитель-
 ное удовольствіе и одно неудовольствіе;
 но отнюдѣ не таковую скуку и омер-
 зніе,

вѣнне, каковыя вѣ насѣ происходятъ
страдательнo.

Что согласно съ волею духа, то называется *добромъ*, равно какъ то, что противоборствуетъ оной, именуется *зломъ*. Почему доброта вещей состоитъ вѣ такомъ же отношеніи ихъ къ волѣ, коею онѣ между собою сравниваются, вѣ какомъ находится истинна къ разуму. Когда мы напротивъ того называемъ *добромъ* то, что служитъ къ совершенству; то неоспоримо, что сіе какъ потому дѣлаемъ, что разумные духи вообще вѣ себѣ и вѣ другихъ вещахъ желаютъ совершенства, и поколику они желаютъ онаго, ибо вѣ противномъ случаѣ не было бы отнюдь никакой причины, для чего не назвать несовершенства добромъ, такъ и потому, что многія вещи по той причинѣ споспѣшествуютъ совершенству духовъ, что онѣ для нихъ добры, то есть, что онѣ служатъ къ исполненію ихъ желаній. Совершенство вещи состоитъ только вѣ отношеніи къ дѣйствованіямъ, къ которымъ она должна быть способна; а чѣмъ она способнѣе къ онымъ, тѣмъ и совершеннѣе. Почему доброта и совершенство не совѣмъ между собою одинаковы. Сдѣланное нами понятіе о *добрѣ* удобно можно приравнять и къ извѣстнымъ у философвѣ родамъ

родамъ добра. Ибо поколику что ни-
 есть находится согласнымъ съ есте-
 ственными намѣреніями божескими, то
 есть, поколику оное находится способ-
 нымъ къ тѣмъ дѣйствованіямъ, которыя
 Богъ чрезъ дарованное ему существо
 благоволилъ сдѣлать возможными: по-
 толику оно есть *добро Метафизическое*.
 Естьли что нибудь согласуется съ во-
 лею тварей, то называется *добромъ Фи-
 зическимъ*. Слѣдственно естьли тварь
 имѣетъ сама отъ себя волю, въ такомъ
 случаѣ называется для нея добромъ то,
 что служитъ къ исполненію оной;
 напротивъ того, хотя тварь сама отъ
 себя и не имѣетъ воли; однакожъ слу-
 жащее къ ея совершенству, называется
 для нея добромъ, потому что мы въ семъ
 обыкновенно желаемъ видѣть совершен-
 ство, изъ чего явствуетъ, что вещь полу-
 чаетъ себѣ оцѣнку относительно къ во-
 лѣ тварей, и называется добромъ по при-
 чинѣ согласованія съ нею. *Нравственное жъ
 добро* есть то, которое соотвѣтствуетъ
 нравственнымъ намѣреніямъ Божескимъ,
 то есть, такимъ, каковыя намѣренъ
 Богъ исполнить посредствомъ разума
 и свободной воли сотворенныхъ духовъ,
 или что все равно, которое согласно съ
 его законами. Изъ всѣхъ сихъ примѣ-
 ровъ видѣть можно, что мы о вещи
 все-

всегда судимъ, соображая ее съ *полею*, и по отношенію ея къ оной, называемъ доброю или худою.

По сему жъ самому легко можно различить истинное Физическое добро отъ мечтательнаго. То есть, когда что нибудь хотя и соотвѣтствуетъ сперва хотѣнію нашему, но послѣ того влечетъ за собою такія слѣдствія, чрезъ которыя хотѣнію нашему столько же, или еще и болѣе дѣлается помѣхи, нежели сколько можемъ выдержать согласованіе, которое до того имѣла вещь съ нашею волею: то изъ сего легко можно заключить, что вещь въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого истиннаго согласія съ волею нашею, хотя мы въ помѣ и увѣрены были; почему таковое добро и называется *мечтательнымъ*. И такъ когда мы хотимъ судить объ истиннѣ согласованія, то прежде всего должны примѣчать всѣ сходства и несходства съ волею. И еслили, по измѣреніи всѣхъ сходственныхъ и несходственныхъ съ волею дѣйствій вещи, найдемъ, что больше съ одной стороны сходства, нежели несходства съ другой: то она есть истинное добро Физическое, хотя бы и причинила намъ на нѣсколько времени затрудненія и неудовольствія.

Напротивъ того для опредѣленія существа человѣческой воли не довольно еще будетъ , когда только скажемъ , что она есть сила хотѣть всегда добра. Ибо *Физическое добро* называется только потому таковымъ , что мы хопимъ онаго. *Нрапстпеннаго жь* добра хопимъ мы не по необходимости , но только должныствуемъ желать онаго дабы чрезъ то сообразоваться съ намѣреніемъ Божескимъ. И такъ , по руководству до селѣ нами сказаннаго о добрѣ , легко можно разобрать и роды зла ; чего ради мы и не намѣрены говорить объ нихъ въ особливости.

II.

Разсужденіе о благости Божіей , пышеднное изъ разсужденія о добрѣ чело-вѣческой.

Доброта есть сродное разумному существу расположеніе употреблять всѣ свои силы къ учиненію разумныхъ существъ благополучными столько , сколько они по своей природѣ , состоянію , отношеніямъ и концу быть могутъ.

Какъ мы одарены общимъ чувствомъ , не попускающимъ намъ взирать равнодушно

душно на сходственность нравственных или чувственных существъ, такъ какъ и несходственность ихъ состоянія и движеній съ пѣмъ, чему должно послѣдовать изъ правилъ порядка, основанныхъ на ихъ состояніи, отношеніи и ихъ опредѣленіи: по все, означенное сею сходственностію, намъ нравится; противное же ей, причиняетъ отвращеніе.

Какъ скоро при неиспорченной еще нашей природѣ мы свѣдаемъ, что страждущее существо есть разумное: по его несчастіе, болѣзни и неудовольствіе насъ беспокоятъ; напротивъ того утѣшаемся, видя его благополучіе, радость и довольство. Внутреннее побужденіе старается о самихъ себѣ, которое придаетъ силъ дѣйствительности, часто простывающей при одномъ общемъ чувствѣ, вторично отражаетъ чувствованіе печалей и удовольствій существъ, на которыхъ усматриваемъ мы знаки оныхъ, и содѣлываетъ доброту нашу дѣятельнѣе; движеніе крови волнуемое воображеніемъ умножая силу, которую разсужденіе нашего разума должно имѣть на наши движенія и наши произвольныя рѣшимости, располагаетъ насъ къ оказанію нашей доброты.

Не надобно смѣшивать въ семъ случаѣ доброты съ простымъ состраданіемъ, которое не что иное есть, какъ безпокойство, причиняемое намъ при возрѣніи на досады существа спраждающаго и изображающаго свою скорбь въ нашемъ присутствіи; состраданіе есть часто страсть произвольная и механическая; *доброта* есть расположеніе произвольное и разумомъ управляемое.

Не надобно смѣшивать *доброты* съ дружествомъ и пріязнію къ нашимъ ближнимъ, нашимъ соотчичамъ, нашимъ знакомцамъ; сіи страсти ограничиваются въ которыхыи особами, и не далѣе простираются. *Доброта* же простирается ко всѣмъ разумнымъ существамъ присутствующимъ или отсутствующимъ, знаемымъ или незнаемымъ; она даже объемлетъ и будущія существа; она хочетъ, чтобы величайшее возможное блаженство было участію всѣхъ могущихъ быть благополучными. Довольно быть расположенну ко вмѣщенію благополучія, какъ уже *доброта* желаетъ сдѣлать точнымъ сіе счастье. *Доброта* не токмо никакому существу не причиняетъ зла; но она желаетъ всѣмъ благополучія, дѣйствуетъ для доставленія онаго, и предѣлы ея дѣйства въ семъ случаѣ ограничиваются одними

ПОКМО

шкмо ея силами. Не дѣлать всякаго
возможнаго добра, есть шкмо частію
быть добрымъ; а доброта не есть
спрасть, и безразсудная мѣру преходя-
щая склонность; но паче она есть упра-
вляемое разумомъ расположеніе, осно-
ванное на общемъ смыслѣ пристойно-
сти, на любви порядка и совершенства.
Почему имѣющее доброту существо не
станетъ необходимо жертвовать сво-
имъ собственнымъ счастіемъ благопо-
лучію одного какого нибудь существа;
но оно, когда не въ силахъ сдѣлать
всѣхъ благополучными, предпочтетъ
благополучіе большаго числа меньшему;
доброта предпочтетъ благополучіе до-
стойнѣйшихъ существъ благополучію
недостойнѣйшихъ.

Доброта, управляемая премудростію,
желаетъ блаженства всякому существу
соразмѣрнаго; употребляетъ одни шк-
мо сходственные съ естественнымъ по-
рядкомъ средства, для доставленія
онаго; вѣдая, что совершенство есть
источникъ счастья, она поведетъ суще-
ства къ благополучію путемъ, предпи-
сываемымъ правилами порядка; она,
спараясь учинить ихъ благополучными,
будетъ прилагать попеченіе сдѣлать
ихъ совершенными; она для сего упо-
требитъ самыя дѣйствительнѣйшія и

самыя ближайшія средства къ удовлетворенію тѣхъ, которыхъ намъ бредаетъ она учинить счастливыми.

Можно разсуждать о добротѣ двумя образами, т. е. по ея началамъ и ея дѣйствіямъ. По ея началамъ она есть желаніе, сообщать разумнымъ существамъ благополучіе такое, какое они могутъ вмѣстить; почему и предполагаетъ она познаніе ихъ природы, отношеній, состоянія, ихъ опредѣленія и средствъ нужныхъ къ содѣланію ихъ благополучными. По ея дѣйствіямъ она есть послѣдствіе дѣяній, способныхъ къ изсушенію источника золъ, къ прекращенію досадъ, и къ доставленію удовольствія; и такъ доброта предполагаетъ усмотреніе, познанія и силы. Безъ усмотренія доброта не существуетъ; безъ познаній она есть слѣпа, и можетъ обмануться въ выборѣ средствъ, безъ коихъ она немошна и недействительна. Божія *благость* безпредѣльна въ каждомъ изъ сихъ средствъ; но человѣческая доброта всегда ограничена въ усмотреніи; зависть, гордость, мщеніе и предубѣжденія препятствуютъ намъ желать всѣмъ благополучія. Въ познаніяхъ наши предразсужденія, навикъ, невѣжество, часто бываютъ причиною тому, что мы не правильно судимъ о томъ, что можетъ учи-

учинить благополучными предметы нашей доброты; часто она слѣдствіемъ нашихъ заблужденій бываетъ сколько вредна, сколько и самый величайшій гнѣвъ. Въ нашихъ силахъ и нашей природѣ она не менѣе также ограничена; мы мало можемъ, и сія малость имѣетъ самыя шѣсныя предѣлы. Доброта нравственная въ разумныхъ существахъ есть расположеніе предпочитать всегда добродѣтель пороку; что сходно и съ нравственнымъ порядкомъ въ томъ, что насъ отъ порока удаляетъ; въ вещахъ или въ дѣянiяхъ она есть сообразность съ правилами добродѣтельнаго и честнаго человѣка.

Истинная доброта всегда согласна съ порядкомъ, пристойностію, добродѣтелию, честностію, должностію; какъ же скоро удаляется отъ оныхъ, то не бываетъ она добродѣтелию разумнаго бытія; но слабостію, склонностію растворенія (*temperamentum*), дѣйствіемъ безчувственности, небреженія, недостаткомъ крѣпости, просвѣщенія и премудрости.

Уразумѣвъ хорошо понятіе *доброты*, можно согласиться, что сія добродѣтель есть всѣхъ совершеннѣе. Ибо ея дѣйствіе состоитъ въ доведеніи существъ къ совершенству, могущихъ оное вмѣ-

щать; она есть похвальнѣе, ибо стремится заставить всякое существо довольствоваться своимъ жребіемъ; она есть полезнѣе, ибо старается учинить всякое существо благополучнымъ; она всѣхъ преславнѣе, ибо она единая паче всего уподобляетъ насъ Богу, строящему вся *благостію*.

Благость божія есть хотѣніе дѣлать всѣхъ чувственныхъ тварей по возможности благополучными, по возможности. Мы говоримъ чувственныхъ тварей; понеже онѣ однѣ сродны къ воспріятію благополучія, и могутъ быть предметами *благости*. Мы говоримъ, всѣхъ чувственныхъ тварей; ибо онѣ могутъ быть менѣе или болѣе благополучными, и быть причастными *благодѣяній* своего Творца. Мы предполагаемъ на конецъ, что *благость божія* не можетъ изливать на нихъ безпредѣльныхъ своихъ *благодѣяній*; 1.) потому что конечная ихъ природа не можетъ вмѣстить, какъ токмо конечная и сходная съ оною благая; 2.) понеже Богъ не можетъ дать имъ иныхъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя не токмо согласны съ ихъ концемъ бытія и съ родомъ совершенства, къ которому они опредѣлены; но еще и съ всеобщимъ концемъ вселенныя, который есть величайшее всеобщее благо всѣхъ чув-

чувственныхъ существъ, принятыхъ вмѣстѣ.

Такова есть природа и конецъ сего міра, что не возможно не быть нѣкоторымъ тварямъ лишеннымъ различныхъ благъ, которыя впрочемъ онѣ могли бы вмѣстить, или не былибъ подвержены нѣкоторому злу, точно не принадлежащему къ ихъ сущности.

Естьли премудрость Божія состоитъ въ томъ, что онѣ превосходнѣйшій изъ всѣхъ предположилъ конецъ относительно къ сему міру, и что онѣ употребляетъ лучшія и самыя ближайшія средства для сего конца: то изъ сказаннаго явствуетъ, что благость его есть не что иное, какъ самая премудрость, естьли разсуждать объ оной при употребленіи средствъ.

И такъ благость въ Богѣ есть купно сопряжена съ его премудростію; и мы не можемъ, не противорѣча самимъ себѣ, приписывать Богу благости, которыя бы дѣйствіе не было управляемо премудростію. По сему то благость есть безпредѣльная и всесовершенная; и мы бы непростительно погрѣшали, естьли бы, отвергая безпредѣльность являемую въ ея дѣйствіяхъ, относящихся ко всякому изъ чувственныхъ бытій, приписывали ей одно только совершенство.

Дабы представить себѣ нѣкое понятіе о высочайшемъ совершенствѣ *благости* Божіей, то надобно сравнить оную съ *добротою* человѣческою. Въ человѣкѣ могуществъ гораздо ограниченнѣе и самаго разумѣнія; онъ не можетъ своихъ *благодѣяній* распроспранять, кромѣ на не многое число его окружающихъ; но Богъ силенъ изливать свое милосердіе на всѣ творенія; да и въ самомъ дѣлѣ онъ его изливаетъ, поелику всѣ безъ изъятія входятъ въ чертежъ, соотвѣтствующій всеобщему концу вселенныя.

Человѣкѣ не можетъ благотворить безъ помощи нѣкоторыхъ средствъ, часто не отъ него зависящихъ; часто находитъ онъ внутри и внѣ себя тысящныя препоны, мѣшающія ему въ его намѣреніи благотворить. Но *благость* Божія хотя и употребляетъ тварей вмѣсто средствъ для *благодѣтельствованія* другимъ, послѣдуя законамъ зависимости поставленнымъ между оными: однакожъ дѣятельность сея *благости* есть совершенно независима отъ оныхъ. Верховная строительница самой себя и своего милосердія, какъ совершенно была свободна при сотвореніи оныхъ, такъ не менѣе и при распредѣленіи, чинимомъ ею въ своихъ *благодѣяніяхъ*.

Дѣйствія *благости* вѣ человѣкѣ весьма ограничены, но благодареніями Божіими вселенная наполнена, и безпрестанно оными исполняется. Сотвореніе, сохраненіе, смотреніе, тѣло одаренное органами и превосходными чувствами, тысячныя предметы, къ насыщенію ихъ служащія, чистѣйшія удовольствія сопряженныя съ такимъ умѣреннымъ упражненіемъ, какова взыскиваетъ ихъ сохраненіе, наконецъ все то, что можетъ быть необходимымъ вѣ нуждахъ разумнымъ существамъ, все то, что можетъ споспѣшествовать ихъ пріятностямъ, *благость Божія* непрестанно изливаетъ на нихъ вѣ величайшемъ обиліи. Человѣкѣ, естли мы разсуждаемъ о немъ, какъ о чувствennomъ бытіи, есть первый предметъ его милостей. Не довольно было расположить его къ благополучію, но *благость Божія* вложила внутрь и внѣ онаго толико источниковъ удовольствія, колико находится предметовъ его окружающихъ, и коликими она одарила его органами и разными способностями для наслажденія оными. Кажется, что она хотѣла заключить вѣ немъ вся благая, даруя ему власть располагать для своихъ нуждъ и удовольствій всѣми его окружающими тварями. Естли же мы при-

нимаемъ челоѵка, какъ разумное бытіе, то онъ получилъ отъ сея самыя *благости* дары возвышающіе его несравненно выше всѣхъ чувственныхъ бытій. Разумніе, воля, дѣятельность, свобода, склонности, дающія ему чувствовати пріятности всѣхъ красотъ, благъ, добродѣтели, удовольствія вкушаемаго въ общежитіи, такъ какъ религіи, подающей ему силу шрудиться для своего совершенства, быти дѣлаемъ своего собственнаго блаженства, и удостоѵриться о славномъ безсмертіи; сими по преимуществами *благость Божія* при сотвореніи челоѵка опличила, и онъ по сущь безпрестанными предметами ея великихъ и неупомимыхъ попеченій! Все, что можетъ украсить его духъ, образовать его сердце и внушитъ вкусъ къ истинному добру, все, что можетъ служить его душѣ къ сохраненію внутренняго спокойствія, и къ питанію его утѣшительными надеждами, все сіе *благость Божія* вліяла въ челоѵка, никогда не отвергая его и не оставляя ни на минути своего о немъ смотренія.

Напослѣдокъ величайшее совершенство оныя состоитъ въ томъ, что всѣ ея дѣянія преисполнены крайнимъ милосердіемъ. Богъ самъ собою бо-
гатъ

гатѢ и въ высочайшемѢ степени блаженѢ;
 по чему и не находится при благодѣянї-
 яхѢ его никакого попеченїа о себѢ самомѢ.
 Благость его, не пребующая ничьей другой
 помощи, дѣйствуетѢ по собственному
 своему движенїю и собственному концу.
 Кажется можно сказать, что всѢ Божїа
 совершенства, въ разсужденїи внѣшнихѢ
 дѣйствѢ, при дѣйствованїи *сея благодати*
 оканчиваются. Безконечное свое всевѣдѣ-
 нїе употребляетѢ онѢ токмо ради опре-
 дѣленїа отношенїй своихѢ благодѣяній
 къ нуждамѢ его тварей. Безпредѣльное
 его могущество служитѢ къ изліянїю
 на нихѢ своихѢ благодѣяній. Неизмѣри-
 мая его премудрость занимается един-
 ственнымѢ смотренїемѢ, изливая на
 нихѢ оныя по достоинству, споспѣше-
 ствовать великому концу вселенныя. Свя-
 тость его и правда, уздою закона и вѣч-
 наго наказанїа неослабимо удерживаю-
 щїя нравственный порядокѢ, исполняемы
 бывающѢ токмо для вящшаго блага
 разумныхѢ существѢ. И такѢ въ БогѢ
 нѣтъ ни одного такого совершенства,
 которое бы могло имѣть какое нибудь
 дѣйство безѢ благодати, да и все отно-
 сится къ оной. И самымѢ язычни-
 камѢ сіе Божїе свойство было всѣхѢ
 извѣстнѢе. ПодѢ онымѢ БогѢ явилѢ
 себя своему народу. (исх. гл. 34 ст. 6.

7. псал. 85. ст. 15. псал. 35. ст. 8. (яко умножилъ еси милость твою Боже) псал. 102. ст. 4. пс. 105, 117 и 135 ст. 1. (Испощдайтесь Господеви яко благъ яко пѣ пѣхъ милость его.) псал. 144 ст. 7 Паралип. книг. 1. глав. 16. ст. 34. II книга. гл. 5. ст. 13.) Онѣ нехотѣлъ бытъ познаваемъ отъ христіянѣ, кромѣ Бога благодаши, мира, любви, утѣшенія, милоспи и милосердія: *единъ токмо благъ.* (Матѣ. гл. 19. ст. 17.) Священное писаніе, естли можно такъ сказать, ест не что иное, какъ картина, вторично представляющая глазамъ нашимъ безпредѣльную *благость* Божію, естли мы разсуждаемъ объ оной: *іе.*) *изъ дѣлъ* тпоренія. псал 135. 2е.) *изъ* благотпореній его и промысла о псѣхъ одушевленныхъ и вездушныхъ тпаряхъ (псал. 144 ст. 15. и 16.) а паче псего, о челопѣкѣ. (псал. 35 ст. 8. 9. дѣяній гл. 14. ст. 17.) и до перпыхъ къ пѣрнымъ. (псал. 102. ст. 11. 13. псал. 144. ст. 18. 20.) не исключая притомъ *нечестивыхъ* и *злыхъ*; (Матѣ. V. 45) наконецъ *зе*) *изъ* распрѣдѣленія его чудотпорнаго промысла, ознаменованнаго подѣ именемъ *искупленія* (Іоанн. III. 17. къ Римл. V. 8. къ Ефес. II. 4. 5. Іоан. посл. I. гл. 4. ст. 16.)

Мы за нужное почитаемъ сказать тѣмъ, которые дерзаютъ отвергать *благость*

благость божію по той причинѣ, что онѣ не предохранилѣ челозѣка отѣ всякаго зла, что они весьма ребяческое дѣлаютѣ себѣ понятіе о божіей благости; ибо они поспавляютѣ ее вѣ безпредѣльномѣ благотвореніи, ни мало не взирая на то, чего пребуетѣ премудрость, дабы они хотя единожды помыслили здраво, что вѣ Богѣ премудрость и благость дѣйствуютѣ всегда согласно для избранія самыхѣ лучшихѣ возможныхѣ концовѣ и средствѣ самыхѣ ближайшихѣ. Отходя отѣ сего начала мы просимѣ доказать намѣ, находяшѣ ли они что прошивное правиламѣ твердо рѣшающимѣ дѣйствіе премудрости и благости божіей вѣ смѣшеніи добра со зломѣ, распворяющимѣ челозѣческую жизнь? Паче всего просимѣ удостовѣрить насѣ вѣ томѣ, что частное зло вѣ предопредѣленіи божіемѣ не можетѣ сопряжено бытъ со всеобщимѣ добромѣ; что настоящее зло не можетѣ бытъ средствомѣ къ полученію величайшаго будущаго блага; что распредѣленіе премудрости божіей при предѣлѣ, отѣ котораго оно исходитѣ, должно бытъ точно такое, какое, и при томѣ предѣлѣ, къ которому достигнуть оно намѣрено; на послѣдокѣ, что состояніе совершенства, сохраненное для челозѣка, вѣ которомѣ надлежитѣ

житѣ ему наслаждаться всѣми благими и всѣми ему сродными удовольствіями во всемъ ихъ пространствѣ и въ самой высочайшей степени, въ которой они должны быть таковыми для него, не можетъ быть преслѣдуемо состояніемъ, въ которомъ онъ бываетъ подверженъ досадамъ, болѣзнямъ, несчастіямъ, для полученія того чувствованія, котораго единая сила можетъ учинить его способнымъ ко пріятію истиннаго блаженства.

Мы заключаемъ, сіе разсужденіе слѣдующимъ размышленіемъ. Отдѣляя отъ понятія Бога понятіе *благости*, мы не усматриваемъ ничего, чшобы могло намъ удовлетворить въ предметѣ оною представляемомъ.

Мы еще не постигаемъ ничего, кромѣ существа, котораго всевѣдѣніе насъ поглощаетъ, могущество уничтожаетъ, вѣчность и неизмѣримость мянутъ, святость и правда устрашаютъ, и котораго величество внушаетъ намъ почитаніе со трепетомъ. Мы не видимъ, кромѣ Бога, *крѣпкаго, страшнаго*. По сопряженіи токмо со всѣмъ симъ понятіемъ безконечной благости, Богъ становится для насъ предметомъ желанія и любви: тогда то мы познаемъ въ немъ Отца достойнаго всего нашего сыновняго почитанія, и со всею довѣренностію бросаемся въ

въ его опеческія обѣянїя. Возможно ли, чтобъ могли находиться такіе изверги рода человѣческаго, которые бы прудились надъ лишенїемъ какъ себя, такъ и другихъ сего толь сладкаго понятїя? О! опымите у насъ бытность, естли по можете вѣрвары! или оставьте насъ наслаждаться сею убѣдительностїю, единственнымъ основанїемъ нашихъ надеждъ!

III.

Т Р И П У Т И, *Ведущіе къ Премудрости.*

I.

Отперженіе чупстпенныхъ чупстпопаній.

Къ бесѣдѣ злыхъ людей во вѣкѣ не прїобщайся,
 Весѣдуй съ собой, собою просвѣщайся;
 Страхися плоть свою безмѣрно насыщашь,
 Ей сластолюбіемъ и пищею угождашъ;
 Разсудкомъ обуздай и чувствїя и очи;
 Умѣренъ сонъ вкушай среди глубокой ночи;
 Уста молчанїемъ полезнымъ загради,
 Во празнословіи забавъ не находи;
 Волнующимъ спрастїямъ подай успокоенье;
 Узнашь себя, имѣй ты скромное раченье.

2.

Проспѣщеніе души.

Прославъ Всевышняго усердіемъ , прославъ ,
 Спасительную пѣснь ко Господу направъ ,
 Да мысль молишвою швол воспламенишся ,
 И спящій духъ твоей души да пробудитъ .
 Не тщетнымъ чтеніемъ свой разумъ просвѣщай ,
 Священныхъ таинствъ ты писаніе читай .
 Со сходнымъ сходное соединишь пошущися ,
 Противное познашь , съ противнымъ научися .
 Духъ разумѣнія тебя да воспламенишь ,
 Съ вниманьемъ примѣчай природы внѣшній видъ .
 И внутреннихъ вещей источникъ зри не ложно ,
 Трудомъ , тщаніемъ проникнушь въ нихъ возмо-
 (жно .

Лучемъ Премудрости всѣ виды озаряй .
 Гряди за нею въ слѣдъ ; по Слову поступай ,
 По Слову Божию отъ вѣкъ несотворенну ,
 Но въ человѣчество плотское претворенну .
 Худое , ложное отторгни отъ себя ,
 Добро и истинна да вразумяшъ тебя .

3.

Соединеніе духа.

Отъ тщетностей мірскихъ всечасно ограждайся ,
 Упрямой волѣ ты своей не покоряйся ,
 Изыди изъ себя , бесѣдуй со Христомъ ;
 Съ нимъ буди примиренъ , ищи блаженства въ
 (номъ ;

Даромъ щедрыя природы усладися ,
 Очисти самъ себя , спокойствомъ огради .

Отъ

Отъ ви́шнихъ чувспвенныхъ ты видовъ оидѣ-
 (лись,
 Со духомъ истинны вздыхая съединись.
 Свяшаго Духа даръ призвати предприемли.
 Гласъ вѣры и любви съ повиновеньемъ внемли.
 То слово истинны, что свѣше намъ дано,
 Вопечашлѣнно въ насъ, вліянно бытъ должно.
 Любовью чистою ко Богу пригвождайся;
 Въ бѣдахъ и счастіи къ нему лишь обращайся,
 Удобна времени къ тому не избирай,
 Вездѣ и завсегда ко Господу зывай;
 Со Богомъ ушверди свое ты еообщенье,
 Съ нимъ духомъ съединясь, являй уничтоженье
 Ко прелестямъ мірскимъ; всѣ презри суемы;
 Не прилѣпляйся днесъ ко тварямъ духомъ ты.

Коль къ заповѣдямъ симъ ты смершный обра-
 (тишься,

И запрещенное творити устрашишься:
 Ты мудръ, боголюбивъ пребудешь въ вѣки вѣкъ,
 Изъ тысящъ тысящей избранной челоуѣкъ;
 Непоспѣжимое ты благо испытаешь
 Премудростью Творца, благую часть познаешь;
 Безъ помощижъ сего всещедрого Творца,
 Въ трудахъ пріобрѣсти не можешь ты вѣнца.

IV.

АРИСТИДЪ

*на Маравонскомъ сраженіи, или истин-
 ный Патріотъ.*

Когда Аѳины, освободившись отъ сво-
 ихъ Тиранновъ чрезъ десятилѣшнее ихъ

изгнаніе, старались о благодѣи и исправленіи обычаевъ: то Персы принудили народъ Аѳинской испытать шѣ Философическія наставленія, которыя онѣ предуготовлялъ свѣту. Демисъ, начальствуя вмѣсто Дарія, опустошалъ Аттику, и подѣ видомъ мщенія за уничтоженіе Персидскаго имени опѣ Аѳинянѣ на развалинахъ Сардскихъ, помышлялъ о покореніи Греціи. Земля оставленная и увядшая въ рукахъ дикихъ варваровъ воспріяла паки свое плодоносіе и прелести пшаніемъ Грековъ. Озлащенные поля, луга опзывавшіяся ревомъ пасомыхъ стадъ, радость благоденствующаго народа, и плодъ художествъ возбудили ревность въ Сузѣ, и привлекли пять сотъ тысячъ ратниковъ на мараѳонскія долины. Аѳины, не числившія никогда своихъ воиновъ, прошиву сей страшной силы выставляють двенадцать тысячъ мужей, мужество Милтіадово и благоразуміе Аристидово. Сіи два начальника имѣли у себя другихъ восемь сообщниковъ, которымъ вручено было правленіе войска во время сего похода. Честь начальства, а можетъ быть и ревность къ отечеству, начинала разстроивать ихъ и не допускала къ оказанію полезныхъ услугъ своихъ оному. Тогда Аристидъ обратившись къ нимъ началъ го-

ворить: „Аѳиняне! что мы дѣлаемъ?
 „Предадимся опасностямъ кѣ снисканію
 „себѣ славы; примемъ средства кѣ успѣ-
 „ху! кровь воина, проливаемая за госу-
 „дарство, не толикожѣ ли почтенна,
 „какѣ и руки направляющей его удары?
 „Когда дѣло идетѣ о побѣдѣ, чтобѣ
 „не потерять вольности, честь въ по-
 „бѣдѣ, усиліяхѣ, или кончинѣ. Мы всѣ
 „имѣемъ столько мужества, что можемъ
 „пренебречь смерть; но толиколь мы ос-
 „порожны, что не подвергнемъ опасности
 „дни наши, когда должно? Помыслимѣ,
 „что мы не столько должны стараться
 „пріобрѣсть славу Республикѣ, сколько
 „научить варваровѣ и показать свѣту
 „примѣръ собою. Да начальствуемъ надѣ
 „нами Милшіадѣ: онѣ поступать бу-
 „детѣ по совѣту нашему, равно какѣ
 „воинство по его совѣтамъ: явимъ
 „ему послушаніе; гласѣ равнаго, есть
 „гласѣ брата; гласѣ братства, есть
 „гласѣ природы. Крайность нудитѣ,
 „Аѳиняне! а когда зримъ себя въ край-
 „ности, то умѣть повиноваться, есть
 „повелѣвать. Воинѣ ничего не выигры-
 „ваетѣ переменною начальника, но непри-
 „ятель все выигрываетѣ отѣ слѣдую-
 „щей изѣ того медленности. Милші-
 „адѣ имѣетѣ великія намѣренія; есть-
 „ли онѣ забудетѣ себя, мы готовы бу-

„демъ при самомъ началѣ остановитъ
 „его излишество или злоупотребленіе.
 „Поспѣшимъ, когда счастье и боги намъ
 „не благопріятствуютъ; можетъ быть
 „нѣкогда, изгнаны будучи за каменистыя
 „горы или безплодныя пустыни, съ
 „раскаяніемъ жалѣть будемъ о мину-
 „тахъ, потерянныхъ нами на присвоеніе
 „себѣ славы, которая исчезнетъ мгновен-
 „но, ежели не будетъ уступлена. О Аси-
 „няне! когда непріятельскія стрѣлы дол-
 „жны обагриться нашею кровію, ежели онѣ
 „долженствуютъ лишь оную на нашихъ
 „поляхъ, по крайней мѣрѣ прочіе на-
 „роды не узрятъ насъ скитающихся по
 „безводнымъ пустынямъ; и изгнанныхъ
 „за собственную нашу погрѣшность.
 „Подъ бременемъ узъ убійцъ нашихъ,
 „мы не станемъ носить тягостнѣйшаго
 „еще ига раскаянія. Устремимся, куда
 „долгъ насъ зоветъ; мы прольемъ че-
 „ловѣческую кровь; но мы не возжига-
 „ли пламени войны. Когда Греція и
 „Персія потрясутся и сразятся, когда
 „сей раздоръ губитъ владѣнія на-
 „ши и мяшетъ сосѣдовъ; вѣроломный
 „и жадный Персъ будетъ виною сихъ
 „золъ. О когда бы всѣ неминуемая бѣд-
 „ствія пали на главу его, оправдали бы
 „Грецію и отмстили!,,

Толико полезной совѣтъ былъ всѣмъ принятъ: Милпіадъ принялъ начальство, и Персы разбины. Сей вождь видя, что остатки Персидскаго войска, взошедъ на корабли въ безпорядкѣ, не пошли къ своимъ берегамъ, опасался, чтобъ они не учинили отчаяннаго покушенія къ овладѣнію Аѣинами; для предупрежденія чего онъ возвратился съ одною частію воинства своего, а другую подъ предводительствомъ Аристида оставилъ на Мараѳонскомъ полѣ, для присмотру за плѣнными и охраненія сокровищъ отнятыхъ у побѣжденныхъ.

Сіи времена и сіи мѣста были предшественниками великихъ смятеній: Аристидъ предусмотрѣлъ и предускорилъ оныя соблюденіемъ порядка и собственнымъ примѣромъ. „Когда бы я повелѣвалъ варварами, сказалъ онъ своимъ, я бы столько же спрашился минуты побѣды въ разсужденіи добродѣтели, какъ и минуты сраженія въ разсужденіи мужества: оно звѣрскому нраву служитъ оапромъ звѣрства и сребролюбія, но мы, мы старались токмо защитить себя. Несчастіе рождаеть въ насъ священное соболѣзнованіе даже и о нашихъ утѣснителяхъ; на что намъ презирать ихъ, когда они не могутъ ни мало

I 4

„ намъ

„ намЪ вредить. Милосердіе есть чув-
 „ ствованіе , болѣе всего приличное
 „ природѣ; наши враги вѣ узахъ нашихъ
 „ представляютъ намъ вѣ себѣ боговъ;
 „ и мы за честь себѣ должны поставитъ
 „ бытъ ихъ слугами. Мы ихъ ограбили;
 „ сего требуетъ право войны; право
 „ ужасное! оно было бы толикожѣ под-
 „ ло, какъ и не праведно, естли бы безъ
 „ него возможно было обойтись вѣ удер-
 „ жаніи ихъ. Аѣины спонутъ отъ то-
 „ го, что не могли сохранить порядка,
 „ не приводя вѣ спыдѣ природы. Пока-
 „ жемъ, что мы достойные Аѣинскіе
 „ сограждане. Вмѣсто положенія нашего
 „ отечества на вѣски съ частною коры-
 „ стію, вмѣсто смятенія и изыскиванія
 „ средствъ къ обогащенію себя, вмѣсто
 „ перемѣны дружества на умыслы, и не-
 „ нависти, на мятежи, для полученія
 „ къ тому средствъ, возведемъ руки на-
 „ ши на небо, и принесемъ благодареніе
 „ богамъ подражая имъ вѣ благости и
 „ презрѣніи корысти. Добыча непріятель-
 „ ская есть священной залогъ; станѣ,
 „ святилище. Воины! тѣбѣ извѣявленные
 „ за отечество увизятся ли столько,
 „ чтобъ осквернить себя хищеніемъ пла-
 „ чевныхъ добычъ враговъ побѣжденныхъ
 „ или снисшедшихъ вѣ гробъ! не отъ Аѣи-
 „ нявѣ должно опасаться такой подло-
 „ сти;

сти; для нихъ мало и помыслишь о
 такомъ преступленіи. Мы не поло-
 жимъ цѣны нашей честности, и еще
 шѣмъ вѣще, чтобъ кончили день спа-
 сенія общественнаго торговлею вѣрно-
 сти, въ сохраненіи которой мы кля-
 лись. Да весь міръ внемлетъ мнѣ и да
 познаетъ Персѣ, каковы его враги.
 Солнце съ раскаяніемъ бы обращало сія-
 ніе лучей своихъ на стѣны наши, естъ-
 ли бы онѣ содержали въ себѣ бичъ людей,
 заключенныхъ въ темницахъ нашихъ.
 Польза и страхъ связали ихъ взаимно
 въ Сузѣ; пустимъ ихъ, да возвѣстятъ
 они тамъ нѣкогда, что единая добро-
 дѣтель прилѣпляетъ насъ къ Аѳинамъ.

Каллій, Жрецъ Цереры, одинъ былъ
 изъ всего стана, котораго сіи слова не
 принудили показать челоуѣчество. Пер-
 сіанинъ плѣнный, взирая на длинные его
 волосы и перевязанное чело, почелъ его
 Царемъ, повергся предъ нимъ, просилъ
 о спасеніи себя, и въ награжденіе за то
 показалъ и далъ въ даръ нѣкоторое ко-
 личество золота, которое онѣ до сего
 скрывалъ. Каллій ни варваръ, ни вѣро-
 ломный средствею, беретъ рукою зо-
 лоото, убиваетъ другою несчастнаго, ко-
 торый его обогатилъ.

Ужасъ такого злодѣйства не могъ
 скрыться отъ прозорливаго вниманія

Аристидова. „Что ты сдѣлалъ несча-
 „ стный! вскричалъ сей начальникъ;
 „ Аѳинянинъ! Жрецъ! вѣсишь жизнь че-
 „ ловѣческую съ золотомъ! — О безсмер-
 „ тные боги! не ужѣ ли сіе наказаніе свя-
 „ тыни, что онъ не могъ оспаться по-
 „ длецомъ, не ставъ убійцею? Тысящи
 „ народа, пришедшаго сюда изъ Су-
 „ зы, для угнѣпенія насъ, не навле-
 „ каютъ бѣльшаго поношенія на Даріевъ
 „ Тронъ, сколько Цереринъ Жрецъ, убій-
 „ ца, на Аѳины. Ты Дадухъ, (*) по-
 „ священнѣ тайнствамъ, ты видѣлъ
 „ наши соглашенія и законы между су-
 „ дилищемъ и олтаремъ подъ покро-
 „ вомъ божества; ты знаешь, что всѣ
 „ оныя служатъ къ человѣческому бла-
 „ женству, а пресѣкаешь дни безсиль-
 „ наго, помощи въ тебѣ ищущаго! Санъ
 „ твой хочешь разширить власць свою
 „ и надъ нашими помышленіями, и ты
 „ даже зазмѣваешь величество боговъ!
 „ Или для раздраженія небесъ избралъ
 „ ты священную должность умилоспи-
 „ вленія ихъ? Они насъ покрываютъ,
 „ а ты ихъ раздражаешь; мы обреме-
 „ няемъ себя славою, а ты подавляешь
 „ насъ стыдомъ. О Каллій! какой день
 „ ты

(*) Жрецъ Цереринъ, коего должность состояла
 въ ношеніи свѣшльника при жертвоприноше-
 ніяхъ и отправленіи тайнствъ сего божества.

„ ты помрачаешь! о естли бы еще
 „ кровь твоя могла омыть твое злодѣ-
 „ яніе! но боги гнушаются плашежемъ
 „ крови человѣческой. Слезы, извлекаемыя
 „ мечемъ, суть слезы подлаго сердца;
 „ какая нужда небесамъ въ смерти законо-
 „ преступника! такъ! ты живи и внимай
 „ гласу спрашному жертвы твоей; да раз-
 „ драженная тѣнь ея неотступно спремип-
 „ ся во слѣдъ тебѣ; да возбудишь она въ
 „ душѣ твоей свистъ змievъ; да колеб-
 „ летъ ее, объемля мразомъ, жалостной
 „ вопль оной! но что! . . . .

Праведное негодованіе послѣдовало
 за ревностію Аристиды: презрѣніе
 глубокимъ молчаніемъ изъясляемое, за-
 ступило мѣсто выраженій, какъ вели-
 кій жрецъ прервалъ оное напоминовені-
 емъ независимости священства и непри-
 надлежности суди. Въ сіе по время
 Аристидъ защитилъ законы отъ зло-
 употребленія, и сенатъ отъ неспра-
 ведливыхъ требованій со стороны жре-
 цовъ. „ Кто ты таковъ, сказалъ онъ
 „ великому оному жрецу, что ты по-
 „ ставляешь себя выше законовъ? Ты
 „ приносишь наши обѣты Церерѣ; но
 „ Церера освобождаетъ ли тебя отъ
 „ предписаній, данныхъ ею смертнымъ?
 „ мы возвели тебя къ святилищу; ол-
 „ тарь, на которомъ приносишь жертвы,
 „ воздвиги

„ воздвигнутъ отцами нашими; злато
 „ наше удерживаетъ его великолѣпіе;
 „ мы тебя питаемъ; и какъ земля, въ
 „ которой ты рожденъ, которою ты
 „ принятъ, а не отверженъ, которая
 „ тебѣ покровительствуетъ, не имѣетъ
 „ никакого права надъ твоими дѣлами?
 „ Долженъ ли ты наконецъ начальство-
 „ вать надъ нею, или ей повиноваться?
 „ Знай, что если небо есть начало
 „ законовъ, то оно не исключаетъ ни еди-
 „ наго изъ смертныхъ отъ того, что
 „ оными предписывается. Возри на сихъ
 „ людей! (выговоря сіе онъ обратился къ
 „ воинамъ) довольствуясь хлѣбомъ и
 „ водою, за что платятъ своимъ по-
 „ томъ и кровію, они отдаютъ долгъ
 „ отечеству, попираютъ кучи пру-
 „ повъ, шествуя между отцами и дѣть-
 „ ми умирающими; а ты, покоясь
 „ подъ шатромъ, питаясь роскошію, не
 „ снося трудовъ и бѣдъ, ты и твои
 „ не должны отвѣтствовать за
 „ злодѣйство? Слушай! если бы ты
 „ имѣлъ исключительное право судить
 „ жрецовъ, намъ ничего не оставалось бы
 „ почти, какъ умѣть кончить жизнь,
 „ или обезславить природу. Вспомни!
 „ за что изгнаны изъ Аѳинъ ложныя
 „ божества? Они и по сіе бы время имѣ-
 „ ли въ нихъ себѣ жертвенники, когда
 „ бы

„ бы жертвователи ихъ не поставляли се-
 „ бя средоточіемъ всего. Власть ихъ слу-
 „ жителей предзнаменовала паденіе ихъ;
 „ сіи были презираемы, когда шѣ, казалось,
 „ внушали народамъ почтеніе: ваше имѣ-
 „ ніе, ваша жизнь, все намъ принадле-
 „ житъ: терпите и умирайте. Не упо-
 „ пребляй себя на зло. Ты обязанъ моле-
 „ ніемъ и вѣрностію плащитъ то, что
 „ мы подвигами. Ты всѣхъ смертныхъ
 „ недостойнѣйшій, естли престаешь
 „ быть каналомъ, чрезъ который небо
 „ изливаетъ на насъ свои благодѣянія. Ты
 „ обязанъ утѣшеніемъ невинному, и по-
 „ мощію неимущему. Состояніе твое,
 „ которое пребуешь просвѣщенія, пре-
 „ буешь онаго для наставленія, и оно
 „ дозволяетъ имѣть тебѣ лишнее, ток-
 „ мо для облегченія тягостнаго жребія
 „ другихъ. Оно свято; нѣтъ въ томъ
 „ нималого сомнѣнія: но не тогда, ко-
 „ гда мы отступаемъ отъ отечества.
 „ Продаваніе златыхъ сосудовъ, ограбле-
 „ ніе храма, на поддержаніе необходимо
 „ нужной войны, или на облегченіе
 „ рушительнаго бѣдствія, суть слабое
 „ заглаженіе золъ, причиненныхъ чело-
 „ вѣчеству; да и не стобятъ единой
 „ слезы; лучше оныя употребить на-
 „ нужды, нежели приказывать продажу
 „ хижины нищаго, плуга земледѣльца

„ и пшена, питающаго дѣтей его. Будь
 „ искрененъ жертвоприношитель, и согла-
 „ сись, что самые Боги, которыхъ ты
 „ служитель, вложили тебѣ въ сердце сіи
 „ истинны; не препятствуй здѣсь въ-
 „ щать совѣсти твоей; она обвинила
 „ тебя въ ту мину, когда ты гово-
 „ рилъ о своей независимости. Гдѣ бы
 „ мы тогда были, естли бы мы коли-
 „ ко были подлы, что помогли бы те-
 „ бѣ въ упушеніи твоихъ угрызений,
 „ или защищеніи твоихъ предразсужденій.
 „ Во что превратились Аѣны, когда
 „ проявился сей родъ людей, которые
 „ подъ видомъ мщенія за законъ, са-
 „ мымъ дѣломъ измѣняли правосудію?
 „ Вамъ то извѣстно, о граждане! ваши
 „ отцы показали вамъ, что сіи священ-
 „ нослужители жили обвиненіемъ, и оп-
 „ правляли торгъ клеветою. За престу-
 „ пленіе почиталось напоминать о пра-
 „ вахъ человѣчества, сожалѣть о бѣдныхъ,
 „ которыхъ они мучили, и призывать
 „ священное имя законовъ. Дѣйствія,
 „ слова, самое молчаніе, толкуемы,
 „ обвиняемы и наказуемы бывали. О
 „ тѣни смертныя нашихъ предковъ!
 „ колкое число васъ принесено въ
 „ жертву симъ злоупотребленіямъ! Я
 „ трепещу отъ священнаго ужаса, ко-
 „ гда размышляю, что и самой спонѣ
 „ за-

„заглушенъ, для содѣланія васъ пре-
 „ступниками. Мы никогда не опчаемся
 „въ спасеніи чести Аѳинянъ, какъ дол-
 „го не угаснетъ законъ въ нашихъ стѣ-
 „нахъ, какъ долго добродѣтель обрѣ-
 „тетъ себѣ убѣжище въ сердцахъ на-
 „шихъ; но есть ли смѣха достойныя тре-
 „бованія сихъ жертвоприносителей; есть-
 „ли ихъ усилія къ опроверженію свяпости
 „законовъ; естли люди, которыхъ свя-
 „щенныя ихъ должности возвышаютъ, и
 „которыхъ за то мы принуждены по-
 „читать, снимутъ послѣднюю узду,
 „которая можетъ ихъ содержать въ пре-
 „дѣлахъ — О боги! предохраните Аѳи-
 „ны отъ сего бѣдствія, и да санъ, прибли-
 „жающихся къ олтарямъ вашимъ, пре-
 „будетъ навсегда священнымъ залогомъ
 „ихъ правосудія и ихъ покорности!
 „Ступай жрецъ Цереры; вмѣсто насто-
 „янія въ своемъ нелѣпомъ и зло-
 „дѣйскомъ правѣ, вмѣсто желанія при-
 „крыть убійство тѣнію святыни, ко-
 „торую оно обезславило, иди и объяви
 „своимъ, что ничего нѣтъ священнѣе
 „государственной власти, и ничего нѣтъ
 „презрительнѣе жреца, возмутителя
 „противъ законовъ. Каллій да бу-
 „детъ сражаемъ негодованіемъ неба и
 „земли: не довольно ли, что сей змій
 „не заразилъ ядомъ славы и радости

„на-

„ народа неукоризненного , не употребляя
 „ усилія къ содѣланію яда своего зара-
 „ зительнымъ? Ты обязанъ показать
 „ примѣръ симъ побѣжденнымъ , кото-
 „ рые на тебя взираютъ , и которыхъ
 „ ты ненавистнымъ требованіемъ сво-
 „ имъ соблазнилъ ; избирай лучшее , на-
 „ ставь ихъ ; свидѣтельствуйся небомъ ,
 „ которое одарило тебя разсудкомъ ,
 „ что боги единственно желаютъ того ,
 „ что повелѣваетъ природа , и что законы
 „ сея суть сокращеніе ихъ воли. Опнес-
 „ ши въ отечество свое воспоминаніе и
 „ ужасъ корысполюбіемъ причиненнаго
 „ губительства , да идутъ они и начер-
 „ пятъ на своихъ храмахъ , что единый
 „ изъ жрецовъ нашихъ сдѣлался убій-
 „ цею , но что излилъ ядъ свой въ одинъ
 „ сосудъ , и что источники священства ,
 „ коего спасительныя воды должны упо-
 „ лять жажду народовъ , не зараже-
 „ ны имъ .

„ Начальники Аѳинянъ ! прибавилъ
 „ Аристидъ къ своимъ поварищамъ ,
 „ преступленіе единого , а особливо же
 „ Дадуха , можетъ превратиться въ знаме-
 „ ніе бѣдствій цѣлаго народа . Кто бы
 „ ни былъ преступникъ , употребите
 „ всю силу власти вашей , къ остано-
 „ вленію зла ; небо вамъ предписало сей
 „ законъ , и вы дадите отчетъ людямъ
 „ въ

„ вѣ слѣдствіяхъ онаго. Долгъ вашъ и
 „ ревность ваша должны равны быть
 „ силѣ и значности преступника . . . .
 „ Для чего же ты не наказываешь Каллія,
 „ прервалъ въ которой начальникъ воин-
 „ ства? — Я не наказываю его? Избери
 „ жесточайшую казнь презрѣнія люд-
 „ скаго и острія совѣсти, и я неме-
 „ дленно предамъ его. Если хранили-
 „ ще, въ которомъ мы слагаемъ всѣ на-
 „ ши дѣла, ужасно для всѣхъ: то что
 „ оно должно быть для служителя олтар-
 „ рей? Что твои костры предъ огнемъ
 „ разгнѣванной совѣсти? Рана, причиняе-
 „ мая негодованіемъ и презрѣніемъ
 „ добродѣтельнаго человѣка, въ тыся-
 „ щу кратъ ужаснѣе, нежели мечъ,
 „ смерть несущій. Какое позорище! Да-
 „ духъ убійца живъ еще въ поноше-
 „ ніе государству, и коего дни служатъ
 „ заглаженіемъ, которое приноситъ честь
 „ Богамъ, и примѣромъ полезнымъ лю-
 „ дямъ! колико бы подло ни было серд-
 „ це, хощя онъ оживленъ скверною ду-
 „ шею; но гнѣвъ Боговъ и отвращеніе
 „ отъ него земли, есть ужасное состо-
 „ яніе.

Такая рѣчь изъ устъ человѣка, ко-
 тораго правосудіе заслужило отъ нѣбныхъ
 Аѳинъ хвалу, опредѣленную древнему
 Амфираю, возбуждаетъ удивленіе въ

побѣжденныхъ, и глубокое молчаніе зна-
 менуетъ почтеніе и одобреніе побѣди-
 телей. Персы забыли свои узы, а Аеи-
 няне побѣду; Аристидъ, казалось, про-
 изнесъ сіи слова для заглаженія стыда
 однихъ, и для умѣренія радости дру-
 гихъ. „О великой человѣкъ! вскричалъ
 „внезапно спарецъ, покрытый сѣдинами
 „и оружіемъ, служившій у Персовъ;
 „почто всѣ государи не имѣютъ сво-
 „ихъ добродѣтелей! мы не обнажили
 „бы своего безславія предъ опмщен-
 „нымъ Непшунѣмъ; скажу: Немезисъ
 „не преслѣдовала бы насъ моремъ и
 „сушею, естли бы Дарій имѣлъ та-
 „кія, какія ты показалъ. Я его почи-
 „таю, онъ мой Государь, а доказа-
 „тельство любви моей къ нему есть
 „пятидесятилѣтняя неукоризненная слу-
 „жба; но естли изощренныя наши-
 „ми руками и противъ Греціи напра-
 „вленные нами въ бѣшенствѣ стрѣлы
 „обращены на главу нашу; то видно
 „небо играетъ ужаснымъ исходомъ на-
 „шей неправды; превратность нашего
 „щастія равняется нашимъ злодѣй-
 „ствамъ. Естли Боги мещутъ когда
 „перуны на смертныхъ, то сіе должно
 „быть во время неправедныхъ раздо-
 „ровъ между Имперіями. Для чего Да-
 „рій тебя не услышалъ, Аристидъ! онъ
 „ни-

„никогда бы не помыслилъ о без-
 „умныхъ завоеваніяхъ, и вмѣсто, что бы
 „опправлять насъ на развореніе нашихъ
 „сосѣдовъ, на покореніе оныхъ и пропи-
 „паніе себя; покрайности онъ содер-
 „жалъ бы насъ на томъ иждивеніи, ко-
 „торое употребляетъ онъ къ воздвиге-
 „нію храма Богу, нимало имъ нечти-
 „мому.

„Другъ мой, сказалъ Аристидъ
 „Клисѣену, слышалъ ли ты сего старца?
 „Онъ завидуетъ нашему просвѣще-
 „нію, и даетъ намъ наставленіе. Дѣй-
 „ствительно, Дарій, прельщенный Іудея-
 „ниномъ Зоровавелемъ, весьма исто-
 „щилъ свои сокровища на созиданіе хра-
 „ма; и я не знаю для чего? Можетъ
 „быть сей Зоровавель представилъ ему
 „своего *Егоу* Богомъ милосердія и бла-
 „гости: и въ семъ случаѣ, Персидской
 „Государь отмстилъ за ругательства
 „прочихъ жидовъ, представлявшихъ
 „его Богомъ, который дышетъ мще
 „ніемъ, который не знаетъ жалости,
 „который позволялъ похищать и раз-
 „строивать общества, который при-
 „водитъ иногда въ спонъ всю природу,
 „коя называютъ его ошцемъ. Но сіе
 „еще не есть причина, побуждающая
 „привести подданныхъ своихъ въ убо-
 „жество, и обогатить его: естли *Егова*

„ есть Богъ людей, но онъ все имъ дару-
 „ етъ, и безъ сомнѣнія можетъ пребыть
 „ безъ ихъ даровъ. А служеніе ему, гово-
 „ ритъ Клисеенъ? .... Почитаніе пристой-
 „ ное Его Величеству должно быть въ на-
 „ шемъ сердцѣ, отвѣтствовало праведной;
 „ наши приношенія и наши жертвы служатъ
 „ токмо тому свидѣтельствомъ. Есть-
 „ ли послѣднія должны равняться усер-
 „ дію и желанію непорочной души, то
 „ ктобы осмѣлился принести ему жерт-
 „ ву? А если бы кто и былъ въ со-
 „ сшояніи, то уже давнобъ ничего въ
 „ мірѣ не осталось приносить. — Ка-
 „ кимъ образомъ? говоритъ Клисеенъ;
 „ ты порочишь храмы, олтари и жерт-
 „ вы! — Боги меня да сохранятъ! Но
 „ я говорю, что хижина, поставленная
 „ во славу ихъ людьми, которые не
 „ могутъ лучшей выпроить, или кото-
 „ рые предохраняютъ свое имѣніе для
 „ несчастныхъ, или для надобностей
 „ государственныхъ, дѣлаютъ имъ боль-
 „ шую честь, нежели все вообще земное
 „ великолѣпіе. Какая нужда Церерѣ воскъ
 „ ли или животное какое, колосъ или
 „ макъ? Другъ мой, продолжалъ Ари-
 „ стидъ, не видишь ли ты что участни-
 „ ки ревностиѣшіе великолѣпныхъ при-
 „ ношеній, суть точно тѣ, которые отъ
 „ нихъ получаютъ пользу? Довѣрен-
 „ ность,

„ ность , чеспи , богатства , коихъ рели-
 „ гія есть хранилище , все для служи-
 „ пелей ея . Пускай жрецъ вѣщаетъ Ал-
 „ легоріи , Эмблемы , сомнительныя
 „ прорицанія , онъ внушитъ почтеніе ,
 „ подумаютъ всѣ , что онъ наученъ
 „ небомъ , въ состояніи будучи читать
 „ на немъ предопредѣленія земли , и
 „ показывая себя дерзостно оружіемъ бо-
 „ жества , сдѣлаетъ ненавистнымъ вся-
 „ каго , кто ему не понравится , и
 „ не спрashedь наказанія дерзнетъ воз-
 „ ставать противъ правленія и Сенапа , и
 „ противъ самыхъ Государей . Но вѣщай
 „ полезныя истинны , и слѣдственно при-
 „ знанныя богами , когда онъ противны
 „ предразсужденіямъ , ты ничего не
 „ встрѣпишь , кромѣ оковъ и казней , а
 „ еслии тебѣ одно изгнаніе , можешь
 „ ийти и въ ономъ предаться спону не
 „ жалуясь . . . . Подлое неудовольствіе
 „ никогда не помрачало моего сердца ,
 „ потому что я возсталъ съ пламенемъ
 „ противъ убійцы жреца ; мой гнѣвъ
 „ тѣмъ паче не подозрителенъ , что сіе
 „ чудовище соединенъ со мною кровію
 „ родства : слава моя и честь принужда-
 „ ютъ меня забыть оное . Для испра-
 „ вленія нѣкоторыхъ злоупотребленій ,
 „ я не хочу , Клисѣенъ , наступать на
 „ истинну рушительнымъ средствомъ :

„ я служу богамъ , почитаю жрецовъ ; и
 „ главнѣйшее доказательство , какое я
 „ могу имъ дать моей любви и почте-
 „ ния , есть желаніе мое испребитъ суе-
 „ вѣріе и Фанатизмъ ихъ раздирающій.
 „ Кто желаетъ почитать боговъ , отъ
 „ того пребую почтенія безъ ложнаго ирой-
 „ ства , правилъ безъ предразсужденія , а
 „ особливо добродѣтели безъ лицемѣрія . „
 Симъ образомъ кончился день Мараѳон-
 ской побѣды , а упромъ Аристидъ воз-
 вратился въ Аѳины .

 V.

О Д А

 Къ пойня .

О ты , кровавой чпо рукою
 Героевъ вводишь славы въ храмъ !
 Врагъ дружеству и врагъ покою ,
 Всегда ужаснымъ вождь смертямъ !
 Доколѣ швой олтарь плачевный ,
 Несчастной жертвой отягченный ,
 Раздорнымъ родомъ будешь чшимъ ?
 Кой мнишь , чпо ихъ земель пространство ,
 Убийство , звѣрство и пиранство
 Купишь безсмертье можешь имъ .

Въ обширномъ свѣтѣ царствѣ гремѣвшихъ
 Не пылъ паденія виной?
 Троянѣ средѣ спѣнѣ своихъ исплѣвшихъ
 Не пылъ война была судьбой?
 И Грековъ силы истощивши,
 Наукъ ихъ свѣтѣ въ шьму превративши,
 Оставила намъ жалкой слѣдѣ,
 И, къ вящему потомковъ рвенью,
 Вдала невольничью мученью? . . .
 Коль сладокъ плодъ своихъ побѣдъ!

Развалины надменна Рима,
 Величества его слѣды,
 Травой на коихъ древность зрима
 Загладила искусствъ пруды;
 Чю жестокость знаменуюшъ,
 Коль раны съ стономъ показываютъ?
 Не пы ли громкихъ дѣлъ мечшой
 Трудъ Ромула и мудра Нумы,
 Чрезъ гордыя потомковъ думы,
 Въ ровъ скрыла мрачности густой?

Твоей лишь славой воспаленный,
 Филипповъ сынъ потрясъ весь свѣтѣ;
 И кровью смертныхъ орошенный
 Средь звуковъ страшныхъ сихъ побѣдъ,
 Не внявши опчества спенанью,
 И нупръ его предавъ перзанью,
 Единство области раздрааъ,
 И въ бѣдствія повергъ ужасны,
 Въ войнахъ проливши потъ напрасный,
 Свой шокмо лавромъ гробъ вѣнчалъ.

Но ктожъ почпишъ его во славѣ
 Превыше всѣхъ земныхъ владыкъ?
 На тронѣль онъ въ своей державѣ
 Законодательствомъ великъ?
 Онъ далъ ли вѣкъ златой народу,
 Отъялъ коль ближнему свободу?
 И къ благу подданныхъ своихъ
 Онъ собралъ ли плоды какія
 Отъ шоквъ крови пролишья?
 Ахъ нѣтъ! . . . . слѣдовъ не видно сихъ.

Царь, мудрости вѣнецъ носящій,
 Въ угодность алчности твоей,
 Мечъ, смертнмъ гибелью грозящій,
 Не обнажитъ, какъ сей злодѣй!
 Когдажъ ты ядъ въ его предѣлы
 Чрезъ происки зловредны, смѣлы,
 Дерзнешъ ему изрыгнуть въ ковъ:
 Тогда законовъ гласу внемля,
 Оружіе онъ въ щипъ приемля,
 Народу будетъ правый кровъ.

Сей Лавръ, съ оливами цвѣшущій,
 Порфиру будетъ украшать;
 Отцемъ его, граждане чшущи,
 Въ блаженствѣ будущъ процвѣшать.
 Не горды древниobeliski,
 Главой къ небеснымъ сводамъ блиски,
 Къ нему почшене соблюдушъ;
 Но царство, цѣло, вознесенно,
 Монаршимъ пошомъ омоченно,
 Его прославишъ въ вѣчность шрудъ.

Мечта ужасна блесковъ лживыхъ,
 Престань ты дерзкихъ ослѣплять!
 И въ дняхъ безмрачныхъ и счастливыхъ
 Оставь жизнь въ мирѣ провождашь!
 Исчезни! скройся въ нѣдрахъ ада,
 И тамъ не утолима глада
 Ищи жестокость усладишь!
 Но здѣсь и безъ швоей помощи,
 Проспранныя къ смертямъ дороги
 Насъ въ землю могутъ обратишь.

VI.

О Д А

Къ миру.

Златой источникъ благоденства,
 О! миръ, ты Ангелъ шишины!
 Подъ сѣнью крилъ швоихъ блаженства
 Сколь шчастливъ вѣкъ! сколь дни красны!
 Твой взоръ веснѣ подобенъ нѣжной,
 Что по зимѣ угрюмой снѣжной
 Живитъ природу шеплошю,
 Ея красы очамъ являетъ,
 Спадамъ въ прохладу постилаетъ
 Покрышый лугъ шравой густой.

Гдѣ мудрый вѣнценосецъ ставитъ
 Тебѣ въ своей державѣ шронъ,
 Народъ спокойствіе тамъ шлавитъ,
 Опчаянный не слышенъ шпонъ;

Мысль рапая спокойна въ полѣ,
 Не мнишь онъ въ вражьей бышь неволѣ;
 Его не поражающъ слухъ
 Военныхъ трубъ ужасны зыки:
 Но всюду сельскія музыки
 Поетъ свирѣлью мирный духъ.

Не топчешь конь врага надменно
 Въ безмолвныхъ нивахъ класъ злапой;
 Трудомъ природа возбуждена,
 Довольство сыплетъ предъ побой;
 Источникъ кровью не мушится,
 Но въ чистыхъ онъ спруяхъ капишься,
 Твоимъ преслѣдуя стопамъ;
 Почтишь желая быспры пищицы
 Злапой Твоей входъ колесницы,
 Газносятся свистъ свой по лѣсамъ.

Несутся безъ препонъ волнами
 Въ страны далеки корабли,
 Отшоль обрашными спезями
 Пловутъ къ брегамъ своей земли,
 Прибыткомъ знашнымъ ошягченны,
 Валы подъ ними упошленны,
 Едва ихъ держашъ на хребтахъ;
 Досшигши присшани сшасшливой,
 Вѣнчанной масшличной оливой,
 Вкушашъ пользу по трудахъ.

Тобою огражденны грады
 Не знаютъ въ вѣкѣ мяшежныхъ дней;
 Вокругъ цвѣшущи зря опрады,
 Блаженны въ участи своей;

ВЪ иныхъ наукъ плодъ прозябаетъ ,
 Художество въ другихъ сїаетъ ;
 Препяствій нѣтъ имъ въ томъ отъ бѣдъ ,
 Которыбъ могъ во время бранно ,
 Черезъ явну прю или коварно ,
 Нанестъ враждующій сосѣдъ .

Отецъ въ ближайши дни къ кончинѣ
 Въ своихъ подпору дѣшяхъ зрѣтъ ;
 Счастливой онъ семьи въ срединѣ
 Свою жизнь томну кончишь мнишь ;
 Тоска его та не терзаетъ ,
 Что долге жестокой налагаетъ ,
 Отвлекши сына въ бранной строй ,
 Лишивши въ спароси помощи ,
 Кшобъ могъ его дрожащи ноги
 Сыновней подкрѣплять рукой .

Не числитъ мужни въ брани бѣдства
 Супруга нѣжная въ слезахъ ;
 Не ищетъ щетно всюду средства ,
 Чшобъ шу печаль сокрышь въ глазахъ ;
 Ея и пакъ веселы взгляды ,
 Душевные кажущъ въ ней отрады ,
 Спокойна мысль печешъ къ трудамъ ,
 Которы дѣлитъ съ ней супругъ ,
 Ея защитникъ , вѣрный другъ ;
 Ты сладость льешь и ихъ сердцамъ !

Гдѣ только духъ швой пребываетъ ,
 Вездѣ законный чинъ въ вещахъ
 Ненарушимо процвѣтаетъ .
 Тогда машетсяль вихремъ прахъ ,

Когда зефиры въ дни прекрасны,
 Съ швоею пишиной согласны,
 Дыханьемъ умбряя зной,
 Цвѣшны душисны ибжя въ полѣ,
 Природы угождая волѣ,
 Являющъ живо образъ швой?

О ешьлибъ смершныхъ всѣхъ сердцама
 Ты миръ единъ могъ овладѣшь!
 Мечи преобразить серпами,
 Звбрямъ оставить спрѣлы въ сѣшь!
 Тогда бы въ пользу по служило,
 Чшо спрахъ и шрепетъ наносило,
 И чшо могло для насъ вредить;
 Жестокошь сердцабъ всѣ забыли,
 Довольствуясь своимъ бы жили,
 Жадбѣ ближнихъ кровь пролишь.

 VII.

 ЭПИГРАММЫ.

I.

*Къ г. Малсумоцу, пристрастному къ
 щегольству.*

Хоть съ ушра до ночи ты въ зеркало смотришь,
 И съ ногъ до головы всякъ день, мой другъ, бблись;
 Не можешь никогда порока ты сокрышь,
 Который явился, лишь станешь говоришь.

2.

Къ игроку.

Признайся мнѣ на ухо,
 Коли не хочешь въ слухъ;
 Вчера, хоть день былъ сухъ,
 Въ каретѣ ты капался:
 Но нынѣ въ грязь сію за чѣмъ пѣшкомъ шепался?
 . . . . . Въ карманѣ стало сухо.

3.

Къ дѣвицѣ, потерявшей красоту.

Я не дивлюсь, что ты красы всѣ поперяла,
 Тѣмъ болѣе свойство розъ въ себѣ ты показала,
 Кошоры частый жаръ не могутъ вишь сносить:
 То лязьль тебѣ шеперь красавицею бышь!

4.

Молодой челоцѣкъ съ дѣвицею.

Когда вы будете въ любви не вѣродомны?
 Молодчикъ говорилъ, красавицѣ одной;
 Она ему отвѣшъ дала на то такой:
 Не прежде, какъ въ страстяхъ вы будете всѣ скро-
 (мны.

5.

Любопникъ безъ денегъ.

За чѣмъ мнѣ Флоридоръ въ любви предпочтенъ,
 И болѣе меня Филисой полюбленъ!
 Лицемъ онъ кажется сто разъ меня гнуснѣе..
 . . . . Карманъ передъ твоимъ его сто разъ вкуснѣе.

VIII. ЗАГАДКИ.

1.

Кто любитъ, тотъ же самъ меня и ненавидитъ,
 Когда мой тронъ въ другомъ поставленный
 (увидитъ;
 Мнѣ знаешь жизнь даетъ, богатство подкрѣ-
 (плетъ;
 Но крошость часто блескъ мой въ мракъ преобра-
 (щаетъ.

Загадку тотъ развяжетъ,

Кто намъ теперь вдругъ скажетъ,

Богатство съ знаешь что можешь испочать,
 И крошость бы чему могла противустать.

2.

Средь Марсовыхъ полей въ сраженьяхъ я бываю,
 Въ совѣтахъ и съ Царемъ на Тронъ засѣдаю;
 Герою я равно полезна какъ Царю,
 И храбрость подъ ногой моею я часто зрю;
 Чего и въ десять лѣтъ она не совершила,
 Надъ Троею въ ночь одну Улиссомъ я рѣшила;
 И нынѣ безъ меня не можешь смертный жить,
 Когда жизнь счастливу желаетъ онъ вкушить.

3.

Прозрачностью своею я съ зеркалами сходна,
 Но дѣйствиемъ своимъ предъ ними превосходна;
 Зрятъ только смертные наружны части въ стѣхъ,
 Но я и внутренность кажу имъ безъ помѣхъ.
 Когдажъ къ наружности почти всѣ прилѣпились,
 И внутренность свою во мнѣ зрѣть успѣдились:
 Презрѣннѣй всѣхъ вещей на свѣтѣ стала я,
 Жденеши теперь меня и самъ иной судья.

IX.

IX.

Египетское учение о различіи между чувственными и духовнымъ познаниемъ.

Во первыхъ надобно знать, что какъ внѣшнія или матеріальныя наши чувства не представляюуь намъ вещей, съ кошорыми они не въ связи: такъ и внутреннія или самъ духъ не можетъ постигать мысленныхъ существъ, пока съ ними не соединится; когда же соединится, то уже гораздо превосходнѣйшаго достигаетъ познанія. Ибо внѣшнія наши чувства, какъ то, зрѣніе представляетъ намъ только поверхность вещей: духъ же испытуетъ ихъ внутренность и глубину. Чувствамъ подвержена одна только матерія, а о дѣйствующихъ силахъ они никакого понятія намъ дать не могутъ. Поелику дѣйствующая сила всегда есть духъ, (*) который чувствамъ неподверженъ. А еслили такъ, то какимъ образомъ рабъ матеріи и чувствъ можетъ судить о дѣйствующихъ силахъ природы и духахъ? Духовный же человекъ все сіе постигать и судить можетъ. Ибо духъ
духа

(*) Чшобъ сіе правильно разумѣть, то надобно, по Египетскому учению, различать духъ въ матеріи, и внѣ ея.

духа знаетъ; и какъ внѣшній нашъ человекъ видитъ тѣла, или дома: такъ внутренній видитъ и знаетъ строителей и жителей ихъ т. е. духовъ. Первый изъ нихъ видитъ вездѣ только наружность, корку, и матерію: а послѣдній внутренность, и сущность духа. По сему всѣ познанія получаемы бывающъ или внѣшнимъ человекомъ, то есть, внѣшними чувствами и опытами, и суть наружныя, матеріальныя и побольшей части обманчивыя, а слѣдовательно и основанныя на нихъ системы и отвлеченія таковы же; или внутреннимъ человекомъ, то есть, внутренними чувствами, опытами, и откровеніемъ, и суть внутреннія, духовныя, высокія и достовѣрныя. По сему должно распознавать истинное и Божеское ученіе и мудрость отъ ложнаго и мірскаго ученія, и истинно Ученаго, отъ мірскаго Мудреца.

ВѢЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Июльъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стран.
I. Философическое разсужденіе о совѣсти вообще - - -	163
II. Мысли почерпнутыя изъ Бесѣды Златоустаго - - -	195
III. Ариспидъ - - -	196
IV. Восточные Анекдоты -	216
V. Быль - - - -	230
VI. Двусмысленный Сонетъ -	233
VII. Эпиграммы - - -	234
VIII. Эпитафіи - . . -	235
IX. Загадки - . - -	236
X. Египетское ученіе о смерти и воскресеніи духовномъ. :	237

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

*Философическое разсужденіе о совѣсти
вообще.*

Совѣсть есть внутреннее чувствованіе души нашей, судящей о нравственной сходственности или несходственности дѣйствиій. Посему опредѣленію поступать противъ совѣсти, есть дѣйствовать противъ познанія суда, произведеннаго нами о нравственности какого-либо дѣйствія.

Чтобъ намъ быть свѣдущимъ о семъ судѣ, касающемся до нравственности дѣйствиій: то должно, чтобъ сей судъ былъ произведенъ; а чтобъ сей судъ былъ произведенъ: должно, чтобъ мы были въ состояніи судить о нрав-

1782. Июль. Часть II. Л ствен-

ственности дѣйствій; какъ же не возможно намъ судить о неизвѣстномъ, по суду сей предполагаетъ необходимо познаніе того, что составляетъ нравственность дѣйствій; и какъ нѣтъ познанія логическаго для существа не имѣющаго понятій, такъ нѣтъ и познанія нравственнаго для существа не разсуждающаго о нравственности дѣйствій. И такъ въ суду, производимомъ душою о нравственности дѣйствій, состоитъ существенно *нравственная сопѣсть*. Почему способность наша судить о нравственности дѣйствій дѣлаетъ человека существомъ нравственнымъ, склоннымъ къ пороку или къ добродѣтели, достойнымъ хулы или похвалы, почтенія или презрѣнія, разсуждая по правиламъ нравственной сходственности, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ поведеніи.

По таковымъ разсужденіямъ Нравоучители всѣ свои силы употребляли на изысканіе слова, служащаго къ выраженію начала нравственности въ человекѣ, или его качества, бытъ нравственнымъ существомъ: однако изъ всѣхъ не нашли пристойнѣйшаго, какъ слово *сопѣсть*, которое заимствуя у Психологовъ, употребляли также и для означенія того существеннаго начала, которое дѣлаетъ человека

ловѣка нравственнымъ существомъ, но въ тѣсномъ смыслѣ для причисленія онаго къ роду понятій, коими они занимаются. Послѣдователи Волѣевы, разсматривая вещи въ первобытномъ ихъ состояніи, опредѣляли *сопѣсть* способностію судить о нравственности нашихъ дѣйствій. Большая часть другихъ Нравоучителей, почитая бесполезною способность безъ дѣйствія, за лучшее почли опредѣлить *сопѣсть*, что она есть самый душевный судъ о нравственности дѣйствій. Третій же на послѣдокъ, для избѣжанія заблужденія, которое происходитъ часто отъ употребленія тѣхъ опвлеченныхъ словъ, коими означаются свойства души, какъ будто бы они были вещественныя существа совсѣмъ отличныя отъ сущности, заблаго разсудили опредѣлить *сопѣсть*, самую душею, судящею о нравственности своихъ дѣйствій; изъ чего слѣдуетъ, что которому ты изъ сихъ опредѣленій ни дашь преимущество предъ другими: то начало и слѣдствія изъ оныхъ проистекающія, что касается до сущности вещи, всегда будутъ тѣже; ибо они означаютъ одинъ и тотъ же предметъ, но разсматриваемый подъ разными токмо видами. Способность судить безъ души не суще-

ществуетъ, ниже разсужденіе безъ способности судить. Сказать, что человекъ имѣетъ *сопѣсть*, значитъ, что человекъ можетъ судить, и судить въ самомъ дѣлѣ о нравственности своихъ дѣяній.

Судить о нравственности дѣяній, значитъ судить о томъ, что такое по дѣйствию учинить человеку прилично потому; что оно хорошо; или есть судить, что оно доброе, и изъ того заключать, что и учинить оное не непристойно. Вотъ дѣйствию собственно принадлежащее *къ нравственной сопѣсти!*

Чтобы судить о нравственности какого либо дѣянія, то необходимо должно знать, отъ чего рождается сія нравственность, и что оную составляетъ; слѣдовательно какъ она рождается изъ природы, состоянія, отношеній и опредѣленія существъ дѣйствующихъ, и тѣхъ, надъ коими, или въ разсужденіи коихъ, они дѣйствуютъ; и припомъ какъ то самое, что составляетъ сію нравственность, есть отношеніе къ дѣянію, разсматриваемое какъ причина, или отношеніе къ совершенствамъ и блаженству существъ разумныхъ, разсматриваемое какъ дѣйствию: то все, что по своему противоположенію съ существами представляется разуму какъ бы

бы преподною къ ихъ совершенству и блаженству, душа почитаетъ за худое и несходственное. Напрощивъ же того все то, что по сношенію своему съ существами, представляется разуму способнымъ доставить имъ совершенство и блаженство, душа всегда почитаетъ за доброе и сходственное. Какъ долго *сопѣсть* ограничиваетъ себя только судить, что дѣйствіе есть доброе или худое, можно назвать ее судомъ *созерцательнымъ*. Но таково есть расположеніе человѣческой души, что она нисколько не ограничивается однимъ судомъ о добрѣ или худѣ какого либо предмета, безъ желанія бытія или отдаленія сей послѣдней, и на противъ того существованія и присутствія первой. *Сопѣсть* никогда не утверждаетъ, что какое либо дѣйствіе есть доброе, не желая прежде, чтобъ оно сдѣлалось, и не судивъ, что поступать такимъ образомъ прилично; или, что дѣйствіе оное есть худое, не судивъ прежде, что надлежитъ отъ него воздерживаться: и сей то судъ называется уже *дѣятельнымъ*. Судъ созерцательный, называемый Волфѣевыми послѣдователями *сопѣстію умозрительною*, есть то, что Нравоучители именуютъ *чуждопопаніемъ сопѣсти*; но судъ дѣятельный, называемый тѣми же

ВолФіевыми послѣдователями *дѣятельною сощѣстію*, есть то, что Нравоучители называютъ *сощѣтами и гласомъ сощѣсти*.

Мы не токмо желаемъ, чтобъ какое либо дѣйствіе, почитаемое нами за доброе, исполнилось, и взираемъ на оное, какъ на добро: но еще любимъ и почитаемъ и самую дѣйствующую особу, какъ сдѣлавшую непринужденно такое то добро. Напротивъ того мы спрашимся того, что почитаемъ вреднымъ, поелику оно есть зло, и не только ему желаемъ небытія, но и ненавидимъ сдѣлавшаго оное, какъ самопроизвольную причину того зла.

Сіе тѣмъ справедливѣе, что мы и сами себя, по самопроизвольномъ учиненіи какого либо зла, хулимъ и поносимъ. *Одобреніемъ сощѣсти* называется пріятствующій въ насъ о насъ самихъ судъ, то есть когда, мы внутренно увѣрены, что мы сдѣлали то, что называется *добротомъ*. Напротивъ того *угрызениемъ сощѣсти* именуется обвиняющій судъ, произносимой нами на насъ самихъ, когда узнаемъ, что мы сдѣлали что нибудь худое.

Два рода дѣйствій суть предметомъ суда *сощѣсти*; первыя, которыя должны быть произведены въ дѣйство. *Сощѣсть* судитъ объ оныхъ, дабы опредѣлить волю къ дѣйствованію или не-

дѣй-

дѣйствованію : сей судъ именуется *предыдущимъ* дѣйствію , или *соцѣстію* *предыдущею*. Другія же суть дѣйствія уже сдѣланныя ; *соцѣсть* судитъ объ оныхъ съ тѣмъ , дабы опредѣлить почтеніе или презрѣніе , заслуживаемыя учинившимъ нѣ дѣйствія ; и сей судъ называется *соцѣстію* *последующею*.

Въ *соцѣсти* такихъ вещей , кои составляютъ ея сущность , и безъ которыхъ могла бы она уничтожиться , есть три.

1. Познанія , посредствомъ которыхъ мы можемъ имѣть ясныя понятія о предметахъ нравственной сходственности , и помощію которыхъ мы усматриваемъ отношенія , составляющія нравственность оныхъ ; ибо судитъ предварительно о сихъ отношеніяхъ , не узнавъ предметовъ , есть судитъ о томъ , что намъ еще неизвѣстно.

2. Природное расположеніе одобрять то , что мы почитаемъ нравственно добрымъ , и хулить то , что мы почитаемъ нравственно худымъ.

3. Воля благоволящая о бытіи того , что мы почитаемъ сходственнымъ съ естественнымъ порядкомъ , такъ какъ и прошивящаяся существованію того , что мы почитаемъ противнымъ тому же порядку.

Какъ же безъ познанія душа не можетъ ни о чемъ судить, такъ какъ и безъ хотѣнія одобрять добраго и охулять худаго, когда мы знаемъ, что различіе, полагаемое между ими разумомъ, есть бесполезно; а безъ воли, которая дѣйствуетъ по чувствованію какъ о томъ, такъ и о другомъ, сіе познаніе и чувствованіе не имѣютъ никакого на поведеніе человѣческое вліянія, и самъ человѣкъ не есть больше нравственный дѣятель: то изъ сего слѣдуетъ, что *сопѣсть* кромѣ того, что она есть истинное нравственности человѣческой начало, и что она не можетъ быть ни простое разумѣніе, или понятіе, ни одна способность чувствовать различіе добра и зла, ниже единая воля, опредѣляющая насъ къ дѣйствию; но она есть самая душа, познающая вещи и ихъ отношенія, усматривающая и одобряющая естественно доброе и хулящая злое, и наконецъ желающая съ удовольствіемъ дѣлать то, что судитъ добрымъ и пристойнымъ, и избѣгаетъ того, что судитъ злымъ и прошивнымъ порядку. И такъ говоря почтѣе, *сопѣсть* есть человѣческая душа, упражняющая, относительно къ нравственности дѣйствию, способности познавать, чувствовать и хотѣть всего того, что состоитъ въ ея власти.

Здѣсь

Здѣсь входятъ разные вопросы, въ которыхъ Философы между собою не согласны.

1. Откуда происходятъ тѣ познанія, по которымъ душа судитъ о нравственности дѣйствій?

2. Одобреніе или оужденіе нѣкоторыхъ дѣйствій, которое имѣетъ душа, есть ли заключеніе подробнаго понятія, или необходимая склонность и побужденіе нравственное, бываемое безъ всякаго размышленія и разсужденія?

3. Всегда ли воля необходимо слѣдуетъ суду, по которому признаетъ дѣйствіе нравственно добрымъ или худымъ?

1. Нѣкоторые Философы, прорунты будучи согласіемъ людей въ ихъ разсужденіяхъ о нравственности нѣкоторыхъ дѣйствій, и въ различныхъ правилахъ нравоученія, предписанныхъ и почти вообще всѣми принятыхъ, думали, что ихъ познанія въ семъ случаѣ были природныя, а не снисканныя. Но какъ сіе уже многими ясно доказано, что бышіе сихъ врожденныхъ понятій (*) было только мнимое: то мы не намѣрены

Л 5

останав.

(*) О врожденныхъ понятіяхъ разсужденіе будетъ сообщено въ продолженіи нашихъ изданій.

останавливаться здѣсь для опроверженія такого мнѣнія. Ибо самой опытъ доказываетъ, что нравственные наши понятія снискамы. *Сопѣсть* наша никогда не судитъ о дѣйствіи, не узнавъ прежде отношенія вещей, и прежде нежели мы чрезъ опытъ удостоверимся о вліяніи дѣйствій на существа къ намъ относящіяся. Младенцы не имѣютъ никакого о нравственности понятія; они его пріобрѣтаютъ со временемъ, и чѣмъ просвѣщеніе дѣлаются, тѣмъ лучше судятъ и о томъ, что хорошо, и что худо; и то часто случается, что та же самая особа судитъ о нравственности дѣйствій въ одно время совсѣмъ иначе, нежели въ другое, потому что она послѣ пріобрѣла новыя понятія, заставившія ее думать о томъ противнымъ образомъ, нежели какъ она судила во время своего невѣжества. Слѣдовательно понятія, чрезъ которыя мы узнаемъ нравственность дѣйствій, есть просвѣщеніе, снисканное опытомъ и размышленіемъ.

2, Нѣкоторые Философы почитали *сопѣсть* въ самой ея сущности за такой родъ нравственнаго побужденія, которое безъ дальнаго разсужденія, безъ примѣчательнаго размышленія и безъ подробныхъ понятій, сравниваемыхъ въ разсудкѣ,

разсудкѣ, усматриваетъ нравственную доброту или зло дѣйствій, такимъ же образомъ какъ наши чувства опличаютъ чувственные качества тѣлѣ, и какъ мы на пр. опличаемъ пріятную осязанію мягкость кожи кроликовой отъ жесткости колющей кожи ежевой, а сверхъ того, что мы въ продолженіи времени можемъ извѣснить и причины сихъ различныхъ понятій по разсужденію свойства вещей и отношеній; посему они и по расположеніе души, которое подтверждаетъ нравственную доброту, назвали *нравственнымъ чувствомъ*.

Здѣсь довольно для насъ примѣнить только то, что опытъ показываетъ совсѣмъ прошивное сей Системѣ; ибо ежели мы не видали, какое вліяніе такое то дѣйствіе имѣетъ на наше совершенство и блаженство, или на совершенство и блаженство намъ подобныхъ; и если мы не знали согласія и противоположности концу вещей: то мы не можемъ и судить объ ономъ, поелику хотя и извѣстно намъ дѣйствіе со стороны Физической, однако мы не видимъ нравственности онаго; чтоже касается до вещей, какъ то, бархату и тюленя: то для возчувствованія пріятности, происходящей отъ перваго, и не пріятности отъ втораго, довольно только
 для

для насъ до оныхъ допронуться. Есть также и такія дѣйствія, коихъ сношеніе съ совершенствами и благополучіемъ разумныхъ существъ, есть столь непосредственное и ошутпительное, что довольно имѣть только понятіе о томъ дѣйстви, чтобъ усмотрѣть онаго нравственность; и такъ по сему и въкоторыя и покушались думать, что мы судимъ о вещахъ по врожденному побужденію. Мы не имѣемъ нужды въ дальнѣйшемъ разсужденіи для усмотренія сходственнаго или противнаго отношенія, состоящаго между нашимъ блаженствомъ и дѣйствиемъ челоѣка, который, когда мы спрашиваемъ у него, которой дороги надлежитъ намъ держаться, показывается намъ произвольно ту, по которой мы можемъ заблудиться, или который, когда бы ему кромѣ добра ничего не сдѣлали, хочетъ насъ умертвить, какъ бы вредное существо; правда, что преимущество отдаваемое нами тому, что мы почитаемъ нравственно добрымъ, есть дѣйствіе расположенія врожденнаго, а не выведеннаго изъ разсужденія, которое принуждаетъ насъ желать себѣ пріятнаго.

Но для сего необходимо должно намъ знать, что то въ самомъ дѣлѣ служитъ къ нашему сохраненію, совершенству,

шенству, выгодамъ или нашему удовольствію. Естли же не будемъ знать дѣйствія, и изъ онаго могущихъ произойти слѣдствій: то и предпочестъ ихъ другимъ не можемъ. Изъ чего слѣдуетъ, что *нравственное чувство*, коего мы допускаемъ бытіе, бываетъ управляемо познаніемъ сущности вещей, а не есть побужденіе, дѣйствующее безъ дальняго изслѣдованія.

3. Понятіе о нравственности какого либо существа не сходствуетъ съ познаніемъ непремѣнной необходимости дѣйствій; и такъ естли бы видѣ сходственности дѣйствій, усмотренный разумѣніемъ, опредѣлялъ всегда необходимо къ дѣйствованію волю, какъ зазженіе пороха выноситъ пулю, хопя она прошивится его выстрѣлу: то бы одно понятіе, находящееся въ душѣ лишило въ минушу ея вольности, и необходимо управляло бы ея дѣйствіями такъ, что не было бы болѣе ужè въ ней мѣста размышленію. Но мы здѣсь не станемъ вникать въ сію психологическую тайну, а представимъ только самое дѣйствіе относительно къ *сопѣсти*.

1. Не можно того отрицать, чтобы одобряемое *сопѣстію* дѣйствіе, коего она ясно видитъ нравственную сходственность и доброту, не было по-
нужда-

нуждаемо яснымъ усмотреніемъ сея сходственности. Предложите какому ни есть человѣку, лишь бы только онъ не былъ дуракъ или болѣзнію одержимъ, подробности какого нибудь дѣйствія, такъ, чтобъ онъ хорошо узналъ онаго сущность; представте ему слѣдствія сего дѣла, отношенія, находящіяся между виновникомъ дѣйствія и онаго предметомъ такъ, чтобъ онъ очень ясно видѣлъ отношенія, находящіяся между обоими: то и сходственность или несходственность дѣйствія ему представлятся, и его принудятъ одобритъ или охулитъ оное, смотря по сходственности или проотивности тому порядку, который для совершенства и благополучія разумныхъ существъ долженъ царствовать между оными. Послѣ чего онъ не можетъ ужè какого нибудь дѣйствія охулитъ, естли оно ему проотивно: подобно какъ судитъ, что *колкинта* (*), когда онъ ее жуеетъ, сладка, или что медъ горекъ, когда онъ не потерялъ вкуса.

2. Определенія нашей воли не всегда бываютъ согласны съ судомъ нашея совѣсти; мы часто дѣлаемъ совсѣмъ проотивное естественному порядку, ни ма-

ЛО

(*) Родъ дикой травы.

до не взирая на сообразность оному; мы позволяемъ себѣ въ разсужденіи другихъ то, чего не хопимъ, чтобъ они позволили себѣ въ разсужденіи насъ; и не стараемся сдѣлать въ разсужденіи ихъ того, что по мнѣнію нашему должны они дѣлать для насъ.

3. Однако мы никогда не поступаемъ противъ цѣли нравственной сходственности, развѣ когда какое присутствіе частной корысти, несходственное съ тою, которая происходитъ изъ нравственнаго порядка, насъ къ тому побуждаетъ. Настоящая польза какой либо страсти, желаніе увеселенія, сопряженнаго съ удовольствіемъ, часто отводятъ насъ отъ цѣли того порядка, который доставилъ бы намъ послѣ истинное удовольствіе. Неудовольствіе, случающееся иногда при исполненіи какой либо должности, или стараніе избѣжать какого худаго дѣйствія, часто отнимаютъ и то удовольствіе, кое могло бы произтечь для насъ изъ дѣйствія, признаннаго нами необходимымъ, и насъ отъ онаго отворачиваютъ. Но чтоже бываетъ въ такихъ случаяхъ? Мы не имѣемъ ни какого вниманія и къ тому, чего требуетъ порядокъ; мы устремляемъ наши взоры только на настоящее удовольствіе или неудовольствіе. И такъ

мы

мы не поступаемъ прошивъ яснаго, чи-
стаго и прямаго добра.

4. Мы всегда можемъ располагать
своимъ вниманіемъ, обращать оное на
какое нибудь разсужденіе, или отвра-
щать отъ онаго, пріобрѣтать размы-
шленіемъ гораздо яснѣйшее и живѣйшее
понятіе о нравственности какого либо
дѣйствія, или удаляться отъ онаго,
разсуждая объ ономъ со стороны Фисиче-
ской, и со стороны непосредственныхъ
и ближайшихъ онаго слѣдствій, хо-
тя намъ безъизвѣстно, что оное еще
имѣетъ другія важнѣйшія: чрезъ то
мы въ безсиліе приводимъ правленіе своей
совѣсти, и получаемъ навыкъ ея не слу-
шаться, и наконецъ не думать ни прежде,
ни послѣ дѣйствія, доброе ли оно бы-
ло или худое: чрезъ то самое доходимъ
до такого состоянія несовершенства
и развратности нравственной, источни-
ка злодѣяній, въ которомъ *совѣсть* бо-
лѣе въ насъ не дѣйствуетъ; мы не бы-
ваемъ уже существами нравственными,
изчезаетъ въ разумъ нашемъ понятіе о
нравственности, и мы поступаемъ какъ
скоты безъ размышленія, безъ страха,
безъ стыда и безъ угрызенія. И сіе по
состояніе у однихъ Нравоучителей на-
зывается *сномъ совѣсти*, а у другихъ *духо-*
вною смертію.

5. Можно однакожъ сказать, что человекъ иногда отваживается дѣлать противъ гласа и суда своего *сопѣсти*, но тогда токмо, когда по причинѣ слабаго своего разсужденія будетъ имѣть обѣ оныхъ збивчивое понятіе, и когда не довольно будетъ стараться проникнуть въ природу дѣйствій для подробнѣйшаго понятія ихъ нравственности; да изъ самаго правдоподобія слѣдуетъ, что человекъ никогда не можетъ рѣшиться произвести какое нибудь дѣйствіе, узнавъ напередъ нравственную онаго гнусность и вредъ; ибо въ самомъ дѣлѣ видѣть подробно всю сходственность какого либо добраго дѣйствія, есть усматривать, что нѣтъ другаго кромѣ онаго пристойнѣе, полезнѣе и нужнѣе для настоящаго времени; видѣть же нравственное зло какого либо дѣйствія, есть ясно усматривать, что все соединяется къ воспрепятствованію намъ въ ономъ; что мы поступили бы противъ собственной своей пользы, если бы оное учинили; что мы сами себѣ показали бы бесчестными, ненавистными и презрѣнными, если бы вдалились въ такой поступокъ. Поступать противъ столь яснаго суда, основаннаго на ясномъ и явномъ видѣніи нравственной сходственности, было бы имѣть въ одно и

то же время два одинъ другому противорѣчушія суда; одинъ, который судитъ, что дѣйствіе сіе сходственно, а другой, который признаетъ его несходственнымъ; и сіе по кажется бытъ невозможнымъ.

6. Случается также иногда, что мы судимъ вообще, что такое по дѣйствіе есть нравственно худое; но въ то же самое время судимъ, что по нѣкоторымъ частнымъ обстоятельствомъ, единственно къ намъ относящимся, мы оное допустить можемъ, хотя по оно само по себѣ и достойно хулы, и такое, которое бы мы поносили въ другихъ.

Можно съ подражателами Волфіевыми наименовать ту *сопѣсть полную*, которая судитъ о нравственности дѣйствій послѣ изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и разсужденій, могущихъ служить къ образованію оной въ такомъ особенномъ случаѣ; и намъ, спастись можетъ, возможно будетъ утверждать съ Волфіемъ, что человекъ, обладающій самимъ собою, не поступитъ никогда противъ суда *полной сопѣсти*. Смори Волф. *практи. псеовщ. Филос. часть 1. глава. 5 о сопѣсти.*

7. Можетъ случиться и то, что какое нибудь дѣйствіе, разсмаприваемое вообще, а не въ особенномъ какомъ случаѣ

чаѢ, представится вдругѢ худымѢ или добрымѢ, а послѢ того, не по заблужденію разсудка, но по особеннѣйшимѢ обстоятельствамѢ, совсѣмѢ перемѣнитѢ свое свойство. И такѢ говоря вообще, убитіе человѣка, есть дѣйствіе нравственно худое; но во многихѢ особенныхѢ случаяхѢ оно почитается нравственно добрымѢ. ТаковѢ случай есть праведная и необходимая оборона, копорой мы во вся не можемѢ избѣжать, не убивѢ усремляющагося на жизнь нашу разбойника или непріятеля. Ибо здѣсь человѣкѢ не можетѢ не вѣрить своимѢ разсужденіямѢ, когда страсти побуждаютѢ признавать свои дѣйствія законными. Страсти удобно насѢ ослѣпляютѢ, и весьма часто принуждаютѢ судить несходно сѢ тѣмѢ, какѢ бы мы могли судить вѢ безпристрастномѢ нашемѢ состояніи.

ИзѢ сихѢ примѣчаній, представляющихѢ намѢ нѣкоторымѢ образомѢ естественную Исторію *сопѣсти*, легко можно вывести цѣль оныя, такѢ какѢ и наши вѢ разсужденіи ея должности.

Самая природа *сопѣсти*, каковою мы ее описали, возвѣщаетѢ намѢ, къ чему ТворецѢ предѣизбралѢ ее; то есть, чтобѢ она служила вождемѢ нашей дѣятельности, и чтобѢ мы, избѣгая всего того, что противно природѢ, состоянію

отношеніямъ и предопредѣленію вещей, поступали согласно съ сущностію тварей, могущею доставить и умножить совершенство и блаженство существъ разумныхъ; словомъ поступали бы такъ, чтобы во всѣхъ нашихъ поступкахъ соотвѣтствовали предположенному концу.

Богъ благоволилъ, чтобы люди были существами нравственными, способными къ добродѣтели, и достойными почитанія, похвалы и награжденія.

Ничто не можетъ быть добрымъ, что несогласно съ природою вещей, принимая сіе слово въ обширнѣйшемъ его смыслѣ.

Но дабы человекъ могъ согласить свои дѣйствія съ сею природою, то надлежало ему знать всѣ существа, могущія быть предметомъ его дѣйствій; и для сего онъ получилъ *разсудокъ*. Надлежало ему быть такъ расположену чтобы онъ могъ одобрять сообразное съ оною; для сего онъ получилъ *нравственной смыслъ*. Наконецъ надлежало, чтобы онъ былъ въ состояніи по своему произволению дѣлать то, что онъ найдетъ непротивнымъ оной природѣ вещей; для сего имѣетъ онъ *волю*. Но если бы онъ долженъ былъ поступать по необходимости, то бы поступки его не были болѣе добродѣтелью, которая есть слѣдствіемъ его выбора, но дѣйствія физическія

скія, слѣдствія необходимыя его состава, за которыя онъ не заслуживалъ бы ни какой любви, ни почитанія.

И такъ онъ одаренъ былъ *нравственною свободою*, по которой онъ можетъ слѣдовать или проповишься гласу *сопѣсти*. Однако при всемъ томъ естли бы сво бода сія не была ограничена въ поже самое время прости-ралась досамаго одобренія, приписываемаго имъ сходственності, или охуленія, того, что онъ признаетъ проповнымъ оной: то бы добро и зло было для него равно, и прилѣпившись къ добру, ничѣмъ бы не могъ бытъ отторгнутъ отъ онаго. Съ другой же стороны, ежели бы онъ совсѣмъ былъ расположенъ къ добру, и никакое побужденіе не склоняло воли его къ злу: то склонность его къ нравственно доброду не была бы ни свободна, ни добра.

И такъ человекъ составленъ такимъ образомъ, что не можетъ не хвалить добра, какъ скоро его узнаетъ, и не чувствовать, что оно предпочтительнѣе злу; а ежели съ другой стороны и зло представляется ему въ пріятномъ и прелестномъ видѣ: то тогда воля его имѣетъ случай дѣлать выборъ между порокомъ и добродѣтелію, которую предспавляетъ намъ *сопѣсть* единствен-

но доброю, сходственною, почтенною и дѣйствительно полезною; а страсти и привычка часто представляющъ намъ порокъ въ такомъ видѣ, который пріятностію своею заставляешъ насъ желать онаго.

Во многихъ случаяхъ сіе изысканіе и сіе наслажденіе сходны бывающъ съ шѣмъ, что совѣсть одобряетъ; но часто, чрезъ послѣдованія переменяющихся обстоятельствъ и различныхъ отношеній, они бывающъ между собою несогласны, и отвращающъ или существа, предметы нашихъ дѣйствій, или насъ самихъ отъ точнаго нашего предопредѣленія и цѣли, къ которой должны мы стремиться для соблюденія нравственнаго порядка. *Совѣсть* должна въ семъ случаѣ разбирать и опредѣлять волю къ тому, что единственно сообразно съ правилами сходственности: но какъ сему можно быть, естли съ одной стороны мы не знаемъ сихъ правилъ, и естли съ другой, мы не сносимъ сихъ разсужденій съ нравственностію дѣйствій? ибо безъ просвѣщенія сіи разсужденія могутъ быть ложными; а безъ навыка управлять собою по ихъ заключеніямъ, будутъ бесполезнымъ умозрѣніемъ. Посему должны мы просвѣщать нашу совѣсть и поступать по ея совѣтамъ

шамъ. Въ сихъ двухъ случаяхъ чело-
вѣкъ наслаждается неоспоримо всею на-
лежащею свободою, и можно на него
возлагать обязательства и предписы-
вать законы.

Не спорно, что въ глубокомъ невѣжествѣ
находящіеся люди всегда прощаютъ дѣй-
ствительныя погрѣшности, которыя суть
невѣжества слѣдствіемъ; но здѣсь весьма
нужно примѣнить, что такое невѣжество
въ началахъ нравственности весьма рѣд-
ко случается; онаго не видно въ пра-
вилахъ, но токмо при особенныхъ случа-
яхъ. Снисканныя познанія, посредствомъ
которыхъ можно судить о томъ, что
нравственно доброе или худое, не пре-
буютъ ни глубокихъ размышленій ни
неусыпныхъ изысканій. Опытъ насъ топ-
часъ научаетъ какія отношенія мы имѣемъ
къ другимъ существамъ, и какое влі-
яніе они могутъ имѣть надъ нами,
такъ какъ и мы надъ ними. Сей опытъ,
присоединенной къ нѣкому изслѣдова-
нію свойства вещей, вдругъ открываетъ
намъ предопредѣленіе оныхъ; а наше
собственное чувствованіе показываетъ
намъ, къ чему мы предопредѣлены.
Узнавъ же изъ опытовъ, какое физиче-
ское слѣдствіе имѣютъ наши дѣйствія,
мы весьма удобно можемъ судить и

о томъ, могутъ ли оныя споспѣшествовать нашему совершенству, и нашему собственному и другихъ блаженству; а полагая себя на мѣсто подобныхъ намъ, очень легко можемъ видѣть, какъ должны мы судить о своихъ въ разсужденіи ихъ, и объ ихъ въ разсужденіи насъ, дѣйствіяхъ. Кромѣ сихъ источниковъ просвѣщенія, который мы почерпаемъ нѣкоторымъ образомъ внутрь самихъ насъ, мы находимъ ихъ изобиліе въ наставленіяхъ, получаемыхъ нами отъ своихъ родителей и другихъ людей, съ коими живемъ мы въ обществѣ; или въ законахъ обнародованныхъ избранными на сіе отъ вышшихъ. Но обильнѣйшій источникъ нравственныхъ познаній находится въ откровеніи премудраго Строителя вселенныя. Все провозвѣщаетъ намъ бытіе его, все доказываетъ намъ его совершенство, все даетъ намъ чувствовать власть его надъ нами и зависимость нашу отъ его могущества и воли, и наконецъ все подтверждаетъ намъ его повелѣнія, какъ необходимое правило нравственной сходственности. Известно, что изъ всѣхъ наукъ нѣтъ ни одной, которой бы познаніе было удобнѣе, какъ нравственность, что чело-вѣкъ ни въ одномъ случаѣ точно нравственномъ не можетъ совсѣмъ быть несвѣ-

несвѣдущимъ въ качествѣ своихъ дѣяній, и что невѣжество его будетъ всегда слѣдствіемъ его нечувствительности, невниманія, или воли, нехотѣвшей о томъ размышлять. Но здѣсь примѣчать должно, что сіе подтвержденіе относится только къ тѣмъ естественнымъ дѣйствіямъ, кои имѣютъ отношеніе къ человѣку въ его природномъ состояніи и отношеніяхъ, а не къ тѣмъ новымъ дѣйствіямъ, кои открываются чрезъ новыя отношенія, пріобрѣтаемыя посредствомъ однихъ только наукъ, изъ коихъ произтекаютъ правила сходственности, предписываемыя одною только природою. Почему *сопѣсть* въ новыхъ сихъ отношеніяхъ судитъ столько, сколько ей будетъ правилами предписано. Частныя законы обществъ суть источники, изъ коихъ можно почерпать новыя сіи познанія, въ разсужденіи коихъ можно быть въ глубокомъ невѣдѣніи. Говоря собственно, сіи частныя обязательства не суть дѣйствія *сопѣсти*, и оныя вообще токмо къ оной относятся; поелику *сопѣсть* спремится къ споспѣшествованію порядка, установленнаго въ томъ частномъ обществѣ, къ которому мы имѣемъ отношеніе; и такъ она требуетъ, чтобы мы знали сіи правила, дабы при

наблюденіи оныхъ могли мы сообразоваться съ оными.

По чему должно всякому человѣку сколько можно стараться просвѣщать совѣсть свою, дабы привести ее въ состояніе узнавать во всякомъ случаѣ, что хорошо и что худо, что сходственно съ естественнымъ порядкомъ, и что несходственно.

Цѣль просвѣщенія нашей совѣсти есть то, чтобы получить себѣ вѣрнаго путеводаителя въ дѣланіи того, что есть доброе и необходимое, и ради удаленія отъ того, что есть худое и противное естественному порядку. И такъ должно, чтобы человѣкъ слѣдовалъ въ поведеніи своемъ совѣщамъ своей совѣсти. Вотъ вторая его должность въ разсужденіи началъ нравственности!

И въ самомъ дѣлѣ, какое можемъ мы имѣть въ семъ случаѣ руководство, если не внутреннее чувствованіе нашего суда о сходственности или несходственности нашихъ поступковъ? Ибо какъ мы рѣшимся сдѣлать какое либо дѣйствіе, если не чрезъ познаніе, что оно хорошо и сходственно? Что насъ отъ онаго отвратитъ, если не познаніе, что оно худое, и несходственное? Точный знакъ худобы будетъ

дешъ , когда мы , представляя себѣ какое либо дѣло худымъ , въ ту же самую минушу дѣлаемъ оное ; такъ какъ и истинной знакъ небытія добродѣтели состоитъ въ отрицаніи отъ дѣйствія , въ самую ту минушу , какъ оное представляемъ себѣ добрымъ и сходственнымъ . На чѣмъ бы совѣсть ни утвердила своего суда , только бы рѣшительно , т. е. какъ скоро признаетъ она , что такое то дѣйствіе есть доброе и сходственное съ порядкомъ : то человекъ обязанъ оное сдѣлать ; а какъ скоро она признаетъ его худымъ , то не можно онаго себѣ позволить , не подвергаясь обвиненію . Изъ всѣхъ несовершенствъ разумнаго существа нѣтъ больше , какъ склонность поступать противъ того , что почитается сходственнымъ . Сіе также есть прямой способъ учиниться злосчастливымъ по самой природѣ вещей , не говоря совсѣмъ о томъ , чего мы должны опасаться въ разсужденіи существа , предписавшаго намъ законы естества и совѣсти ! поелику , восходя къ самому источнику нравственности , находимъ , что всякое дѣйствіе , предписанное естественными законами , есть путь , ведущій къ совершенству и счастію ; а все то , что оныя возбраняютъ , есть причина нашего несовершенства и злосчастія .

Есть

Естьли бы *совѣсть* не была подвержена заблужденію въ своихъ рѣшительныхъ судахъ: то бы мы ничего не могли сдѣлать разумнѣе, какъ повиноваться ей безъ замедленія; но какъ она можетъ обмануться: по сему всякъ человекъ не желающій учинить зла, долженъ испытывать, сколь долго можетъ онъ давать себѣ отчетъ въ своемъ судѣ. Часто въ такомъ испытаніи онъ можетъ усмотрѣть, что одобреніе, приписываемое имъ какому либо дѣйствию, есть слѣдствіе одного только предразсужденія и страсти, а не точной цѣли нравственной сходственности. Въ семъ случаѣ мы должны входить въ подробнѣйшее испытаніе сего дѣйствія, и сравнивать оное съ правилами довольно извѣстными, а наипаче съ тѣми, по коимъ бы мы сами судили, естьли бы были предметомъ, а не виновниками сего дѣйствія. Симъ способомъ мы можемъ достигнуть къ несумнительному доказательству, которое увѣритъ насъ своею ясностію; и тогда то ужѣ мы должны не сомнѣваясь слѣдовать тому, что предписываетъ совѣсть; но когда усумнимся что дѣло, которое должно исполнить, не терпитъ ни малѣйшей отсрочки: то должны мы рѣшиться на то, что намъ
кажется

кажется принесетъ величайшую дѣйствительную пользу. Если же оно будетъ претерпѣвать отсрочки, то осторожность и страхъ, чтобы не погрѣшить, велятъ намъ оставить наше дѣйствіе до того времени, пока тщательное испытаніе не объяснитъ нашихъ сумнѣній. А дѣйствовать прежде сего испытанія, есть показывать, что мы мало печемся о томъ, хорошо ли или худо дѣлаемъ; что за ничто почитаемъ порядокъ; что мало имѣемъ уваженія къ законодателю, и что его спасительнѣйшія предписанія дерзновенно нарушаемъ.

Бываютъ же по большей части такіе случаи, въ коихъ состояніе *сопѣсти* кажется несомнительнымъ, и мы чувствуемъ въ себѣ расположеніе къ вѣщшему одобренію одной стороны, нежели другой, что и называется *цѣрвятнымъ судомъ сопѣсти*; сему по случаю весьма часто подвержены бываютъ лѣнивцы и рабы своихъ склонностей, своей привычки, обыкновеній и предразсужденій. Ибо хотя они ни мало не вникаютъ въ самую природу дѣйствія, и не имѣютъ подробнаго понятія о его нравственности; и хотя дѣйствіе оное всѣми почти вообще принято, и часто случаясь сдѣлалось неукоризненнымъ, льстящимъ какойнибудь нашей страсти, согласующимся

сѢ

съ нашимъ предразсужденіемъ, а сверхъ того и такимъ, которое люди при-спраспившіеся и занятые онымъ со-вѣшуютъ: однакоже чувствуютъ они, что оно не имѣетъ дѣйствительной сообразности съ естественными поня-тіями того порядка, коему мы въ дру-гихъ случаяхъ слѣдуемъ; но спраспи-чувствованіе сіе преодолеваютъ, и оное чрезъ небреженіе остаётся безъ разсмо-тренія: и тогда то они предаются сво-ему стремленію, но все не безъ нѣкото-раго тайнаго чувствованія, что такое то дѣйствіе есть худое, и что должно бы было его презрѣть. Правая душа никог-да не будетъ судить такимъ образомъ.

Человѣкъ совѣстный всегда желаетъ имѣть опчетъ въ своихъ рѣшимостяхъ; онъ желаетъ подробно узнать нрав-ственную своихъ дѣйствій; при-мѣры, употребленіе, спраспи, при-нятыя предразсужденія и рѣшенія коры-столюбивыхъ никогда не бываютъ пред-метомъ его *сопѣсти*; онъ по учиненіи какого либо дѣла; не вдругъ бываетъ спокоенъ; онъ не рѣшится дѣлать что либо, не узнавъ прежде, что оно есть доброе въ самомъ себѣ; и никогда не сдѣлаетъ того, о чемъ можно бы было сказать: *можетъ быть, что онъ, дѣлая сіе, худо дѣлаетъ.*

Также

Также разумный человекъ, любящій порядокъ, руководимъ будучи чистою совѣстію, обыкновенно ни мало не сомнѣваясь слѣдуетъ ея совѣтамъ; онъ, прежде нежели приступитъ къ дѣйствию, пребудетъ совѣта у нее, равно какъ и послѣ дѣйствія; но когда бы спраспи склоняли его на свою сторону, то онъ можетъ тогда дѣйствовать по ея совѣтамъ безъ дальняго о томъ размышленія; по учиненіи же сего дѣйствія, душа его, будучи спокойна, судитъ гораздо справедливѣе о нравственности онаго. Но можно ли въ семъ случаѣ осуждать его? Онъ заглаживаетъ, естли возможно, свою погрѣшность, и впредь бываетъ гораздо осмотрительнѣе. Симъ, симъ единственно средствомъ, дѣлается человекъ честнымъ, добрымъ и совѣстнымъ. Ежели же онъ презритъ совѣты *своея совѣсти*, и пріобыкнетъ слѣдовать слѣпо своимъ желаніямъ: то чрезъ сіе уменьшаетъ въ себѣ добродѣтель, порокъ возвышаетъ, дѣлается неразумнымъ, а на конецъ совершенно злымъ безъ страха и угрызенія.

Простой разумъ и Евангеліе открываютъ намъ правила, касающіяся до совѣсти. Законъ Христовъ, данный роду человѣческому къ утвержденію владычества естественныхъ законовъ, которые не

не предписываютъ намъ ничего напраснаго, всегда ссылается на нашу *совѣсть*; представляетъ намъ оную, какъ гласъ Божій, и объявляетъ наконецъ, что всѣ дѣла наши, сдѣланныя противу совѣсти, суть грѣхъ. Ее то Евангеліе представляетъ намъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ; судією, который обвиняя или осуждая насъ, пишетъ внутрь насъ законы святости, коей Богъ отъ людей требуетъ; законоподавателемъ, который все то, что дѣлается безъ его соизволенія, или противъ его предписаній, вменяетъ въ грѣхъ; свидѣтелемъ, коего оправданіе есть залогомъ оправданія Божія; совѣтникомъ, коего совѣты мы должны свято исполнять и тогда, когда онъ ошибается; ибо тотъ, который поступая по онымъ, думаетъ, что онъ худо дѣлаетъ, бываетъ достоинъ обвиненія, какъ скоро ошибается въ своемъ судѣ.

И такъ совѣсть должна управлять нашими дѣйствіями, а мы должны просвѣщать ее, дабы предупредить заблужденія ея суда; и мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ безъ наказанія презрѣть подаваемыхъ ею намъ совѣтовъ.

II.

МЫСЛИ ПОЧЕРПНУТЫЯ
Изъ бесѣды С. Іоанна Златоустаго, ко-
торую имѣлъ онъ Іюля цв 12 день.

Коль хочешь, я тебѣ повѣдаю причину,
Для коей съ ужасомъ дней нашихъ зримъ кончину.
Конечно для того, что жизнь въ грѣхѣ влечемъ,
Что добросовѣстно на свѣшѣ не живемъ,
О добродѣтели раченья не имѣемъ,
И побѣждать спрасней позорныхъ не умѣемъ;
А естлибъ мы о всемъ семъ тщательно брегли,
Бояться смерти мы конечно не могли.
Лишеніе богатствъ сердецъ бы не смущало,
Лишенье счастья душибъ не устрашало;
Для добродѣтели въ сей жизни спреха нѣшѣ;
Съ надеждой сладкою кпо благъ небесныхъ ждемъ,
Земныя бѣдствія того не сокрушающъ,
Всѣ скорби жизни сей мгновенно пролешающъ.
Но можешъ ли о чемъ скорбѣшь пошѣ человекъ,
Во добродѣтеляхъ ведешъ который вѣкъ?
Сокровищаль его случашся похищенны,
Они на небесахъ ему угошвленны.
Иль изъ опечества его кпо изженешъ,
Онъ въ вѣчное свое опечесство преидешъ;
Оковы ль на него препяжки наложашся;
Но кб совѣспи его они не пріобщашся;
Опѣ внушренныхъ оковъ кпо могъ себя сблюспи,
Оковы внѣшнія легко тому снеспи,
И шѣло кпо его восхощешъ испребиши,
Воскреснешъ паки онъ, и паки будешъ жиши;
Когда бы съ шѣнями сразился человекъ,
Сражаясь съ ними ихъ не побѣдилъбы въ вѣкъ,

Безъ пользы язвы бы его упошребились,
 Сразившемусь во вредъ онѣ бы обратились:
 Подобно съ праведнымъ сразисься кто дерзнетъ,
 Не уязвивъ его, себѣ наноситъ вредъ.
 И такъ коль хочешь ты къ убивству устремиться,
 Дерзай прошивъ меня мечемъ вооружиться!
 Убивства щещнаго ни мало не спрашусь,
 Я имъ къ небесному селенью вознесусь.
 Одно повергнушь насъ достойно лишь въ печали,
 Что мы грѣхомъ себя отъ вѣчныхъ благъ умчали.
 Ты смертію души своей не возмущай,
 Не смерть свою, свой грѣхъ слезами омочай;
 Попщись изгнать его раскаяньемъ пощись,
 Попокомъ горькихъ слезъ омышь его спремися;
 Печаль на то одно, на то сотворена,
 Чтобъ заглаждениемъ грѣховъ была она.

 II.

АРИСТИДЪ,

Разсуждающій о политическихъ дѣлахъ.

По препровожденіи знаменитаго дня,
 по причинѣ одержанной побѣды на Ма-
 раѳонскомъ сраженіи, Аѳины спѣшили
 поставить Аристида главою Сенаата.
 Граждане думали, что они должны какъ по
 справедливости, такъ и ради пользы своей
 поставить его главою въ святилищѣ право-
 судія. Достоинство Архонта было не сла-
 вное шило, вымышленное суетою къ воз-
 выше-

вышенію ничтожества: но шило человѣка любящаго правосудіе, и знающаго единую истинну. Аристидѣ сіе исполнилѣ. Во все теченіе правленія своего велѣ онѣ гражданина на путь блаженства, такѣ какѣ и война привелѣ въ необходимость быть мужественнымѣ на сраженіи, и презираѣ корысть въ побѣдѣ.

Люди суть таковы, каковыми ихѣ учинитѣ желаютѣ, говорилѣ онѣ нѣкогда другу своему Клисѣену. Способѣ, которыми управляютѣ ими располагаетѣ и прилѣпляетѣ ихѣ къ добру или злу. Число недовольныхѣ, когда люди надлежащимѣ образомѣ бывають управляемы, такѣ велико, что, естли число несчастныхѣ вситѣ въ Государствѣ столько, что сіе неклонится къ благоденствію: то безѣ сомнѣнія, республика или Царь виновенѣ, или правленіе порочно. Послѣднее должно ствуетѣ пещись въ своихѣ дѣлахѣ единственно о народномѣ благосостояніи. По провидѣніи боговѣ, законѣ, утверждающій Имперіи, составляетѣ оныхѣ блаженство.

Но развѣ есть порочныя правленія, прервалѣ Клисѣенѣ? Другѣ мой, опѣчалѣ Аристидѣ, что подумаешь ты о нихѣ, когда увидишь, что они употребляютѣ взаимно свои силы къ истребленію другѣ друга, и удаляются толь далеко отѣ природы, которую

единственно должны они приводить въ совершенство?... — Они получаютъ отъ того выгоды, прибавилъ Клисѣенъ ... — Другъ мой, а я думаю, что есть нѣчто болѣе выгоды: — если бы одно правило было надъ всѣми сообществами, если бы оно управляло путемъ ихъ: что могла бы корысть противъ бодрствованія и силы? Общій и частный порядокъ былъ бы оныхъ предметомъ и концемъ, и не только сей конецъ не полагался бы въ обогащеніи тѣхъ и другихъ; но онъ бы былъ только линією государствъ оборонительною и наступательною противъ врожденнаго и общаго порока, которой безпрестанно готовитъ имъ паденіе. Пускай кто какъ хочетъ умствуетъ въ политикѣ о различіи и не устройствѣ Имперій; пускай представляетъ ихъ себѣ сопавленными на подобіе твореній природы; пускай приписываетъ симъ умовоображаемымъ тѣламъ, жизнь, способность и силы сходственные съ тѣми, коими одарены тѣлесныя существа; пускай предположитъ въ нихъ ту же дѣйствительность и такое же право сохранять себя: со всѣмъ тѣмъ никогда не оправдятся средства, употребляемая къ удержанію оныхъ въ своихъ правахъ, къ славѣ и предохраненію тѣхъ политическихъ. Народъ

мо-

можетъ избрать себѣ правителя, но по какому праву сей правитель, сей народъ можетъ угнѣтать прочіе народы, не имѣющіе другаго ига къ ношенію, кромѣ ига работы? Народы, которыхъ человечество связываетъ, которыхъ природа дѣлаетъ почтенными, и коихъ воля удаляетъ еще болѣе, нежели нравы, земля и моря; народы наконецъ, которые не хотятъ ни завоеваній ниже зависимости: и такъ довольно ли одной зависти къ тому, чтобъ имѣть право худо поступать съ опущами и покорять дѣшей? Сей законъ сильнѣйшаго есть самое слабое право, какое только могла родить испорченная природа. Должно быть или разбойнику, или глупцу, дѣлать все, когда въ состояніи все сдѣлать. Я понимаю, что можно быть утѣсненнымъ, но чтобъ люди унизили себя до того, чтобъ они шепетали даже предъ человекомъ, и при звукѣ узъ забывали священное имя вольности; по знай Клисѣенъ, что Аѳинянинъ о томъ не помышляетъ, не явя презрѣнія къ невольникамъ, и вѣчной ненависти къ тираннамъ.

Но почитать такимъ образомъ корону, не значитъ ли помрачать сіяніе оной? спросилъ Клисѣенъ. Царь царствуетъ надъ вольнымъ народомъ, опуществовалъ Аристидъ: это есть законъ

приличный Трону, когда по оному повелѣваюшѣ, подданный повинуется, не ползаетъ. Неограниченный владѣтель, касающійся скиптру, есть пастухъ, который поднимаетъ посохъ ..... Государь не можетъ ливо зло употребить свою власть? что же тогда дѣлать? ..... Покориться и лишь слезы; слезы тогда становятся свидѣтельствомъ и всегдашними упреками на его забвеніе. Каковъ бы подданный ни былъ, онъ всегда есть токмо тѣнь могущества. Когда ужѣ учинена присяга и дана вѣрность, въ какой бы ты степени ни приблизился къ Трону, прикосновеніе къ оному есть оскверненіе. Возмущитель есть вѣроломецъ, стыдъ Государя и ужасъ государства. Отраженный лучъ высочайшей власти, долженствууетъ устрашить сердце и вкоренить въ него долгъ. Болѣе скажу еще, если бы я жилъ подъ правленіемъ Государя, хотя и такого, которой бы достоинъ былъ моего презрѣнія, однакожъ я его признавалъ бы; и хотя бы послѣ мнѣ слѣдовало принести себя на жертву, если бы мнѣ силы мои дозволили, пронзилъ бы всякаго кто бы ни обагрися его кровію. Нѣтъ ничего священнѣе Государя, ничего нѣтъ мерзостнѣе бунтовщика.

Такимъ образомъ , говоритъ Клис-
еенъ , Самодержецъ можетъ быть осуди-
теленъ , не бывъ никогда осужденъ ?
Другъ мой , надъ нимъ есть судія . . . —
Кто такой ? — Законъ . . . — Презрительно ;
но кто исполнитъ его опредѣленіе и
приговоръ ? . . . . . Которые опредѣлены
были внести условія въ договоры . . . .
И это изрядно ; но есть государства ,
которыя , учинивъ обязательства предъ
олтаремъ , ввѣрили оныя Государю ; . . . .
Можетъ быть у нихъ - то они ни малѣйше
не повреждены . . . . . Да для чего ? Для
того , что польза Государя требуетъ
не употреблять ихъ во зло . Сверхъ того
Боги . . . . . Государи также подлежатъ
власти и имѣютъ совѣсть . . . . .

Такъ : но еслили сіи причины пред-
упреждаютъ и избавляютъ отъ Деспо-
тизма и Тиранства , то по крайней мѣрѣ
онѣ весьма слабы къ завоеваніямъ . Государь
любимый и республика также , съ мужест-
венными гражданами , весьма сильны . Лю-
бовь соединяющая ихъ , и желаніе себя
возвысить весьма бѣдственны для наро-
довъ , коимъ они завидятъ . . . . . Это не
есть причина налагать свои законы на лю-
дей имѣющихъ собственные . Клисѣенъ !
кто можетъ побѣждать , тотъ еще
не имѣетъ права на завоеванія . Безпредѣль-
ная власть была бы обидою цѣлому свѣту .

Добродѣтель, правосудіе, любовь: вотъ все, и сего довольно для Республики и Государя; живое и дѣйствительное правило къ достиженію блаженства возбуждаетъ безъ насилія, и сохраняетъ неразлучая.

Сіе значитъ вступать въ тяжбу со многими правительствами..... Ты обманываешься, другъ мой, сіе значитъ внушить всѣмъ, что должно придерживаться своего права и оправдать свое происхождение стараніемъ о благосостояніи подданныхъ. Коликое число несчастныхъ отъ *Цекропса* до *Кодра*! сколько слезъ пролило со временъ *Медона* до *Алкмеона* за пренебреженіе того или другаго! Скиптръ былъ бы еще въ *Аѳинахъ*, естли бы носившіе оной соединили нашихъ опцевъ любовью и благодареніями; естли бы пребывъ вѣрными честности, человѣчеству, вѣрности своей, они только старались управлять. Цари, другъ мой, имѣютъ полную власть къ устрашенію подданныхъ; но привлечь ихъ къ себѣ они могутъ единою любовью. Сіе такая истинна, которая бы должна быть начертана на всѣхъ пронахъ и во всѣхъ судилищахъ. Отъ оной зависитъ блаженство міра. Представь себѣ, *Клисеень*, міръ раздѣленный на три совершенно равныя части, три правыя ноги равно стоящія на *ипотенусѣ*, и три правыя руки, держа-

держащія скиптръ міра..... Ну изрядно! ..... Блаженство смертныхъ , обитающихъ на немъ , зависитъ отъ равновѣсія. Какъ скоро увидишь слезу , будь увѣренъ , что одна нога утѣсняетъ остальные , что одна рука или двѣ уступили , и что скиптръ наклоняется. Вотъ изображеніе всѣхъ правительствъ ! Слезы , проливаемые отъ нихъ , подрываютъ рано или поздно основаніе , и причиняютъ паденіе скиптру , или встанутъ на руку управляющую имъ. Когда предположишь одну , двѣ или три , онѣ подтвердятъ правило безъ исключенія.

Примѣръ твой доказываетъ свое свойство , прибавилъ Клисѳенъ ; три руки держатъ крѣпче скиптръ , и три ноги твердѣйшее основаніе..... Другъ мой , говоритъ Аристидъ , я Аѳинянинъ ; но когда исчисляю осмнадцати государей въ Аѳинахъ ; а только тринадцати Архонтовъ безсмертныхъ , и при томъ разсуждаю , что отъ одного градуса менѣе или болѣе тяжести , или силъ , потерялось бы равновѣсіе у трехъ какъ у одного ; то мнѣ не остается болѣе ничего сказать , и я совѣтую одному , такъ какъ и премъ , слѣдовать правилу къ содѣланію себя безсмертными..... Весьма трудно..... Менѣе , можетъ быть , нежели сколько ты воображаешь:

жаешь : когда что узаконяется , должно исчислить тѣ выгоды , которыя сіе узаконеніе принесетъ , вмѣстѣ съ злоупотребленіями , могущими произойти отъ него , и менѣе стараться узнать первыя какъ и о томъ , чтобъ не обмануться на другихъ . Есть нѣкоторыя трудности , которыя могутъ задержать дѣйствіе оваго , равно какъ и средства , помощію коихъ можно избѣжать обмана ; должно стараться предусмотрѣть оныя и предупредить . Оно имѣетъ нѣкоторыя сношенія съ нравами и предразсужденіями ; должно ихъ свѣситъ и уважить , все же сіе не невозможно . Когда все усматривается въ гражданинѣ , то всегда есть предѣлъ , на которомъ благо весьма не много смѣшивается съ зломъ .

На примѣръ : дѣло идетъ о налогахъ для нашего защищенія и нашихъ надобностей : Сенатъ на меня возложилъ оное ; думаешь ли ты , что я буду цѣнить головы , и налагать печать рабства на чело Грековъ ! или наложу оной безъ разбору на владѣнія ? Нѣтъ , нѣтъ ; еслии никогда не позволено было никакому человѣку , хотя бы онъ носилъ на главѣ вѣнецъ , унижать себѣ подобнаго даже до рабства ; ни человѣкъ , ни земля не суть собственность правленія . Впрочемъ способности чело-
вѣче.

вѣщества полезныя и трудолюбныя перемѣняются по мѣсту и времени, и мнѣ весьма извѣстны ихъ перемѣны, во всемъ, что зависитъ отъ природы и счастія, и онѣ великую силу имѣютъ на тѣхъ, которые бываютъ имъ подвержены такъ, что трудно ихъ различить и предупредить столько, сколько я могу. Чувствительная разность находится между земледѣлемъ и самою землею двухъ сосѣдственныхъ деревень; какая же должна быть между Віопією и Фокидою, Доридою и Мегарою? Земледѣлецъ долженъ гораздо большія издержки дѣлать въ однихъ, нежели въ другихъ изъ сихъ Провинцій: когда земля требуетъ большаго упущенія, она требуетъ тогда большаго числа орудій, скопа, рукъ, а все сіе стоитъ издержекъ; но если бы онѣ былъ до половины разоренъ налогами, какъ бы могъ оправиться чрезъ жатву? плодоносіе земли всегда соразмѣрно бываетъ работѣ хлѣбопашца. Есть такія мѣста гдѣ она требуетъ токмо сѣмени для произведенія, и гдѣ владѣлецъ разоренный могъ бы прійти въ прежнее состояніе въ не продолжительное время; въ другихъ же мѣстахъ онѣ не могъ бы исправиться въ теченіе полувѣка. И первыхъ то должно призывать на помощь къ

кѢ другимѢ, такѢ какѢ они всѢ призываются на помощь отечеству.

Конечно, прервалѢ КлисѣенѢ, но шѢ, кои заплашашѢ болѢе, не попотребуютѢ ли большаго себѢ уваженія и преимуществѢ? . . . . Преимущество? Бѣдные Аѣиняне, естѢли они отдадутѢ преимущество, другому чему, кромѢ добродѣтели! ТотѢ, который даетѢ одно, будучи не вѢ силахѢ болѢе дать, не толико ли же старается, какѢ и тотѢ, который даетѢ сто? Что касается до меня, я почитаю его болѢе; онѢ отдаетѢ почти и необходимое себѢ; междушѢмѢ какѢ другой еще не истощаетѢ своего и излишняго. ПожалѢемѢ о немѢ другѢ мой, что онѢ не можетѢ больше сдѣлать. Такой вздыхая о своемѢ отечествѢ, употребляетѢ свои шруды и свое мужество на вспоможеніе ему, вѢ самое то время, когда богачь не сѢ инымѢ намѣреніемѢ ему служашѢ, какѢ для пріобрѣтенія права пожрать оное. КлисѣенѢ! я никогда не забуду того Леонтійскаго старца, который сыну своему велѢлѢ сковать копье изѢ своей сѢкиры; и не безѢ умиленія напоминаю себѢ сего юношу, который не получивши и ничего вѢ наслѣдство кромѢ рукѢ, и желая изѢявить радость побѣдоносному своему отечеству, предложилѢ оныя кѢ услугамѢ на три дни, на публичной площади, для пер-

первой вдовицы, которой супругъ лишился ихъ на Мараѳонскомъ сраженіи. Я Архонтъ, должность моя зовешъ меня въ села для окладнаго сбора, и я увижу весьма многія доказательства какъ того, такъ и другаго. Кажется мнѣ, что я уже слышу ропотъ дворянъ и жрецовъ, изрыгаемый прошивъ моихъ дѣяній; но я не имѣлъ желанія быть возведенъ въ сіе достоинство; такъ будь увѣренъ, что мои дѣйствія мнѣ не будутъ стоить грызенія совѣсти. Благо государственное есть общее сокровище; каждой изъ гражданъ долженствуемъ вносить въ оное свои услуги и дарованія: имена, титла не перемѣняютъ ни людей ни владѣнія. Цѣна зборовъ ничего не имѣетъ общаго съ чинами, ниже налоги съ состояніемъ; они касаются токмо до богатства, а богатство хранится въ Аѳинахъ, когда оное необходимо къ защищенію. Изъятія должны только имѣть мѣсто въ необходимостяхъ и ревности. Я не знаю ничего такъ нелѣпаго, какъ исключать отъ тягостей сына за отцовскія услуги, или жреца, по тому что его должность состоитъ въ призываніи боговъ на помощь отечеству.

И такъ ты наложишь подати на земли токмо? спросилъ Клисѳенъ. Другъ мой, хочешь ли ты, чтобъ Аристидъ

спидѣ сдѣлался жестокимъ? Для сбереженія нашихъ владѣній, долженъ ли я лишиться землю рукъ, въ которыхъ она имѣетъ нужду? Налогъ на самовужнѣйшія вещи, есть тиранство. *Перепродавать государству земные плоды, значитъ изторгать у него сыны; лишить его средствъ нужныхъ къ сохраненію себя, есть постать противъ его бытія.* Человѣкъ имѣлъ право содержать себя до законовъ; онъ не можетъ лишиться бытія онаго введеніемъ ихъ. Обратись къ Персамъ: естли Дарій не престанетъ истощать у нихъ пропитанія: то вскорѣ его области останутся безъ силы, такъ какъ подданные его безъ хлѣба. Изъ людей убогихъ сдѣлаетъ онъ нищихъ; изъ трудолюбивыхъ, сдѣлаетъ онъ тунеядцевъ; изъ несчастныхъ подданныхъ, сдѣлаетъ онъ убійцъ, которыхъ доведетъ бѣдами до гибели. Будемъ человеколюбивѣе; поступая согласнѣе съ природою, поступимъ согласно съ благоразуміемъ и блаженствомъ. Будемъ разсуднѣе, естли такъ должно, чтобы сдѣлаться мужественнѣе: государство никогда такъ не страшно, какъ когда гражданинъ доволенъ. Употребимъ на оборону Аѳинъ руки, которыя надлежало употребить на мученіе гражданина; умножимъ ихъ на земле-

земледѣліе и художества, вмѣсто чтобъ посылать оныя на причиненіе обидъ въ лавкахъ, на торжищѣ и въ житницахъ и проч. Налогъ есть жертвованіе нѣкоторою частію для сохраненія другой; и естли оной есть ежегодное иждивеніе, то онъ можетъ основанъ быть токмо на ежегодномъ доходѣ; онъ единъ можетъ искупить другую часть: земля одна даетъ сей доходъ, и такъ на нее одну должно налагать сборы: награждая съ избыткомъ труды на нее употребленные кажутся она говоритъ государствамъ: *сіе благодѣяніе послужитъ памъ на нужды.*

Но во время войны потребны большія издержки, нежели во время мира говоритъ Клисѳенъ: какъ можно помочь непрерывнымъ сборомъ? ..... Онъ перемѣнялся будещъ по нуждамъ, отвѣтствовалъ Ариспидъ: мѣры, къ приведенію себя въ безопасность отъ обиды, должны различествовать отъ тѣхъ, которыя должно употреблять къ отраженію оныхъ. Всякое государство, которое бы запретило необыкновенныя налоги, принуждено было бы, для остановленія своего паденія, прибѣгнуть къ средствамъ употребляемымъ въ Сузѣ. Дарій, который былъ весьма сильный Государь излишнимъ умноженіемъ своихъ доходовъ до

до того, что принужденъ былъ предать свое Царство грабленіямъ тиранновъ нижшихъ себя для ограбленія наконецъ у нихъ самихъ похищеннаго ими.

И такъ ты оставишь торговлю свободну, и даже до чужестранныхъ товаровъ? . . . . Другъ мой, торговля даетъ по силѣ получаемаго; и когда она есть мѣна цѣны за цѣну, какимъ образомъ воспротивишься теченію сей мѣны, безъ униженія цѣны произведеній? Неволею принудить продавающаго, будетъ притѣсненіе: гдѣ имѣется менѣе первой матеріи для занятія себя раченіемъ, тамъ вѣрно уже не столько средствъ къ заплащанію оной. Впрочемъ количество трудовъ вѣсится количествомъ произведеній. Еслили уменьшить сіи, то не остается никакого убѣжища противъ нищеты. Нѣчего выбирать; должно человеку жить, или изъ прибыли, или изъ того, что ему дано будетъ.

Но что поребно къ предупрежденію излишества въ налогахъ даже на зѣмли? . . . Другъ мой! за что Цари изгнаны изъ Аѳинъ? За что Архонты съ десяти лѣтъ спустились на одинъ годъ? За то, что первые оказывали свою не ограниченную власть надъ волею и необходимыми нуждами гражданъ,

жданъ, и что другіе, ни мало не отличаюсь отъ подданныхъ, сдѣлали себя Самодержцами. Вопль и жалобы гонимыхъ рано или поздно, однако наконецъ привлекаютъ паденіе тиранству. Во всемъ и вездѣ, когда правленіе и народъ въ военномъ состояніи, должно одному изгибаться, а другому пребыть въ рабствѣ, стонать утѣсенному силю, или распоргнуть узы противъ закона. Не думаешь ли ты, Клисѣенъ, что человекъ могъ потерять право свое на законно имъ владѣемое? И еслили сіе право есть дѣйствительное и отчуждено быть не можетъ, то можно ли наложить на него безъ его согласія? Никакъ, налогъ зависитъ отъ собственности: *платитель поля долженъ быть платитель плодоцъ.*

Для оцѣнки же собственнаго своего имѣнія, какъ ты внушаешь, говоритъ Клисѣенъ, должно имѣть совѣсть, которая бы прилѣпляла подданнаго къ правленію помощію любви къ благу общему; гдѣ же найти сіе сообщеніе чувствованій и справедливости? . . . . Въ гражданинѣ, прервалъ Аристидъ. Еслили бы кто могъ не быть имъ, правосудіе не далеко, оно творитъ добро безъ утѣсенія . . . . Въ нестерпящей нуждѣ не менѣе ли бы тягостно, и не

1782. Юль. Часть II. О удо-

удобнѣ ли было бы, прибѣгнутьъ къ ваймамъ? прибавилъ къ тому Клисѣенъ. О Боги! вскричалъ Аристидъ, когда я увижу отечество мое угрожаемое симъ бѣдствіемъ, я отвращу глаза, и не буду смотрѣть на его паденіе... Паденіе? Развѣ государство разоряется въ концѣ отъ долговъ, когда привлекается золото отъ чужестранныхъ? ... Конечно, отвѣтствовалъ Аристидъ, такъ какъ бы оное привлекаемо было продажею части своихъ владѣній. Скажите что смѣшнѣе, предать ли имъ оное, или удобрять для нихъ? Слушай, чужее золото вѣсится будетъ на народъ, принимая въ разсужденіе проценты онаго; частной почувствуетъ сію тяжесть и увидитъ себя въ состояніи, какъ бы онъ самъ на свой шепъ занялъ; вмѣсто экономіи въ своихъ дневныхъ издержкахъ со стороны случающихся. Должно имѣть движущее, чтобъ приводить въ движеніе деньги; онѣ сами собою не обращаются. Ты покрылъ бы Аѣины золотомъ, если бы не имѣли мы торговыхъ вещей; сіе золото осталось бы безъ дѣйствія, или хотя бы оно и дѣйствовало, но для заложенія намъ будущаго на настоящее; а сіе бы значило играть теперешнимъ своимъ благополучіемъ противъ неминуемо имѣющаго припипи бѣдствія.

О Клисеенъ! счелъ ли ты порочныхъ и пронырливыхъ слугъ отнятыхъ у земли; дѣвицъ изпорченныхъ изъ рукъ невинности и похищенныхъ у супружества, людей наконецъ, которыхъ ты набогащеніемъ ихъ унижилъ и сдѣлалъ подлыми? Другъ мой, умножимъ долги и произраствѣнія, не безпокоясь о знакахъ; нужда и довѣренность скоро введутъ ихъ безъ насъ. Земледѣліе и торговля претерпѣваютъ всегда отъ преимущества, отдаемаго знакамъ предвѣщьями. Естьли долгъ есть путь, по которому можно итти къ непріятелю, то думаешь ли ты, чтобъ имъ оной не былъ отверстъ непріятелю къ намъ? Положимъ, онъ не дѣлаетъ бѣды, когда уже ничто оной болѣе сдѣлать не можетъ. Первое благо, которое онъ производитъ, есть несчастная склонность къ праздности и упущенію его; убѣгая доказательствъ и слѣдствій. Чрезъ оной республика и государство привязывается къ достатку, который ничто иное, какъ дѣйствительная нищета. Подъ наружною пышностью онъ скрываетъ рублище: подобно роскоши царствуетъ надъ издыхающими, или трупами. Нѣтъ ничего, даже не выключая и самыхъ нашихъ таинствъ, что бы не представляло очамъ и уму, какъ полевые труды отвлекли людей отъ звѣрской жизни.

Но естѣлижѢ оныя служили и успѣвали въ большемѢ, то не могутѢ ли успѣхъ имѣть во всемѢ меньшемѢ? И естѣли оныя почитаемѢ всегда надежнымѢ средствомѢ, для чего предпочитать всегда сомнительныя?

Но естѣли бы мы къ несчастію своему пали возвышаясь въ роскоши, то я бы тогда-то на оную учинилѢ налогѢ, и плодѢ сего налога наградилѢ бы злоупотребленіе, которое и наказано. Сіе средство надежно для истребленія раззорительнаго обыкновенія, но слабо и не довольное на все..... Не думай о семѢ ничего, прервалѢ АристидѢ. Люди прельщенные роскошью не отстаютѢ отѢ нее. Блаженство, обѣщываемое ею льститѢ, заглушаетѢ, сего довольно. Привычка оной естѢ обыкновенно показаться; она бы бесполезна была, естѣли бы ее ужѢ видѣли. Когда ее любятѢ, умноженіе издержекѢ естѢ не что иное, какѢ причина подкрѣплять оную. Тщеславіе показаться богачемѢ удовлетворяется цѣною вещей, и самая издержка на налоги пріятна всякому, кто высоко ставитѢ себя золотомѢ; иной становится нищимѢ отѢ того, что не хотѣлѢ казаться такимѢ; крайнее же несчастіе, не могѢ удовольствоваться дурачества. Бѣда государствамѢ, въ которыхѢ она вла-
дѣетѢ!

дѣетъ ! да предохранятъ боги отъ нея Аѳинянь ! О Клисѳенъ ! Колико Сенапоръ великъ позади своихъ воловъ. Колосъ въ лаврахъ и за колесницею, не уступаетъ алмазу, украшающему вѣнецъ.

Вотъ, другъ мой, мысли мои о средствахъ удовлетворить нужды. Мы выходимъ изъ славной войны. Флоты наши на моряхъ носятъ побѣдоносный флагъ, который возбуждаетъ зависть съ удивленіемъ въ чужестранцахъ; не должно доводить Аѳинянь до того, чтобъ они спонали отъ своего торжества. Сенатъ не имѣетъ на то права. Онъ созвалъ гражданъ къ поданію согласія, чтобъ дать законъ касательно до налоговъ. Еслили власть налагать оныя, законна; не обращаю во зло управленія ими. Тѣ же люди, съ которыхъ за благо разсудятъ собирать оныя, будутъ судіями оныхъ. Мы вольны: должно не столько требовать, сколько просить: напрасно желать чего отъ подданства, когда все можно получить изъ доброй воли.

О человекъ, достойный управлять цѣлымъ міромъ ! вскричалъ Клисѳенъ, разлучаясь; добродѣтель обладающая тобою, влечетъ тебя слушающаго. Если бы всѣ начальники зборовъ могли тебя услышать, они бы ради своей пользы,

всю славу свою положили въ томъ ,
чтобы сдѣлаться тебѣ подобными.

 IV.

ВОСТОЧНЫЕ АНЕКДОТЫ.

I.

 Три друга.

Омаръ мудрый старецъ, сидя при дверяхъ своей келіи, и взирая на свою пустыню, усмотрѣлъ пыль столбомъ поднимающуюся къ небесамъ, которую производилъ караванъ, возвращающійся изъ Каира съ товарами и богатствомъ. Онъ услышалъ шумъ многихъ голосовъ, и наконецъ верблюды и весь караванъ стали у него въ виду. Какъ сей караванъ мимо его проходилъ, то Омаръ махнувъ рукою, вскричалъ: выслушайте меня вы, которые трудитесь! золото блеститъ, подобно какъ утренняя заря, и вредитъ какъ полуночная буря. Берегитесь тихаго приближенія змѣи, красоты женщины, а паче остерегайтесь силы золота! оно рождается въ земныхъ нѣдрахъ, среди яда, и его плоды суть злосчастіе и гибель! Караванъ, поравнявшись съ столь знаменитымъ

своею мудростію и добродѣтелями мужемъ, остановился. Я хочу вамъ продолжать Омаръ, рассказать приключенія трехъ друзей, Садира, Горана и Цимура. Они при цвѣтѣ своихъ лѣтъ были любви достойны, и никогда не уклонялись отъ стезей ведущихъ къ добродѣтели. Они путешествовали вмѣстѣ и обрѣли дорогою на поляхъ Индѣйскихъ сокровище, которое было опытомъ ихъ добродѣтели и дружества. Тутъ сердце у каждаго трепетало, и грудь каждаго отверзалась къ позволеннымъ удовольствіямъ; дѣлать сокровище, не что иное было, какъ оскорбить нѣжность и довѣренность ихъ дружества. Благія небеса, сказали они, да будетъ сіе общимъ для насъ благословеніемъ, и мы будемъ для нашихъ утѣхъ наслаждаться имъ попеременно безъ раздѣла! Поелику они имѣли теперь средство къ благополучному препровожденію жизни, то и положили жить благополучно; прекратили свои путешествія, и доставляли себѣ всякія выгоды, которыя могли получить за деньги. Какъ же скоро дошли они до ближайшаго города, то Садиръ и Горанъ послали Цимура для покупки пищи, ибо онъ былъ расторопнѣе и искуснѣе въ домостроительствѣ. По отбытіи его Са-

диръ и Горанъ устремили глаза свои на богатство, и пребыли долгое время въ безмолвіи; наконецъ каждой изъ нихъ смотрѣлъ другъ на друга хищными глазами, каждой въдалъ тайное свое желаніе, и думалъ поже самое усмотрѣть въ глазахъ своего друга. Они начали говорить, и ихъ желаніе съ обѣихъ сторонъ непримѣтнымъ образомъ часъ отъ часу обяснялось. Если бы мы теперь, сказалъ Садиръ, отдали деньги въ какое нибудь безопасное мѣсто, и отсюда бы ушли, коже бы Цимуръ могъ винить кромѣ своей неоспорожности? Сіе сокровище не лучше ли сдѣдало бы насъ двоихъ счастливѣе, нежели проихъ? Не должны ли мы теперь воспользоваться шѣмъ, что онъ своевольно потерялъ, и достойны ли мы теперь столь благопріятнаго случая, если его упустимъ? Токмо разумные, сказалъ Горанъ, избраны пользоваться счастіемъ; Цимуръ не имѣетъ права дѣлить съ нами сокровища, и мы исполнимъ непремѣнное предопредѣленіе, если удержимъ оное все при себѣ. Это весьма справедливо, примолвилъ Садиръ, но если онъ насъ найдетъ, то усумнится о семъ предопредѣленіи, и онъ потребуетъ отъ насъ своей доли. Мы сего, сказалъ Горанъ,

ранъ,

ранѣ, будемъ остерегаться. Умершіе молчатъ и не причиняютъ намъ больше никакого безпокойствія. Сіе желаніе, которое деньги произвели въ сердцахъ Садира и Горана, и сей былъ порокъ, чрезъ которой они получить сокровище намѣрились! Цимуръ упомянутый возвратился подъ вечеръ, и ни о чемъ не старался, какъ о успокоеніи. Но спутники его на него напали прежде, нежели могъ онъ то усмотрѣть; растянули его на землѣ, и удавили его перевязкой шурбана.

Умершвивъ его, принялись они за пищу, которую онъ имъ принесъ; но по нѣсколькихъ минутокъ находились они почти ужё въ челюстяхъ смерти; они блѣднѣли, тряслися, холодный потъ разпространялся по ихъ членамъ, и цѣпенѣли попеременно, немогиши ничего промолвить. Въ сей престрашной пишинѣ природа сражалась за жизнь токмо краткое время; они вдругъ упали, стонали, кривились, и наконецъ умерли. Не было ли сіе дѣйствіемъ божескаго мщенія? Не наказалъ ли Всемогущій, когда природа долженствовала ему повиноваться? И удивительно ли было правосудіе, дабы порочнымъ содрогаться? Природа не есть ли простиемъ его гнѣва? — Цимуръ растворилъ ядомъ пищу, имъ куплен-

О 5

ную,

ную, съ тѣмъ дабы отправивъ ихъ завладѣть одному богатствомъ, и пожелалъ учинить надъ своими поварищами, что они надъ нимъ сдѣлали.

И такъ не достаешь, о вы любители злата, Господина сему сокровищу. Кому оно попадется въ руки, не допускайте своихъ сердецъ гнаться за нимъ тайно, чтобъ не попасться въ искушеніе, содѣянiемъ такихъ проступковъ, отъ которыхъ вы теперь ужасаетесь. Довольствуйтесь благодѣянiями, которыя вамъ десница природы распочаешь, и будьте исполнены благодарности къ Творцу оныя.

2.

Редностный читатель Алкорана.

Ацисъ Персіянинъ, жившій еще въ домъ своего родителя Селима, имѣлъ обыкновеніе читать по полуночи Алкоранъ, Магометомъ написанный, размышляя о содержаніи онаго. Но для чего, сказалъ однажды Ацисъ, читаю я Алкоранъ для одного только себя? Пусть и другіе узнаютъ мою набожность, и возмутъ изъ того примѣръ; мой гласъ да будетъ въ ихъ ушахъ гласомъ истинны! Ацисъ открылъ родителю своему сіе
намъ-

намѣреніе. Въ наступающій вечеръ съываюшѣ они сосѣдей вмѣстѣ и домашнихъ, книга открылась, и Ацисъ началъ чипать. Отецъ его внималъ съ благоговѣніемъ, но гости и домашніе спустя не много, всѣ послули. Отецъ на сіе взиралъ съ молчаніемъ, но Ацисъ жестоко разсердился. Какая гнусная лѣность! вскричалъ онъ, какое мерзкое безбожіе! Не приходила ли и ко мнѣ дремота? Но не пожертвовалъ ли я спокойствіемъ своей должности? Мой духъ оживленъ и распаленъ благоговѣніемъ; я чувствую онаго силу въ моей внутренности, и уже наслаждаюсь надеждою безсмертія. Сынъ мой! сказалъ отецъ пріятнымъ и любви исполненнымъ голосомъ, извини слабость, которой ты не имѣешь, и не требуй того отъ другихъ, чего они исполнить не могутъ. Воля не имѣетъ ни какой силы, коею бы можно сонъ удержатъ. Солнце уже давно зашло, невольникъ вабылъ свои оковы и Царь свою порфиру; страхъ и надежда распространились теперь по всей Персіи и заботы равно какъ и радости забыты. Въ твоей власти состоитъ судить о семъ кротко, но они не имѣютъ силъ бдѣть и быть набожными. Я бы и самъ легъ съ ними спать, и надѣялся могъ также получить извиненіе, естли бы я не зналъ, что

и самое милосердіе можетъ быть возбуждено наказать припворное благоговѣніе и лицемѣріе.

Анекдоты сіи перечесть съ Нѣмецкаго, Императорскаго Московскаго Университета питомецъ, Василій Галенкинъ.

3.

АНТРОПОЛИТЪ,

Или наказанное преслушаніе здрапаго сощѣта.

(*) Антрополитъ, молодой Македонянинъ, произошелъ на свѣтъ, во время царствованія Филиппа, въ городѣ Пелѣ отъ родителей возведенныхъ симъ Монархомъ на высочайшую степень знатности изъ посредственнаго, но довольно счастливаго своего сосоянія. Предразсужденія почти всегда спутешествующія подобной перемѣнѣ сосоянія, внушили въ нихъ гордость. Они любезнаго своего сына Антрополита воспитали такъ, какъ бы онъ родился отъ Княжескаго поколѣнія: плодъ сего воспитанія былъ такой же, какъ и всѣхъ пѣхъ, кои подобно

(*) Сей Исторической анекдотъ переведенъ изъ старой Греческой рукописной книги, найденной въ Вашиканской книгохранищельницѣ.

добно ему воспитывающа. Въ царствованіе Филиппово и Александрово всѣ въ Македоніи занимались воинскими упражненіями; и сей вкоренившійся обычай приводилъ въ презрѣніе всѣхъ другаго состоянія людей; почему Антрополитъ еще въ колыбели назначенъ былъ въ Герои, и къ сему концу клонилось его воспитаніе. Едва наступилъ ему шестнадцатой годъ, то и начали родители его усиленно спараться о помѣщеніи его въ Фалангу (*), набранную изъ благороднаго юношества. Но мудрый Никокреонтъ, его дѣдъ, весьма сопротивлялся такому ихъ намѣренію, и собравши своихъ дѣтей и внучатъ говорилъ имъ слѣдующее:

„Любезные дѣти! Правда, что предразсужденія усилились нынѣ во всемъ свѣтѣ; однако люди, не смотря на ихъ силу и выдумки, не могли перемѣнить вѣчныхъ законовъ природы и истинны, ни заглушить ея гласа. Всѣ люди обязаны Богамъ, ближнимъ и себѣ самимъ; состояніежъ къ которому назначаете вы Антрополипа, не сходствуешъ, можетъ быть, съ его склонностями и съ его тѣлесными качествами.
„чест.

(**) Фаланга была въ Македоніи отборная Александра Великаго Гвардія, но своей храбрости весьма славная.

„чествами, и можетъ спасться, что и
 „не отвѣтствуетъ всѣмъ тѣмъ долж-
 „ностямъ. Незвѣстный Богъ, которо-
 „му мы поклоняемся, и который пре-
 „вышаетъ всѣхъ прочихъ боговъ, есть
 „Богъ и Владѣтельница всего міра. Не мо-
 „жно Юпитеру находить удовольствія
 „въ разрушеніи благороднѣйшаго своего
 „творенія, ни желать, чтобъ оно было
 „жертвою славолубія и бѣшенства; да
 „и могли бы боги создать столько людей,
 „да еще и разумныхъ, для взаимнаго
 „ихъ истребленія, и чтобъ они, чрезъ
 „свою жестокость, удалились отъ той
 „цѣли, для которой ими сотворены.
 „О боги! простите смертнымъ всѣ зло-
 „дѣянія, которыя война производитъ.

„Увидимъ что далѣе. Первая дол-
 „жность, которою человекъ обязанъ въ
 „разсужденіи самаго себя, состоитъ въ
 „томъ, чтобъ имѣть ему стараніе о
 „своей жизни; но наблюдается ли это
 „въ войнѣ? Чего ни Македонской лукъ,
 „ни мечъ не можетъ истреблять, то
 „погибаетъ отъ военныхъ упражненій
 „Филиппа и Александра. Человекъ ода-
 „ренъ разумною душою, которую обя-
 „занъ онъ ежедневно украшать новыми
 „познаніями, и неусыпно стараться при-
 „водить ее въ совершенство. Но какъ
 „можно сіе исполнить посреди воен-
 „ныхъ

„ныхъ звуковъ? Тамъ слышно одно
 „лишь бѣшенство, тамъ видна одна
 „лишь ярость. Какія по истиннѣ мало-
 „сти! достойныль онѣ обладать здра-
 „вымъ разсудкомъ? Въ войнѣ самыя
 „преступленія часто бываютьъ необхо-
 „димо нужны. Какъ же можно бытъ
 „чувствительной душѣ тамъ, гдѣ жа-
 „дность къ крови занимаетъ мѣсто
 „добродѣтелей? Наконецъ всѣ должно-
 „сти наши къ ближнему рождаются отъ
 „любви. Но сколь прямой такой люб-
 „ви противно челоуѣкоубійство! могу
 „ли я любить того, котораго грудь
 „пронзаю мечемъ! я не обрѣшаю ни
 „добродѣтели, ниже одного изъ выше
 „упомянутыхъ обязательствъ, кото-
 „рыхъ бы война не попираала. О бо-
 „ги! О любезный сынъ! Вообрази себѣ
 „всѣ печали, все безпокойство, всѣ
 „трудности, кои челоуѣкъ сноситъ съ
 „самаго рожденія; разсмотри сколь-
 „ко тысячъ людей ярость войны въ
 „одинъ часъ пожираетъ. — По сихъ
 „словахъ источникъ слезъ прервалъ
 рѣчь его.

Сынъ Никокреониковъ по семъ, раз-
 суждая нѣсколько времени, съ видомъ
 изъясняющимъ почтеніе и искренность,
 вставши такъ началъ говорить. „Почтен-
 „ный отецъ! „ не всѣ люди сотворены для
 „ того ,

„ того , чтобъ быть Философами. Раз-
 „ вѣ мужество не почитается нынѣ до-
 „ бродѣтелю? Прочтите только лѣто-
 „ писи прошедшихъ вѣковъ , прочтите
 „ Исторію отъ начала свѣта до сего
 „ времени. Слава возвысила Героевъ до
 „ небесъ ; имена ихъ пребудутъ без-
 „ смертны ; но напротивъ того всѣхъ
 „ прочихъ поликихъ тысячъ память
 „ погребена вмѣстѣ съ ихъ пѣлами
 „ въ прахъ ихъ покрывающемъ. Развѣ
 „ не нужны отечеству защитники ? И
 „ оскорбленное правосудіе не требуетъ
 „ ли помощи отъ оружія для своего
 „ опмщенія ?

„ Любезной сынъ ! отвѣтствовалъ
 „ Никокреонтъ , когда я представлю ва-
 „ шему разсудку на самой природѣ и
 „ здоровомъ разумѣ основывающіяся ис-
 „ тинны : то не отвѣтствуйте мнѣ изъ
 „ Исторіи занятыми доказательствами ;
 „ она только на мѣдныхъ доскахъ , изо-
 „ бражая безуміе , злость и жестокость
 „ достойныхъ поношенія людей , предста-
 „ вляетъ ихъ потомству въ таковомъ
 „ видѣ. Слава , которая съ начала свѣта
 „ приписываема была только однимъ сча-
 „ стливымъ завоевателямъ , есть одно
 „ злое изобрѣтеніе завистливыхъ и че-
 „ столюбивыхъ Тиранновъ. Торжествен-
 „ ные знаки , кои , какъ вы види-

„ те ,

„ те , постановляемы были имѢ у ГрековѢ
 „ и варваровѢ , суть не что иное, какѢ вол-
 „ шебныя лампы , которыми или
 „ ослѣпляютъ и помрачаютъ глаза и
 „ разумъ народовѢ , и коими прельщая
 „ ихѢ , претворяютъ преступленія вѢ
 „ добродѣтели и заспаваютъ ихѢ оны-
 „ ми уполять ненасытную свою жад-
 „ ность къ завоеванію. Чтоже такое есть
 „ слава? Имя никакого значенія не имѢю-
 „ щее, пустой звукѢ, ложной блескъ, мечта
 „ извѣстная подѢ названіемѢ награжденія
 „ отѢ Государей , и не могущая ни пре-
 „ дохранить отѢ бѣдности , ни возвра-
 „ щать потерянныхѢ членовѢ. ЧтожѢ
 „ такое отечество? Ограниченное жи-
 „ тельство безразсудныхѢ , кои непре-
 „ станно стараются его разширить , для
 „ того, что всякое, какое бы то ни бы-
 „ ло пространство, честолюбивымѢ глуп-
 „ цамѢ всегда кажется малымѢ. Оче-
 „ чество мудраго есть весь міръ; всѢ
 „ разумные люди его единосемцы. Они
 „ доставляютъ себѢ отѢ нихѢ правосу-
 „ діе пристойнѣйшими , справедливей-
 „ ми, челоѢколюбивѣйшими средствами;
 „ ибо насиліе само собою не показы-
 „ ваетъ справедливости; оно напрошивѢ
 „ того служитъ почти всегда защитою
 „ злодѣяніямѢ , да и чаще преступле-
 „ ніе старается вооруженною рукою удо-

„вольствовать свою злобу, нежели пра-
 „восудіе, которому не нужно вспомо-
 „ществованіе кровожаждущихъ человѣ-
 „коненавистниковъ.

Тутъ потекли нѣжныя слезы изъ
 очей Антрополитовой матери. Напрасно
 силилась она говорить; движенія ея
 сердца связали ея языкъ. Отецъ споялъ
 неподвижно и въ задумчивости поддер-
 живалъ своею рукою наклоненную ея
 голову въ то время, какъ молодой и
 честолюбивой человѣкъ, пресѣкши сіе за-
 мѣшательство, бросился къ ногамъ сво-
 его дѣда, заклиналъ его богомъ Мар-
 сомъ, чтобы не сопротивлялся онъ
 такому священному его намѣренію;
 но дозволилъ бы искасть въ войнѣ ле-
 стной для него славы, увѣряя его въ
 томъ, что вскорѣ отечество увидитъ
 его увѣнчаннаго лаврами. Мудрый Ни-
 кокреонъ употреблялъ всѣ средства
 къ отвращенію Антрополита отъ его
 намѣренія; когдаже ни его доказатель-
 ства, ни краснорѣчіе не могли Антро-
 полита убѣдить: то наконецъ долженъ
 былъ на то согласиться; онъ въ сле-
 захъ, обнявъ трепещущими своими ру-
 ками голову своего внука, благословилъ
 его и смотрѣлъ съ вздыханіемъ на
 его отъѣздъ.

Дерзкая храбрость сопутствовала сему молодому челоѡку на Марсовых поляхъ. Сколько добродѣтельныхъ, безвинныхъ и почтенныхъ Персовъ въ разныхъ сраженіяхъ принесъ онъ въ жертву честолюбію и жадности своего Государя! коль многихъ ужасныхъ поражений былъ онъ виновникомъ! и чрезъ сіе-то скоро сдѣлался онъ извѣстнымъ Александру; сей Монархъ увѣрилъ его въ своемъ покровительствѣ. Награжденіе поль драгоцѣнное усугубило его ревность къ геройскимъ дѣламъ; онъ никогда не покидалъ Александра, раздѣлялъ съ нимъ всѣ опасности, наконецъ соповариществовалъ ему въ дерзкомъ предпріятіи противъ Киндраковъ; и когда сей Монархъ при осадѣ города, всходя на стѣну упалъ въ городъ: то Антрополитъ, презрѣвъ всѣ опасности, бросился со стѣны за нимъ; но по несчастію переломилъ себѣ руку и ногу. Онъ былъ поднятъ и опнесенъ въ ближайшій городъ отъ Гедроціи, гдѣ претерпѣлъ жестокія болѣзни отъ неиступства лекарей, и остался изувѣченнымъ во всю свою жизнь. Все имѣніе, которымъ его родственники а особливо мать его снабдили, было истощено частію въ службѣ, частію же на лекарей; не было ему случая увѣдомить о томъ своихъ

родственниковъ, а чрезъ то и сдѣлался онъ и хромымъ и бѣднымъ. Спустя нѣскольکو времени Александръ, при возвращеніи своемъ съ океана, проходя чрезъ Гедроцію, зашелъ въ сей городъ. Антрополишъ въ бѣдности своей и въ полной надеждѣ доползъ къ ногамъ сего Государя. Несчастіе сдѣлало его въ семъ случаѣ отважнымъ и краснорѣчивымъ; одинъ его жалобный видъ тогда довольно за него ходатайствовалъ. Сей Государь, удостоивъ его мимоходомъ своего взгляда, и побуждаемъ будучи царскимъ сожалѣніемъ, велѣлъ ему назначить мѣсто въ госпиталѣ, сказавъ съ жалостнымъ видомъ: „жаль этого „ молодого человѣка! онъ могъ бы еще „ оказать намъ хорошія и вѣрныя услуги „ — Остатокъ сей рукописи затерянъ. Время все истребляетъ.

V.

Б Ы Л Ъ.

Французская лапка.

Разплата обошла

Ряды всѣ Рускихъ лавокъ,

Нигдѣ по мысли не нашла

Ни деншъ, ни шпидекъ, ни булавокъ.

Все было не по ней;
 Ей не хотѣлось Русскихъ,
 На что дешевыхъ ей!
 Ей надобно французскихъ.

Французское добро годится ко всему,
 Хошь дорого да мило;
 А Руское всегда не годно ни къ чему,
 Что дешево, то гнило.
 Россійской глупъ народъ,
 Не смыслишь вымышлять различныхъ дамскихъ
 (модъ.)

По правилу сему *Разпрата* поступала,
 Что дорого, она лишь то и покупала.
 Пришедъ она къ купцу сказала: „буржуа!
 „Пожалуй покажи мнѣ леншы мердъ д' уа.
 Купецъ ошъ радости себя позабываетъ,
 Кусокъ леншъ лучшихъ подаетъ,
 И чтобъ скорѣй продать ей шопчасъ объявляетъ,
 Что ихъ онъ продаетъ
 Не дорогой цѣною.

Маршанъ! монъ бонъ монсье, шы шупишь надо
 (мною!

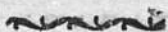
Разпрата слыша то, со гнѣвомъ бросивъ ихъ,
 Купцу такъ говоритъ: шы подалъ видно Русскихъ,
 Не надо мнѣ шакихъ;
 Мнѣ надобно Французскихъ.

Въ французскихъ лавкахъ шѣжъ изволише купишь,
 Отвѣтшвуешъ купецъ, лишь шолько подороже.

„Ахъ! Руская свинья! шебѣль меня учить,
 „И вкусъ въ нарядахъ знашь швоей ли мерзкой
 (рожъ?

„Какъ смѣлъ прошивъ меня разинуть шы свой
 (рошъ?

„Фуи! поврѣ дьябль ке шю э! шы глупъ, шы Руской
 (скопъ!

Сказавъ сіе она съ досадою уходитъ,
 Французскихъ лентъ купишь къ Француженкамъ
 (приходишь,

Разирата въ лавку лишь Французскую вошла,
 По мысли все нашла.

Какія чепчики! какія это шляпки!

Какіе калеси!

Флеръ, крепъ, лино, цвѣшны, и перья и накладки!

И словомъ въ давкъ сей всѣ вещи хороши;

Да шущъ же и сидишь не руская шорговка,

Старинная плушовка;

Но честная мадамъ

Французскія породы,

Котора принимашъ умѣетъ знашныхъ дамъ,

И изъ Парижа къ намъ выписываешъ моды.

Что вымыслишь сама, по модою зовешъ,

И съ даннымъ именемъ Парижскимъ по слывешъ!

Парижская дрянца Московской лучше дряни,

Достойна налагашъ на дамъ Россійскихъ дани,

Достойна всѣхъ похвалъ.

Не всякъ ли это скажетъ?

И гордый самохвалъ

Почтеніе къ ней кажетъ.

А вы! Издатели Французскихъ разныхъ модъ,

Достойны всякой славы!

Вы русской учите перемѣняшъ народъ

Свои на ваши нравы;

Вы мудростью своей

Въ изобрѣшеніи вседневно моды новой

Госпожъ и щеголей

Увеселяете какой нибудь обновой,

За ваши всѣ шруды

И малы шѣ плоды,

Что гривенную вещь за рубль вы опдаете,
И Руское въ пять разъ дороже продаете.
Какая въ лавкѣ сей дороже вещь была,
Разиратѣ болѣе казалась ша мила.

За все она плашила
Роскошною рукой,
Мадамъ обогатила,
Поѣхала домой.

Дорогой веселится,
Француженку благодаритъ;
Хорошимъ все ей мнится,
Она съ собой шакъ говоритъ:

Безсмысленные знашь скопы вы Россіане,
Французы вамъ ли, ахъ, чепа!
И вы шакіежъ Христіане,
Но мысль не знаю я чѣмъ ваша занята!

VI.

С О Н Е Т Ъ.

Состоящій въ двухъ мысляхъ.

*Читая песь упидишь одну мысль; а
когда станешь читать одно послѣд-
нее полустинише особлицо, то найдешь
смысль иной.*

Аминтѣ! тебя всегда я другомъ почиала
И другомъ чла равно тебѣ, Аминтѣ, себя;
Не знала я тебя, но нынѣ я узнала.
Ты думаешь, Аминтѣ, что я люблю тебя.

Откуда знаешь ты, что я въ любви шаю,
 Что я плѣнясь тобой мученіе шерплю?
 Съ чего ты взялъ, что я огонь въ груди пишаю,
 И будшо бы тобой покой я свой гублю;

Что счастлива я шѣмъ, когда меня ты любишь,
 И будшо жаромъ ты своимъ мой жаръ сугу-
 (бишь?
 Но полно лъзя ль кому, Аминшъ, тебя любишь

Поступокъ помнишь сей по смерть свою я буду,
 Съ сихъ поръ я никогда тебя не позабуду,
 И не прощу вины, доколъ буду жишь,

VII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Къ Некрасу.

Когда, Некраса, такъ ты мыслишь о себѣ,
 Что больше прелестей желаю я тебѣ:
 Такъ знай, что мысль твоя ни чужь несправедлива,
 Будь меньше хороша: но болѣе стыдлива,

2.

На Страмниду.

Страмнида никуда не ѣздишь безъ старухъ,
 Такихъ-то выбрала она себѣ подругъ!
 Но для чегожь всегда она между шакими?
 Красавицей она слышь можетъ лишь межъ ними.

3.

О Чистосердѣ.

Что часто Чистосердѣ обманушымъ бываетъ?
 Какое диво шушь? Обмановъ онъ не знаетъ.

4.

Къ Бѣднякопу.

Любезный Бѣдняковъ, коль ты шеперь убогъ,
 Богатымъ бышь тебѣ во вѣкъ не доведется.
 Не ужшо ты шого узнашь еще не могъ,
 Чшо богачамъ однимъ богатство достается.

VIII.

ЭПИТАФИИ.

I.

Фаннiю.

Отъ непріятеля спасаясь Фаннiй бѣгствомъ,
 Не успрашилса самъ мечемъ себя убишь.
 Скажи, прохожій, мнѣ какимъ почестъ свирѣн-
 (спвомъ,
 Чшобъ смерти избѣжаясь, за шѣмъ себя губишь.

П 5

2.

2.

Промотаецу.

Гробъ Промотаева, прохожій, здѣсь ты видишь,
 Не плачь и не пужи; ты симъ его обидишь.
 Насильственную смерть онъ самъ себѣ избралъ,
 Когда имѣніе все въ карты проигралъ;
 Онъ грудь свою пронзилъ неробкою рукою,
 Надѣясь пущь найши себѣ чрезъ шо къ покою.

IX.

ЗАГАДКИ.

1.

Я вещи разныя изобразить могу,
 Забавныя всегда я шайны сперегу.
 Гадають всѣ меня, коль мой творецъ прикажетъ,
 Диковинкой служу, коль онъ меня не скажетъ,
 Коль я безъ имени меня всѣ уважають;
 А свѣдавши уже не сполько почишаютъ.

2.

Ни ногъ, ни головы, ни рукъ я не имѣю;
 Но тяжести держашь я на себѣ умѣю;
 Иное на спинѣ я по верху ношу,
 Иному, свергнувъ въ низъ, я гибель приношу.

На свѣтѣ никакой я силы не спрашуся,
И войско цѣлое я испребить могу.
Внутри земли и внѣ ея я нахожуся,
Подобна хрустально; но я всегда бѣгу.

3.

Огонь и теплошу я сполько ненавижу,
Что съ ними не могу быть вмѣстѣ никогда;
А естли гдѣ нибудь случайно ихъ увижу,
Съ досады бышія лишаюсь я всегда:
Тогда вѣ любезну машь свою я превращаюсь;
Оставшись же безъ нихъ опяшь я зараждаюсь.
Я очень перпѣливъ, и споль нравъ шихъ во мнѣ,
Что всѣмъ даю ходитъ я по своей спинѣ.

X.

*Египетское ученіе о смерти и поскре-
сеніи духопномъ.*

Человѣческій духъ до возрожденія
есть мертвъ и какъ бы погребенъ въ
матеріи, къ которой онъ еще въ нача-
лѣ прилѣпясь подпалъ ея правленію,
и такимъ образомъ умеръ или поте-
рялъ свою свободу, дѣйствительность
и силы. Ибо въ соединеніи двухъ про-
тивныхъ существъ, когда одно дѣй-
ству

ствуетъ, тогда другое умираетъ, какъ по огонь въ водѣ горѣть не можетъ. Духъ и матерія суть между собою противны. Что же въ естественномъ нашемъ состояніи живетъ и владычеству-етъ надъ нами плоть, сіе доказывается тѣмъ, что когда тонко разберемъ наши дѣйствія, то наконецъ сыщемъ, что всѣ они происходятъ всегда изъ какой нибудь страсти; всегда мы при своихъ дѣйствіяхъ имѣемъ въ глазахъ или честолюбіе, или сластолюбіе, или сребролюбіе; а всѣ страсти суть свойства плоти. Напротивъ того по предписаніямъ разума или духа т. е. чистымъ побужденіямъ добродѣтели, мы или очень рѣдко, или никогда не поступаемъ. Всякъ знаетъ правила нравоученія, или каковъ долженъ быть, и какъ долженъ поступать человекъ: у всякаго еще хотя въ памяти осталось сіе изображеніе потеряннаго образа Божія въ человекѣ; но сколько такихъ, которые такъ живутъ, какъ знаютъ и другимъ совѣщуютъ? Правда что многіе кажутся другимъ, и сами думаютъ, что они поступаютъ по законамъ духа или непримѣсныя добродѣтели: однако когда снявъ маску, заглянутъ не смѣжными глазами въ свое сердце; то должны будутъ признаться, что страсти

или скрытнымъ образомъ и подъ разными видами въ нихъ дѣйствуютъ; или явнымъ нападеніемъ ломаютъ ихъ силу. Недѣйствителенъ тогда разумъ, когда ужасная сила спростей свирѣпствуетъ въ нашемъ существѣ. Мы почти всегда видимъ пропасть, но удержаться не можемъ. А сіе не есть ли яснымъ доказательствомъ, что надъ нами владычествуетъ плоть или матерія? И какъ по однимъ только наружнымъ опытамъ мы знаемъ, что духъ даетъ всему жизнь, а матерія есть мертва и вмѣстилище плѣнія и всѣхъ несовершенствъ: то и законы духа суть законы живота, а законы матеріи суть законы смерти. Кто живетъ по духу, тотъ приближается къ источнику жизни и совершенствъ; а кто живетъ по плоти, тотъ приближается къ матеріи самъ и подвергается ея несовершенствамъ, какъ то болѣзнямъ, плѣнію и другимъ несовершенствамъ. Но скажетъ кто, какъ мертвое вещество можетъ имѣть намѣреніе противуборствовать разумному существу? на сіе мы отвѣчаемъ, что есть и въ матеріи духи, и какъ мы имъ поддались, то избавить насъ можетъ единъ только Богъ, который испытавшихъ и всею душою возненавидѣвшихъ сатану, и отрекшихся всѣхъ

всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его, паки приѣмлетъ. О смертный! почувствуй свое состояніе, вспомни свое высокое происхожденіе и предопредѣленіе, возвратись паки къ тому благу, отъ котораго ты отпадши вкушаешь здѣсь только горестъ не находя нигдѣ и ни въ чемъ своего истиннаго покою. Послѣдуй сему внутреннему гласу зовущему тебя къ вѣчности! призови на помощь всесильнаго, и вооружась духомъ, пощись возвратить свою свободу и блаженство!

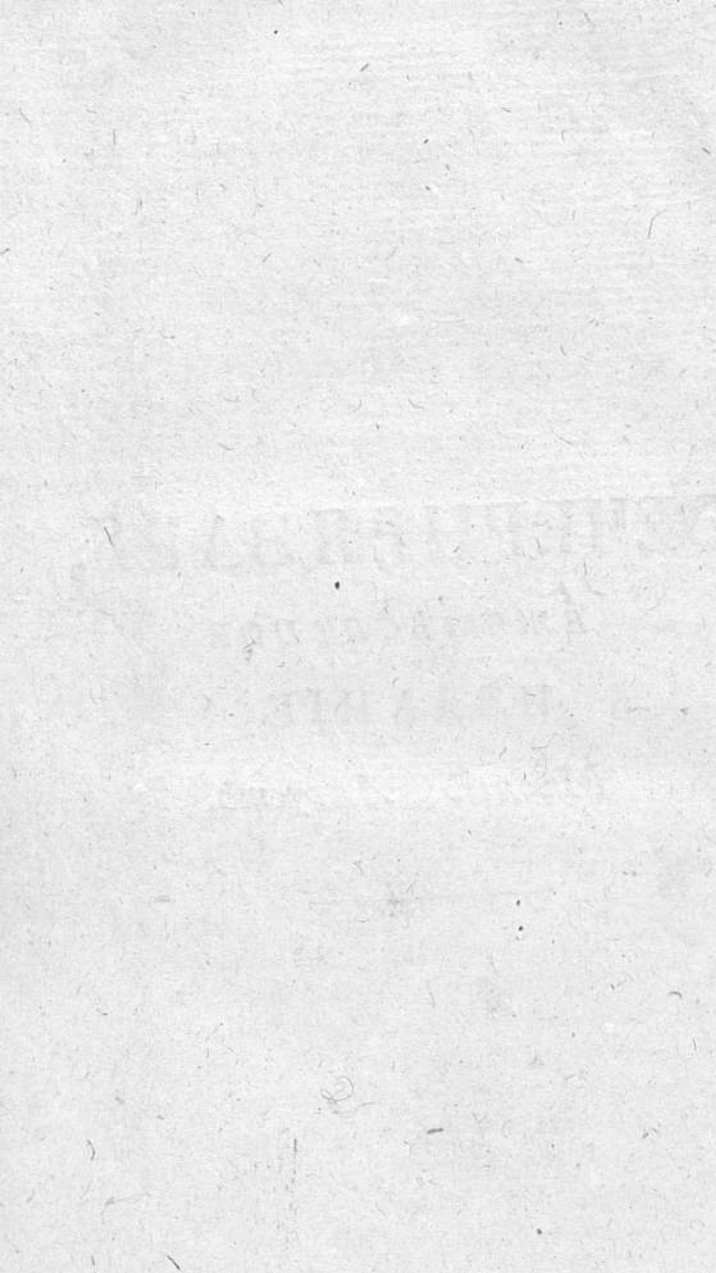
ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Августъ.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О познаніи самого себя.

Познаніе самого себя есть точное свѣдѣніе о своемъ началѣ, своихъ способностяхъ, своихъ должностяхъ, своихъ правахъ и своей цѣли; познаніе, которое Древніе имѣли за образецъ въ приобрѣтеніи премудрости, и столько оное высоко почитали, что написали золотыми буквами на дверяхъ Дельфійскаго храма сіи слова: *познай себя, себя самого.* Кромѣ того, по мнѣнію нѣкотораго древняго мудреца, сіе Аполлоново правило не съ тѣмъ предписано было, чтобы познавать свои

1782. Августъ. Часть II. Р чле-

члены, свой станъ и свой видъ, поелику тѣла наши не могутъ быть собственно то, что мы; но познай себя, себя самого, значило, учись хорошо познать свою душу. И хотя, тѣло есть вмѣстелище души и ея обиталище: однако мы не можемъ похвалиться, чтобы мы по сдѣлали сами собою, что приведено въ совершенство душею.

Сіе познаніе самого себя, порядочно понимаемое, приводитъ чловѣка къ познанію своего начѣла и своей должности, которую онъ обязанъ исполнять въ семъ свѣтѣ, будучи въ естественномъ состояніи. Чрезъ сіе самое онъ узнаетъ, что чловѣкъ самъ по себѣ не существуетъ, что онъ долженъ своимъ бытіемъ высочайшему началу, украсившему его гораздо благороднѣйшими отъ скотовъ качествами; что онъ не одинъ на земли, и не для себя одного рожденъ; что онъ членъ рода чловѣческаго, и долженъ исполнять всѣ предписываемые ему обществомъ законы; ибо они суть источникъ, отъ котораго истекаютъ всѣ чловѣческія обязательства. Вотъ духъ мыслей одного о семъ разумно написавшаго древняго стихотворца: „*Научитесь смертные, и научитесь заблагодолженно познать себя самихъ, и судить о пещяхъ; узнайте, что есть чело-*

„человѣкъ, для чего онъ въ семь спѣтъ,
 „и какой по себѣ долженъ онъ наблю-
 „дать порядковъ; съ какою осторожностію
 „долженъ убѣгать опасностей и бѣдъ сея
 „жизни; какое онъ ей долженъ положить
 „начало и какой предѣлъ; съ какою умѣрен-
 „ностію онъ долженъ искать богатства,
 „и до коихъ поръ должны простира-
 „ться его желанія; какъ онъ долженъ распо-
 „лагать своимъ имѣніемъ, и сколько
 „изъ оного употреблять для ближняго,
 „сколько для отечества; узнайте безъ
 „притворства, что небо опредѣлило намъ
 „дѣлать въ семь мѣръ, и какое вы за-
 „нимаете въ ономъ мѣсто!

Познаніе самого себя заключаетъ въ себѣ испытаніе нашихъ силъ и нашего могущества, и есть смыслъ, заключенный Сократомъ въ надписи Делфійскаго храма, какъ о семъ говоритъ Ксенофонъ. Къ сему можно прибавить еще и испытаніе человѣческихъ дѣйствій, отношеній, всѣхъ наружныхъ и съ нами соединенныхъ вещей, и оныхъ подлежащее намъ употребленіе.

Сіе познаніе самого себя научаетъ человека различнымъ полезнѣйшимъ способамъ для снисканія себѣ счастья. И попервыхъ, какъ Богъ насъ одарилъ благородными способностями слѣдовать своему началу и первоначальному пра-

вилу: то мы не должны поступать безразсудно, но всегда имѣть предопредѣленную, возможную и съ разумомъ сходную цѣль, и для достиженія оной предпринимать приспойныя средства.

Отъ чего происходитъ, что чело-вѣкъ долженъ предположить себѣ конецъ сообразной его природѣ; поелику сіе есть славное оное начало древнѣйшей стоиче-ской нравственности: *что жить должно по природѣ*; долженъ соображать съ симъ главнѣйшимъ концемъ свои собственныя дѣла и другія средства къ тому веду-щія; не прежде употреблять оныя, какъ развѣ положительно избравъ себѣ пре-допредѣленный конецъ, и не стремить-ся никогда къ оному, не помысливъ прежде о нужныхъ къ тому средствахъ.

Кромѣ того, какъ истинна и право-суть всегда непремѣнны: то и мы должны располагать наши разсужденія такимъ же образомъ, что бы никогда не судить объ однихъ и тѣхъ же вещахъ различно; или чтобы судивъ объ одной вещи хорошо, послѣ того себя не обма-нывать. Наблюденіе сего прѣвила особ-ливо относится къ сужденію объ о-днихъ и тѣхъ же вещахъ различнымъ образомъ; то есть, когда дѣло идетъ о насъ самихъ или о другихъ, о нашихъ друзьяхъ или непріятеляхъ, или когда

мы бываемъ заняты пристрастіемъ, или совершенно спокойны. Сіе есть выговоръ столь живо Сократомъ сдѣланной Аѳинцамъ, въ разсужденіи моря, которымъ они хотѣли овладѣть въ то самое время, какъ сіе почитали у другихъ непозволительнымъ и насильственнымъ. Сіе есть, говоритъ Сократъ, „*поступать безстыдно противъ одного* „*изъ яснѣйшихъ законовъ, хорошаго* „*чуждства, ежели бы кто захотѣлъ пе-* „*здѣ и по всемъ судить одинаково объ* „*однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ. И хот-* „*пя всякаго состоянія люди погрѣшаютъ* „*противъ сего правила: однако власти* „*чаще всѣхъ его нарушаютъ, что касается* „*до ихъ подчиненныхъ, будучи въ та-* „*кихъ мысляхъ, что они не подлежатъ об-* „*щимъ законамъ прасудія и прачоты.*

Слѣдствіе другое изъ сего происходитъ то, что наша воля и наши желанія не должны ни предшествовать прѣзильному разсужденію нашего разума, ни пропившись онаго рѣшенію. Цицеронъ сдѣлалъ на сіе слѣдующіе очень хорошее примѣчаніе: „*Разуму то* „*говоритъ онъ свои* „*желанія покорять должно такъ, чтобы* „*они его не предупреждали, и чтобы ни-* „*какая лѣньность и слабость не препят-* „*стпопала имъ за онымъ слѣдовать.* „*Они должны также быть спокойны, и*

„не дѣлать никакого помѣшательства
 „разуму; поелику изъ оного происсте-
 „каютъ, нами именуемая, раценство и
 „умѣренность.

Во пторыхъ, познаніе самаго себя
 научаетъ насъ, что наши способности,
 хотя бы они были и самыя превосход-
 ныя и великія, суть ограничены, и не мо-
 гутъ ко всему достигнуть; отъ чего
 произошло сіе премудрое правило, что
 мы не должны чрезъ суешную и ложную
 надежду и бесполезное стараніе исто-
 щевать нашихъ силъ въ разматри-
 ваніи вещей превыше насъ, и которыхъ
 мы никакъ понять не можемъ. Но на-
 противъ того мы должны употреблять
 всю нашу живость на изслѣдованіе ве-
 щей отъ насъ зависящихъ, т. е. на хо-
 рошее употребленіе нашихъ способно-
 стей и нашего разсудка. Въ семъ то за-
 ключается наше превосходство!

Но чтобы изъяснить явственнѣе сей
 превосходнѣйшій законъ, то мы сдѣ-
 лаемъ примѣчаніе, что въ свѣтѣ семъ
 находится безчисленное множество ве-
 щей, которыя намъ не подлежатъ, или
 которыхъ дѣйствію мы противиться
 со сѣмъ не можемъ. Есть другія,
 которыя хотя въ самой точности не
 превышаютъ нашихъ силъ, но исполне-
 нію ихъ могутъ препяшствовать силь-
 нѣй-

нѣйшія причины. Есть также наконецъ и такія, кои не прежде уступаютъ нашимъ силамъ, какъ развѣ по принятіи въ помощь искусства. Къ сему относится и славное оное древнѣйшее раздѣленіе вещей, *на печи отъ насъ записящія, и печи отъ насъ не записящія.*

Что чѣмъ болѣе отъ насъ зависитъ, въ томъ мы имѣемъ волю, а особливо что относится къ дѣйствіямъ собственнымъ разумному животному; ибо хотя употребленіе сея способности ходитъ всегда въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторое сопротивленіе, и хотя сіи препятствія всегда удерживаютъ равновѣсіе съ одной или съ другой стороны: однако нѣтъ ничего такого, чтобы было такъ нераздѣльно съ нами, и котораго бы дѣйствіе своею внѣшнею силою могло насъ удерживать, слѣдовательно и приписываемо быть нѣкоторымъ особеннѣйшимъ образомъ; для того всякъ долженъ стараться особливо предвидѣть и исправить все могущее ограничивать человѣческую волю, и вообще употреблять всѣ свои способности и всѣ свои силы сообразно съ закономъ здраваго разума, а наипаче имѣть постоянное и безпрестанное желаніе дѣлать все, сколько возможно сходно съ своимъ разумомъ и обязательствами.

Что же касается до того, что находится внѣ насъ, прежде нежели мы что нибудь предпримемъ, должно испытывать, сходно ли то съ нашими силами, можетъ ли оно служить къ приобрѣтенію порядочнаго конца, и стоить ли нашего труда?

Такъ же, сдѣлавъ все зависящее отъ насъ, оставшееся должно препоручить провидѣнію и утвердить себя сколько возможно, къ пренесенію всего могущаго случиться; не должно беспокоиться о злѣ, которое случилось, или которое можетъ случиться, сдѣлалось бы оно только безъ нашей вины. Черезъ сіе самое забвеніе мы избавимся всѣхъ бѣдствій, слѣдующихъ за сильными возмущеніями печали, гнѣва, страха и суетной надежды, ввергающей часто въ безразсудныя предпріятія.

Отъ сего происходитъ еще, что чрезъ одно просвѣщеніе разума не можно снискать для себя другаго счастья, кромѣ происходящаго отъ прямаго употребленія нашихъ способностей, поддерживаемыхъ провидѣніемъ.

И въ самой точности во всѣхъ вещахъ, гдѣ предосторожность человѣческая имѣетъ мѣсто, не должно никакого произшествія оставлять случаю: но сдѣлавъ все отъ насъ зависящее, должно напередъ себя утѣшать на случай не-

пред-

предвидимаго несчастія, которое хотя и можетъ случиться, но за оное никто отвѣчать не будетъ; ибо никто не судитъ о дѣлахъ по произшествіямъ; такъ какъ дѣлаютъ Магометане, которые вообще смотрятъ на счастливые успѣхи, какъ неложной знакъ хорошей причины, или внутреннее согласіе неба. Сіе по есть по мнѣніе, которое должно причислиться къ общенародному заблужденію; какъ о семъ нѣкоторый древній стихотворецъ написалъ тако: *Такой получилъ корону, который достоинъ былъ писѣлицы не менѣе чѣмъ самомъ дѣлѣ на оной пощѣннаго. Столько то есть истинно, что одно и тоже преступленіе можетъ имѣть содѣмъ различныя слѣдствія!*

Сіе есть знакъ разумнаго человека, что бы не только видѣть, что предъ глазами находится: но еще предвидѣть заблаговременно, что должно случиться; и когда по довольномъ изслѣдованіи кто рѣшится что нибудь сдѣлать, тотъ долженъ употребить всѣ свои силы, чтобы не отстать отъ того или чрезъ страхъ отъ непредвидимаго какого либо зла, или чрезъ прелестъ какого нибудь настоящаго удовольствія. Съ другой же стороны долженъ быть тотъ безуменъ, который бы захотѣлъ

кружиться по подобію источника, и не приспособлялся бы къ вещамъ, какъ говоритъ Эпиктитъ, когда онъ не приспособляется къ намъ.

Наконецъ какъ предвидѣніе человѣческое есть весьма ограничено, и какъ отъ насъ не зависитъ предопредѣлять себя къ будущему; посему не должно чрезмѣрно полагаться на настоящее, ниже излишне беспокоиться о будущемъ. По той же самой причинѣ не должно гордиться полученіемъ хорошихъ успѣховъ, и не унывать въ неудачѣ, какъ Горацій къ Делію о семъ написалъ.

Не позабудь ты, смертный Делій,
 Въ несчастіи равнодушнымъ быть,
 Равно какъ посреди веселій
 Умѣренность во всемъ хранишь.

книг. II. од. 3.

Словомъ, познаніе самого себя и нашего состоянія научаетъ насъ, что мы будучи члены общества, къ содѣланію себя счастливыми имѣемъ средствомъ то, что бы стараться облагодолучи и другихъ.

Ежели бы основатели обществъ и Государи вникнули въ сію важнѣйшую истинну: то бы законы и обыкновенія были вездѣ одинаковы. Но мы еще далеко отъ сего счастья отстоимъ, и оно убѣгаетъ отъ насъ; поелику всякъ изъ Государей предписываетъ законы по своему произволению и склонности. Разность,

ность, показывающаяся въ ихъ изложе-
 нияхъ, бываетъ перемѣняема по ихъ
 приходамъ. И для того по справедли-
 вости обвиняютъ законодательей, что
 они причиною бываютъ несогласія вла-
 дычествующаго между людьми, не толь-
 ко потому, что они общую пользу со-
 всѣмъ проположили пользѣ част-
 ной: но еще особливо, что они не на-
 учили людей, что всякъ частный чело-
 вѣкъ благополучіе свое почерпать дол-
 женъ изъ общаго. Хотя же Ликургъ,
 слѣдуя по особеннѣйшей, отъ всѣхъ
 дорогъ, подходитъ къ сему совершен-
 ству весьма близко: однако совсѣмъ
 тѣмъ планъ его законодательства имѣлъ
 естественные недостатки. Сіе весьма
 вѣроятно, что частное благополучіе
 есть и всеобщее, однако каждый въ осо-
 бенности не можетъ онаго сыскать и
 получить, ни мало не стараясь о благо-
 получіи общественномъ; ибо одно ча-
 стное благополучіе есть счастье тѣхъ
 ограниченныхъ духовъ, которые дума-
 ютъ быть въ безопасности и въ огнѣ,
 обнявшемъ домъ ихъ сосѣда.

II.

РАЗГОВОРЪ

*Между Александромъ и Діогеномъ
о рапенствѣ влгб.*

Алекс. На какую жизнь ты себя опредѣлилъ Діогенъ? Не лучше ли бы тебѣ было жить при какомъ нибудь Государѣ, дабы избавиться отъ бѣдности, нежели вести несчастную жизнь безъ дому, безъ одежды, а часто и безъ хлѣба?

Діог. Развѣ ты думаешь, что можно быть бѣднымъ съ наукою и добродѣтелию? Ты видишь, Александръ, недостатки моего состоянія, а не знаешь онаго выгоды. Бѣдность моя защищаетъ меня отъ зависти; она меня подвергаетъ только поношенію людей, которыхъ я презираю, и отъ которыхъ ты ищешь похвалы, проливая для сего свою кровь, и посвящая свое спокойствіе и жизнь безумцевъ слѣдующихъ за тобою. Чрезъ убожество я наслаждаюсь вольностію и независимостію. Различіе между тобою и мною состоитъ въ томъ, что всѣ твои блага предъ глазами, и суть предметомъ человѣческихъ желаній; но нужды твои скрыты,

а мои обнаружены. Ты возбуждаешь страсти прогающія и поражающія самолюбіе людей; великость швоя ихъ унижаетъ и показываетъ ихъ малость; что же касается до меня, то я заста-вляю ихъ чувствовать раскаяніе, а сіе даетъ имъ чувствовать ихъ возвышеніе, и приводитъ ихъ къ со-страдаію. Полагаютъ, что въ свѣтѣ почти все равно, какъ заблужденіе глупымъ, такъ просвѣщеніе разумнымъ дѣлаетъ равновѣсіе ихъ благъ и ихъ не-достатковъ. Однакожъ заблужденіе въ дуракахъ увеличиваетъ ихъ недостатки, и лишаетъ часто ихъ благъ; гордость ихъ иногда оныя недостатки удвоиваетъ, нѣжность ихъ дѣлаетъ впечатлѣніе на чувствахъ, и оныя уменьшаетъ; ибо малаго требуется для содѣланія неудо-вольствія; а блаженство находится въ чувствованіи, а не въ вещахъ. Просвѣ-щеніе разумныхъ уменьшаетъ сихъ не-достатки и удвоиваетъ ихъ блага, или приводитъ, какъ шѣ такъ и другія, къ ихъ истинной цѣнѣ. Если ты хо-чешь, то я стану сравнивать твои блага и недостатки съ моими; и ты увидишь, что я тебѣ равенъ, и имѣю еще предъ тобою преимущество.

Алекс. И такъ ты за ничто считаешь первыя мѣста, славу побѣдителей и счастье, которое они за собою ведутъ? не это ли есть истинное благо и предметъ всѣхъ человѣческихъ желаній?

Диог. Истинныя блага! Я въ семъ несогласенъ. Правда, что оныя суть предметомъ всѣхъ почти людей; но разсмотримъ ваши блага. Находятся Государя по угожденію, и Государя по счастью. Но рѣдкіе Государя по достоинству, то есть, чтобъ достоинство давало имъ сіе первое мѣсто. Сіе сноснѣе нашему самолюбію; ибо мы чрезмѣрно бы перзались, еслибъ должно было признаться, что достоинство поставило тебя выше насъ: мы себя утѣшаемъ, когда подумаемъ, что ты сею чрезмѣрною разностию, которая находится между тобою и нами, обязанъ одному только случаю и непостоянству слабой Фортуны.

Алекс. Еслили не должно почитать меня по рожденію, то по крайней мѣрѣ должно почестъ за что нибудь мои побѣды и славу, которую я пріобрѣлъ.

Диог. Еще менѣе; я бы тебѣ простилъ то, что ты родился Государемъ, еслибы ты думалъ только о благополучіи людей: но я не могу тебя похвалить за причиненіе всеобща-

го опустошенія ; ты соединилъ все свое просвѣщеніе съ мечемъ , который есть единымъ твоимъ закономъ. Ты называешь честолюбіе величествомъ ; ибо ты ничего не теряешь , давая добрыя имена своимъ заблужденіямъ. Я сему не удивляюсь ; люди всегда стараются дать видъ благородства слабостямъ , которымъ они подвержены. Но я тебѣ сказываю , что то , что ты называешь величествомъ , есть ничто иное , какъ быстрое теченіе крови , воспаляющее твое воображеніе. Какъ ! должно погибнуть всей Азіи для того , что кровь твоя имѣетъ нѣсколько пылкости и скорости ? Какое участіе имѣешь ты въ сихъ великихъ побѣдахъ , коими ты такъ славишься ? Естьли вычтешь участіе , какое въ оныхъ имѣли твои солдаты и Генералы , то какъ мало тутъ для тебя останется ? ты не иное что , какъ Герой , которому благопріятствуетъ Фортуна , а не Герой по достоинству. И ты былъ такъ безразсуденъ , что тогда , когда Фортуна была во всемъ тебѣ благопріятна , ты не умѣлъ себя ограничить ; всегда былъ дерзновененъ , надѣясь всего отъ самого себя. Не довольно имѣть великія достоинства , чтобъ быть великимъ человекомъ , надобно умѣть ими управлять. Но что ты выигралъ ,

ралъ, преступая всѣ границы правдоподобія? Только то, что заставилъ написать о себѣ нѣкоторой родъ романа. Должно было разбирать свои поступки, и оставить ихъ для примѣра и наученія людей.

Алекс. Какъ! слава, и вышняя слава, не есть благо?

Діог. О томъ, что называется славою, различно судятъ. Должно еще согласиться въ томъ, что имѣеть право носить сіе имя.

Алекс. Я называю славою то, что разумѣютъ всѣ люди подъ симъ названіемъ.

Діог. Заблужденіе, хотя и всеобщее, все останется заблужденіемъ. Нѣтъ ничего заразительнѣе, какъ воображеніе подобное своему. Оно такое сдѣлало впечатлѣніе надъ человѣческими воображеніями, что дѣйствіе онаго имѣеть свою силу и надъ нашимъ воображеніемъ; и мы тебѣ обязаны безумствомъ всѣхъ Героевъ.

Алекс. Сіе доказываетъ величество моей славы и склонности, какія имѣютъ люди занимать отъ оной впечатлѣнія и желанія.

Діог. Это не есть дѣйствіе природы, но швое. Ты такое сдѣлалъ во всѣхъ людяхъ впечатлѣніе, что они сдѣлали себѣ новыя расположенія въ

могугу, и навыкли думатьъ всегда такъ, какъ ты.

Алекс. И такъ скажи мнѣ, что достойно, по твоему мнѣнію, имѣть названіе блага, когда царство, которое мы получаемъ по рожденію, и когда пріобрѣтенная слава и счастье не могутъ онымъ назваться?

Диог. Я не говорю тебѣ, чтобъ они не были блага; но говорю, что они не такъ велики, какъ о нихъ думаютъ, и что за ними слѣдуютъ часто великія несчастія. Фортуна поступаетъ очень строго даже и съ тѣми, коимъ она благопріятствуетъ; она заставляетъ ихъ покупать весьма дорогою цѣною свои сокровища. Также и бѣдность не есть такое великое несчастіе, какимъ ты его себѣ представляешь. Недостатки бывають нечувствительны, когда желанія потушены; и я наслаждаюсь многими благами, коихъ ты не чувствуешь. По моему мнѣнію первыя блага суть добродѣтели; и всѣ различія учрежденныя между людьми не были, или не должны быть инымъ чѣмъ, какъ награжденіемъ за оныя. Я полагаю послѣ добродѣтелей независимость, удовольствіе духа и спокойствіе доброй совѣсти, блага, коими обыкновенно наслаждаются тѣ, которые обладаютъ пер-

выми. Ты самъ поль живо почувствовалъ, что человѣческое величество находится во внутреннемъ, что сказалъ о Парменионѣ: „Онъ простъ и нерадивъ съ наружи, но внутри украшенъ добродѣтелями своей души“. И такъ свое блаженство должно было бы состоять въ дѣланіи людей счастливыми, а не въ порабощеніи оныхъ, и учиненіи несчастными. Всѣ тѣ, кои занимали первыя мѣста, признавались въ нѣкоторыя минуты своего чистосердечія, что первое мѣсто есть худшее всѣхъ прочихъ. Нѣтъ такого человѣческаго блаженства, кое бы могло быть его подпорою безъ помощи Философіи; да ты и самъ, будучи угнѣтаемъ тяжестью своей гордости, не вскричалъ ли? „О Афиняне! коль много мнѣ сподобитъ получить отъ васъ похвалу!“. Но ты хотѣлъ только быть героемъ, а не великимъ человекомъ. Герой имѣетъ такую же храбрость, какъ и разбойникъ, и по случайности дѣлается побѣдителемъ; добродѣтель же сія, коль ни благородна сама по себѣ, перестаетъ быть добродѣтелію чрезъ употребленіе, которое ты изъ оной дѣлаешь. Великій человекъ соединяетъ всѣ добродѣтели, и онѣ въ немъ чисты. Ты никогда о томъ не помышлялъ, что пер-

вая

вая и благороднѣйшая побѣда, есть побѣжденіе сердець; ты всегда будучи внѣ себя, насыщаясь славою и счастьемъ, и скучая собственнымъ своимъ благополучіемъ, сію славу показывающуюся тебѣ тогда пріятною, когда ты за оною бѣгалъ, почилаешь ничего не стоящую, когда ее пріобрѣлъ. Естьлибы люди не заблуждались, естьлибы предразсужденіе тебѣ не послужило, шо тебя бы почли за бѣшенаго. Тебя поддерживаесть заблужденіе, которымъ ты самъ себя ослѣпилъ, или которое ты въ другихъ нашелъ; а предубѣжденіе затворило всѣ пути къ истинѣ. Ты распроспранилъ мнѣніе, которое ты имѣлъ самъ о себѣ, и все посвятилъ сему идолу.

Алекс. Надобно избрать между нами судію, чшобы узнать кшо изъ насъ глупецъ. Чшо касается до меня, я также думаю, какъ и всѣ люди; и я только распроспраняю общее заблужденіе, естьли такъ можно назвать прославленіе себя великими побѣдами.

Діог. Я довольно знаю, чшо твою сторону будутъ держать многіе: число разумныхъ очень невелико; и хопя ты и Государь, но разсужденіемъ своимъ подобенъ простолюдину. Завися всегда отъ людскаго мнѣнія, ты полагаешь свое блаженство въ разсужденіяхъ

другаго. Ты счастливъ столько, сколько имъ по кажется. Ты никогда не умѣлъ ни почитать себя, ни довольствоваться. Ты не почитаешь себя достойнымъ своего собственнаго почтенія; но общее мнѣніе, хотя оно и отъ заблужденія происходитъ, тебя за сіе награждаетъ. Сія великая слава служитъ подпорою твоей слабости. Твое самолюбіе и людское почтеніе держатъ завѣсы надъ твоими глазами; но случаются такія минуны, въ которыя истинна оныя снимаетъ, и показывается тебѣ въ настоящемъ своемъ видѣ. Тогда ты не въ состояніи будучи сносить ея вида, чтобъ удалиться отъ самого себя, вдался въ снисканіе побѣдъ. Непостоянство чрезъ волненіе свое дополняетъ твое блаженство. Ты не вещами утѣшаешься, но снисканіемъ оныхъ. Умѣренность и спокойствіе есть нѣчто великое, показывающее независимость. Что касается до меня, я имѣлъ столько основательности и твердости, что могъ обойтись безъ всякаго украшенія славою; я умѣлъ принудить себя быть неизвѣстнымъ. Ты не имѣлъ столько достоинствъ, чтобы жить такимъ образомъ, ни столько разума, чтобъ во время своей праздности трудиться въ познаваніи истинны.

Алекс. Гордосць твоя меня огорчаетъ. Развѣ ты забылъ, что всѣ мои великія дѣла были хвалимы орапорами, перевозносимы стихотворцами, описаны въ Исторіи, и что имъ удивляется свѣтъ?

Діог. Это не гордосць, но знаніе. Въ тебѣ хвалятъ не то, что въ тебѣ видѣли, но то, чего желали, чтобъ ты имѣлъ. Тебя никогда не почитали за твои добродѣтели, ни за нравы, но за знатность. Позволь мнѣ тебя спросить, какъ ты думаешь, твое достоинство ли заставляетъ людей тебя любить? Нѣтъ, они то дѣлаютъ по нуждѣ. Еслибы люди не имѣли страстей, то Государскіе дворы были бы пусты. Что такое придворные? Знапные люди, дѣлающіе подлости, или наемники, которые все дѣлаютъ за деньги. Вотъ твои врители, кои столь нужны, что еслибы ты былъ безъ сихъ свидѣтелей, то не былъ бы ты счастливъ. Твоя пышность кажется не такою, но намъ полезно. Если кто возымѣетъ ко мнѣ привязанность, то это конечно или по чувствованію, или за мое достоинство. Таковыя союзы для васъ не сотворены. Кто лучше насъ вкушаетъ пріятность дружбы? кому пристойнѣе сіи знаки? счастливые люди не знаютъ и того, что ихъ любятъ: и такъ лишены сихъ пер-

выхъ благъ, которыя происходятъ отъ чувствъ. Самой пріятнѣйшей погрѣшности, лестнѣйшаго заблужденія, сего веселія, имѣющаго источникъ свой въ сердцѣ, и толь пріятно льстящаго нашему самолюбію, ты вкушать не можешь; душа твоя никогда не бываетъ пріуготовлена къ ожиданію, ты не питаешься надеждою. Желанія твои не бываютъ раздражены препонами; и такъ ты заставляешь любить, не наслаждаясь самъ любовію.

Алекс. Кто сдѣлалъ лучшее употребленіе своимъ чувствамъ, какъ не я, когда я почтилъ Даріеву жену, пожертвовавъ движеніями своихъ страстей умѣренности и справедливости?

Діог. Это есть дѣйствіе добродѣтели, но оно не доказываетъ, что чувства имѣютъ равную цѣну какъ для тебя, такъ и для насъ. Однакожъ чувствованіе есть источникъ счастья и несчастья. Самыя вещественнѣйшія блага дѣлаются тогда благами, когда произведутъ впечатлѣніе въ нашей душѣ. Единое движеніе сердца, единое помышленіе разума можетъ болѣе произвести въ моей душѣ чувствованіе благополучія, нежели сколько все твое счастье можетъ сдѣлать въ твоей душѣ.

Алекс. Ты разсужденіемъ своимъ все уничтожаешь. Добродѣтели, великія каче-

качества, все исчезаетъ предъ тобою; и ты превращаешь природу вещей.

Диог. Это правда, моя Философія показала мнѣ всѣ предметы въ опмѣнномъ видѣ. То, что ты называешь славою, копорой ты всѣмъ жертвуешь, я называю пустою молвою, зависящею отъ своенравія Фортуны; и я не понимаю, за что такъ почитаютъ общее мнѣніе тѣхъ, коихъ презираютъ въ особенностяхи? Научайся, что путь къ безсмертію, есть путь добродѣтели. Что такое власть твоя? Вольность дѣлать то, чего часто лучше бы всѣмъ не дѣлать; богатство ваше есть только раждающіяся нужды; желанія ваши суть упадокъ величества и достоинства человѣческаго. Но самыя ваши величайшія веселія состоятъ въ томъ, чтобъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ другіе не въ состояніи веселиться. Сіе веселіе происходитъ отъ лукавства, которое происходитъ отъ гордости. Когда я умѣю уменьшать всѣ выгоды, которыя ты, по мнѣнію другихъ, имѣешь надъ нами; когда я знаю таинства умножить мои блага и уменьшить мои несчастія: то я во всемъ съ тобою равенъ. Можетъ стать ся я равенъ такъ же тебѣ и въ достоинствѣ; и ты сіе толь хорошо почувствовалъ, что нѣкогда самъ ска-

залъ: *если бы я не былъ Александръ,*
то хотѣлъ бы быть Діогеномъ. Когда твое
 честолюбіе соглашается дать мнѣ второе
 по себѣ мѣсто, то я могу почитать
 себя достойнымъ и перваго.

 III.

МОЛИТВА

 О просвѣщеніи души.

Азъ есмь, о Господи! твореніе твое,
 Внемли, Спаситель мой, моленіе сіе!
 Съ Тобой душа моя желаетъ соединиться,
 Твой хочешь видѣть свѣтъ, Тобою просвѣпиться;
 Ты свѣтлость вѣчная и непрестанный свѣтъ,
 Все освѣщаешь Ты, и все Тобой живешь;
 И насъ Ты просвѣпи во шмѣ шеперь сѣдящихъ,
 Изъ сѣни смершныя Твоихъ щедроць просящихъ;
 Открой намъ, Господи, ко истиннѣ пути,
 И ноги наши Ты къ стезѣ сей обрати!
 Ты славой каждой день, о Боже! просвѣщаешь,
 Умъ чиспишь, огонь любви къ Тебѣ Ты возжигашь,
 Изъ сѣни смершныя Тобой испоргнусь я,
 Мой Богъ Ты, мой Творецъ, надежда Ты моя,
 Ты духа мя шворишь учаспницею живаго,
 Излей въ меня, излей сіе на вѣки благо!
 Изъ мрака возлешипѣ къ Тебѣ моя душа,
 Любовію къ Тебѣ сердечною дыша.
 Мое желаніе Тобою совершится,
 И чувствіе и умъ и сердце просвѣпится,

Возжги во мнѣ Ты свѣщѣ , да испиино Тебя
 Познаю , возлюблю я болѣе себя ;
 Инаго блага нѣщѣ ; Богѣ благо совершенно ,
 И Богу угождашь мы должны непременно .

IV.

АРИСТИДЪ

*Изгоняемый изъ отечества , и подающій
 здрачья настапленія дѣтямъ своимъ .*

Аѳины не долго щадили славу Аристидову ради полезной его добродѣтели. Давъ ему священнѣйшее имя, какое шокмо можетъ носить человекъ, наказали за то, что онъ впечатлѣлъ свойство онаго въ своемъ поведеніи, изгнаніемъ его изъ стѣнъ своихъ. Клисѳенъ, пораженный симъ ударомъ, который отдалялъ отъ него друга, осмѣлился оправдать Аристиды, услышавъ проповѣдь него ругательства. Въ нашихъ ли стѣнахъ долгъ повелѣваетъ наказывать человека, начертавшего на своихъ дѣянїяхъ священныя знаки любви къ отечеству и правосудїя, соединенно его защищающихъ? — Когда мы проименовали его *спрапедливымъ*, мы были въ изступленіи, отвѣтствовалъ на сіе нѣкоторый Сенаторъ : онъ нынѣ опасенъ ;

сенѢ; высылая его, мы поступаемѢ, какѢ должно АѣинянамѢ. Когда гражданинѢ спановится подозрителенѢ, не можно довольно ускорить сокращеніемѢ его безславія, и предупредить безславіе государства. СенатѢ одобряетѢ; а КлисеенѢ вскричалѢ: спупай, АристидѢ! что тебѢ оставаться въ АѣинахѢ, когда въ СенатѢ спрашатся правосудія? Удаляйся, бѣги поношенія; добродѣтель тебя зоветѢ, слава тебя сопровождаетѢ, изгнаніе твое есть торжество.

Конечно, прервалѢ АристидѢ отходя, прошедшее, настоящее и слѣдующее пускай соединятся на мученіе меня; да не щадятѢ меня враги за то, что я служилѢ отечеству: рука дѣлающая несчастныхѢ не довершитѢ никогда моего несчастія. Какія наши добродѣтели, когда любовь къ согражданамѢ вмѣнена въ преступленіе? Сія любовь, которая даруетѢ намѢ душу, и возводитѢ изѢ ничтожества. Будь спокоенѢ, другѢ мой; сей день есть славнѣйшій день жизни моей; я постараюсь его кончить лучшимѢ образомѢ. Приходи иногда ко мнѢ, и утѣшайся со мною, видя въ АѣинянахѢ младенцовѢ, забавляющихся заблужденіемѢ, и падающихѢ между игрою въ ископанныя пропасти.

Онъ выходя изъ города, возвелъ очи и руки свои на небо, просилъ боговъ не наказывать Аѳинъ бѣдствіемъ за то, что пипаютъ завистливыхъ, злобныхъ и ревнивыхъ гражданъ . . . . О родитель! могутъ ли Боги услышать твою молитву, возопили къ нему дѣти, обливая его своими слезами? Ты призываешь небеса въ помощь Аѳинамъ, когда сей городъ припѣсняетъ тебя? . . . . Дѣти, я долженъ ихъ призывать: боги утѣсненныхъ суть равномѣрные утѣснители утѣсняющихъ . . . . Въ наказаніе конечно? Единое преступленіе, котораго они не опускаютъ, есть поправаніе невинности и немощи . . . . Дѣти! мы не отвѣщаемъ небесамъ за погрѣшности земныя. Я лучше соглашусь быть жертвою Сенаторовъ, нежели съ ними участвовать. Всякое преступленіе Сенапа есть заблужденіе. Если бы онъ не имѣлъ покрывала на глазахъ, пошелъ ли бы я въ ссылку? Останусь ли я въ ней, когда оно рушится? — О родитель! Тотъ услужитъ богамъ, кто за тебя отмститъ . . . . Такъ вы ихъ не знаете; не думаете ли вы, что они предпочитаютъ злодѣйство заблужденію, и жестокость слѣпотѣ? Любезныя дѣти! Спрашитесь сихъ самыхъ боговъ, которыми вы надѣетесь мщеніемъ за меня

уго-

угодить. Теперь время поступить по правиламъ, внушеннымъ мною вамъ о божествѣ. Вспомните, вы почувствуете, чего небеса пребудутъ въ несчастіи, и что можетъ религія въ тѣсныхъ обстоятельствахъ? Человѣкъ, который со стороны сихъ золъ, можетъ имѣть совѣсть чуждую угрызений, не столько долженъ жаловаться, сколько воображаютъ себя многіе. Что мученіе тѣла въ сравненіи съ удовольствіемъ чистаго сердца? Искра добродѣтели можетъ согрѣть отъ горести оледенѣвшую душу.

Увы опчемой! вскричала Поликрида; толь неожиданной оборотъ, и ниспаденіе съ чести въ безвѣстность, скоропостижное прехожденіе отъ шума дѣлъ въ уединеніе, есть весьма чувствительный ударъ.... Любезная дочь, онъ чувствителенъ для того, который не можетъ обратиться съ духомъ, и который его никогда къ себѣ во внутренность не призываетъ, чтобы имъ насладиться; но не проходитъ дня, что бы вашъ отецъ не принуждалъ себя испытывать паденія своего. Хотя бы Греція дала мнѣ свою корону, я бы ея никогда не возложилъ на себя, безъ того, чтобы духъ мой не сошелъ на мѣсто послѣдняго изъ несчастныхъ, собирающихся къ возведенію на сіе достоинство. Престолъ цѣлаго свѣта
не

не принудилъ бы меня забыть людей, оный укрѣпляющихъ. Тогда бы я его занялъ, любезная дочь, когда бы сходилъ и облобызалъ плугъ, пилу и серпъ, твердость его составляющіе . . . . Но какъ наполнить въ уединеніи пустоту оставшуюсь отъ дѣлъ въ швоемъ сердцѣ?

— Любезныя дѣти, сердце гражданина никогда не пусто. Природа вложила должности, которыми я не могу довольно быть занятъ. Я бы спеналъ; но сіе приключеніе избавило меня сего, и я благословляю руку, которая навела оное. Безъ того, можетъ быть, вы бы нѣкогда сдѣлали хуже еще изгнавшихъ меня. О когда бы вы меня слушая, дѣлали всегда лучшее! утѣшайте себя, любезныя дѣти; несчастіе есть рука промысла, которая очищаетъ добродѣтели чело-вѣческія; я несказанно счастливъ, что она мнѣ даетъ случай загладить пятно; я увѣренъ, что боги на меня призираютъ.

Хижина и рубище насъ ждетъ: что въ томъ? Истинна и вольность не перяютъ своей цѣны подъ кровлею изъ моха; постараемся, чтобы добродѣтель у насъ обитала. Дерзнемъ не вѣрить Аѳинамъ, будто мы лишены всѣхъ средствъ служить имъ. Люди, остающіеся опцами, дѣтьми и согражданами, значатъ для опечества что нибудь,

и въ самое то время, когда оно ихъ сражаетъ. Аристидъ сіе доказалъ. Все время, проведенное въ уединеніи, употреблено имъ на исправленіе нравовъ и воспитаніе дѣтей своихъ. Истинна любитъ уединеніе. Для пріобрѣтенія оной, должно оплучить себя отъ всего. Аристидъ, который въ шумѣ дѣлъ держалъ себя въ отдаленности отъ міра для того, чтобъ видѣть всѣ онаго излишества, употребилъ сіе уединеніе на познаніе пружинъ и злоупотребленій онаго.

Любезные дѣти! сказалъ онъ имъ нѣкогда, я часто вамъ говаривалъ о неизмѣримой цѣпи должностей, соединяющихъ человѣка съ богами, и привязывающихъ его къ землѣ. Я не умру, не изобразивъ вамъ живо оныхъ. Возведите взоръ вашъ къ божеству: я показалъ вамъ правосудіе, каково оно есть въ своемъ началѣ, единообразно, непремѣнно и вѣчно. Нынѣ надлежитъ вамъ сойти съ небесъ, обратиться на законы человѣческіе, и судить землю на семъ важномъ пунктѣ. Помните сказанное мною о происхожденіи и союзѣ человѣческихъ желаній. Я напоминалъ вамъ примѣнить, что необходимость служила корнемъ первому, а польза, удобство и пріятность сославили другой. Нынѣ вы пришли въ такія лѣща, въ которыхъ я могу и долженъ

вамъ

вамъ сказать, что тщеславіе, раждающееся отъ благополучныхъ успѣховъ, растягиваетъ сію цѣпь, и производитъ силу и припворство, составляющія онаго послѣдній узелъ. Всему доказательство и картина, которую можно себѣ въ умѣ представить, есть слѣдующее: сила и роскошь равно на вѣсахъ тянутъ въ міръ; одна попираетъ должности человѣческія, другая народныя права, для достиженія вѣнца, воображеніемъ сплешеннаго и тщеславіемъ возлагаемаго. Припворство, довольно будучи тѣмъ, что даетъ видъ, соединяетъ свой ехидный языкъ съ его дѣйствиемъ. Оно раздираетъ подъ видомъ украшенія и сохраненія, и умерщвляетъ людей, служа богамъ. Вотъ, любезные дѣпи, полишка и служеніе! Мало государствъ, не много священноначальствъ, и нѣтъ людей, къ которымъ бы не можно было отнести сего правила. Насиліе и роскошь истощаютъ, обременяютъ и въ отчаяніе ввергаютъ родъ человѣческій; а изъ сего раждаются мірскія бѣдствія. Припворство покрывается священнымъ покрываломъ небесъ, поражаетъ подъ видомъ святости землю и стѣсняетъ оную своими благочестивыми злодѣянїями; отъ сего раждается влоче- стіе и клевета. Бранный мечъ становится

скип-

скиптромъ преступленія ; величество добродѣтели , пружиною движимою для удовлетворенія жадности къ злапу , могуществу и честполюбію.

Ты въ ужасъ меня приводишь , любезный родитель , сказалъ Лизимахъ ! Развѣ нѣтъ ни правленія , ни человѣка правосуднаго ? . . . . Любезный сынъ , прервалъ Аристидъ , естлибѣ не было : зло , о которомъ я съ вами говорю , не было бы одно . . . . Но естли зло толико всѣмъ сдѣлалось общимъ , какимъ же образомъ оное опличить ? . . . . Надежное правило , Лизимахъ , найдешь въ книгѣ небомъ и природою намъ отвергаемой. Разсудокъ показываетъ всегда нужную страницу , а совѣсть при оной насъ удерживаетъ. Естли бы , не смотря на невозможность , былъ ты помѣщенъ внѣ міра , и взиралъ на всѣ происшествія со стороны правосудія , въ глубинѣ сего правосудія , на имѣющія одну наружность блага и зла , обнаженные въ сущности вещи : чувства твои , принудивъ бы тебя къ дѣланію различія и умствованію , душа твоя пришедъ въ силу судить , не опредѣлила ли бы тогда цѣны и мѣста сихъ вещей ? Ничто тебѣ не воспрепятствуетъ въ семъ подѣ бездною небесъ : нужно токмо разгнать мракъ займѣвающій предметы , и раз-
драсть

драсть завѣсу закрывающую оныя; а къ сему ты имѣешь два средства, въ которыхъ никогда недостатка не будетъ; время, которое будетъ тебѣ служить учителемъ, и бѣдствіе, которое послужитъ тебѣ ученіемъ.

Должно ли, для опредѣленія надлежащей цѣны вещамъ, подвергаться несчастію? . . . — Любезный сынъ, несчастіе ближняго можетъ научить, но собственное бѣдствіе скоро постигаетъ, и не возможно принять надлежащихъ мѣръ къ отвращенію онаго: должно токмо забыть себя, а кто не забывается? . . . — Ты объявилъ свое мнѣніе о мірѣ, правленіи и людяхъ: смотря на сіе, привязанность твоя къ Аѳинамъ и Аѳинянамъ меня въ удивленіе приводитъ, родитель мой; и я искренно признаюсь, что сіе не такъ меня прельщаетъ . . . Слушай Лизимахъ, что вѣщаетъ тебѣ природа въ разсужденіи опечества и подобныхъ тебѣ: законъ всѣмъ общій, непремѣненъ, и онъ внушаетъ любовь. Законъ, данный тебѣ здравымъ разумомъ для сохраненія, содержанія и защищенія собственно твоей особы, дозволяетъ ли питать ненависть и мщеніе? Правленіе отступаетъ отъ своихъ правилъ и законовъ: благоразумно ли ты сдѣлаешь, еслили учинишь себя

1782. Августъ Часть II. Т пре-

преступникомъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ сіе оныя исправить? Люди суть свирѣпыя животныя и надменные; изрядно, укроти ихъ звѣрство. Поведеніе и нравы неукоризненные даютъ кропость, пріятность, вольность; сіе ихъ привлекаетъ. Жалуйся на нихъ, но не презирая; наставляй ихъ, но безъ гордости; прощай заблужденія и предразсужденія: они къ онымъ пріобыкли, съ ними возрасли и воспитаны; ихъ природа не столько виновна, какъ упорная воля ихъ. Если они не оставляютъ своей слѣпоты, ты не имѣешь права ихъ за то наказывать. Если ты думаешь имѣть оное, законъ не сдѣлаетъ твоего злодѣянія законнымъ. Сноси равнодушно отъ нихъ обиды; ложная честь имъ влагаетъ оныя, а самолюбіе неправильное, слѣпая корысть, худое понятіе о правосудіи подкрѣпляютъ ихъ. Твоя пощачка должна соразмѣрна быть твоему просвѣщенію: чѣмъ болѣе природа откроетъ тебѣ таинствъ, тѣмъ менѣе имѣешь права презирать тѣхъ, которымъ она не открыла. Станься можетъ, они не познаютъ твоихъ намѣреній; можетъ не поймутъ твоего языка: нужды нѣтъ: основательныя твои правила, веселый духъ, тишина, царствующая въ твоей совѣсти, награждаютъ

дять тебя за претерпѣнное. Съ высоты, на которую ты возвысишься, узришь проходящее безъ страха стадо львовъ, тигровъ, агнцевъ, волковъ, подъ видомъ человѣческимъ, коихъ ты въ свойство и склонности проникнешь съ перваго взгляду, и которыхъ будешь искать, или удаляться, потому какъ они споспѣшествовать будутъ твоему блаженству, или разрушать оное. Случайность, можетъ быть, возведетъ тебя на степень шѣхъ, коихъ называютъ *Великими*; изъ нихъ нѣкоторыя Богами вѣнчанны. Сердце восторгомъ обѣмлется, при произнесеніи тебѣ сего, любезный сынъ! падай къ стопамъ оныхъ! не подло унижаться предъ *челопѣкомъ*; но если возведенные на сію степень достоинства ползаютъ душою своею, если почитающіе себя различнаго съ тобою естества превозносятся властію и сокровищами: возвысь на высоту разума и отвѣтствуй имъ; если они тогда не внемлютъ словамъ твоимъ, убѣгай ихъ изъ жалости. Не благоразумно и не позволительно быть мудрымъ предъ *человѣкомъ* сильнымъ, который ненавидитъ здраво мыслящаго и вѣщающаго истинну и свободу. Помни, что ты рожденъ свободнымъ, и что имѣешь право повиноваться однимъ законамъ; никого не опасайся кромѣ

оныхъ. Пока будетъ въ тебѣ существовать душа, храни сіе благородное и высокое чувствованіе; темница, мученія ничего не могутъ противъ него; и когда кто хранитъ оное, тотъ владеетъ мужествомъ, тогда тотъ и добродѣтеленъ; подлый рабъ и льстецъ, всегда худые подданные.

Если бы мнѣ слѣдовало жить въ Монархіи? . . . . Монархъ полагаетъ предѣлъ своей власти. — Кто въ семъ поручится? — Собственная его польза. Вѣрь, Государь, забывающій себя самъ первый отъ того терпитъ. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не зналъ, что они не имѣютъ ненавистнаго права удручать подданнаго горестію, и лишать напрасно жизни. Знаю, что были изъ нихъ такіе, которые сіе право превращали въ добродѣтель шѣмъ, которые имъ оное давали: но симъ чудовищамъ кто изъ смертныхъ пожелаетъ быть подобнымъ? — Однако имъ должно было повиноваться, сказалъ Лизимахъ. — Принужденіе не значитъ покорности; стонъ, не желаніе. Се, доказательство, любезный сынъ, сказаннаго мною, то есть, что насиліе попираетъ право народное, чтобъ возвыситься! — Чтожъ въ такомъ случаѣ начать? — То, что начинаютъ въ несчастіи, котораго

раго ни предусмотрѣть, ни предупредитъ не возможно было: проливать слезы къ природѣ, оплакивающей произшествія ей противныя, призывая рушеніе причинѣ оныхъ, и ждаты отъ времени обстоятельство, въ которыхъ бы ты могъ требовать правосудія отъ законовъ противъ законовъ. Дражайшія дѣти! почитайте Боговъ, старайтесь о добродѣтели, ищите дружества, снискивайте блаженство, любите истинну, будьте истинны въ разсужденіи самихъ себя, наблюдайте справедливость въ разсужденіи прочихъ, отвращайте взоръ отъ неправосудія и заблужденій людскихъ: тогда то узнаете, какъ прощать и за причиненныя вамъ бѣдствія. Поступайте по симъ правиламъ болѣе еще, нежели по законамъ; и вы испытаете во всѣхъ и на всемъ блаженство бытія человѣческаго. Любезныя дѣти! Сей есть духъ родительскій, сей есть вѣщающій вамъ гласъ его; будьте терпѣливы въ своихъ желаніяхъ; умѣйте ожидать и отставать; почитайте себя благополучными, когда въ вашихъ горестяхъ получите частицу желаемаго. Обуздавайте спраси, для приведенія себя въ безопасность отъ слабостей. Если они для души то, что душа для тѣла: побѣда одерживаемая

надъ ними отнимаеѣ часто желаніе одерживать иныя.

Слова твои утѣшаютъ насъ при своемъ униженіи, говоритъ Лизимахъ. — Это ты говоришь о униженіи! Любезный сынъ, можно ли почестъ себя униженнымъ за добрыя дѣла? И не лучше ли сойди единожды, нежели подвержену быть всегдашнему искушенію страха, чтобъ не пасть. Вѣрь мнѣ, безъ сожалѣнія тѣ нисходятъ, кои восходятъ не изъ честолюбія. Если бы ты зналъ точно обширность должностей, которыя надлежитъ гражданину, вступающему въ Сенатъ, исполнять; сколько попеченій и заботъ должно ему употребить! Знаешь ли ты, что есть нѣчто, чѣмъ можно привести въ трепетъ члены свои, когда въ разсужденіе принять, что не довольно для сего священнаго собранія не дѣлать никому зла, но что оно еще должно отвѣтствовать за добро, котораго не дѣлаетъ? — Тѣмъ же оно и виновнѣе противъ тебя — Я признаюсь, любезный сынъ, что Сенатъ преступилъ въ разсужденіи меня: но справедливъ ли или ослабленъ онъ, я служу доказательствомъ сказанному мною. Жертвованіе частной пользы общему благу рождаетъ недовольныхъ, такъ равно, какъ и жертвованіе общимъ бла-

благомъ частному прибытку ввергаетъ многихъ гражданъ въ бѣдствіе. Сенату единожды обольщенному и обманутому не должно было медлить въ мысляхъ при такихъ обстоятельствевахъ. —

Нѣтъ, любезный родитель, но пользуясь своими благодѣяніями и благоденствіемъ, не терялъ ли онъ послѣдняго права на то, чтобъ тебѣ причинить огорченіе, паче же лишитъ жизни? —

Сынъ! онъ не такъ усматривалъ мою горестъ, какъ свои выгоды; по его основаніямъ мнѣ надлежало удалиться для спасенія его. Когда Сенатъ отворяетъ дверь гражданину, отворяетъ для того, чтобъ имъ повелѣвать и пользоваться его услугами и вѣрностію; а гражданинъ входя въ оный долженъ забыть желаніе. Хотя бы онъ Орелъ былъ, онъ не далѣе какъ до совѣщовъ возвышаться долженъ. Бѣда Аэинамъ, естли равенство рушится между Сенапорами. Одинъ человекъ можетъ быть душою республики: но республика должна полагать границы его духу, посылать его предъ собою и попускать, чтобъ онъ царствовалъ, естли тебѣ угодно, повелѣвая самимъ собою. Наша республика, изгнавъ Царей, сопрягла ненависть съ властительствомъ, и сія ненависть должна жить въ сердцѣ всякаго Аэинянина

сѢ вольностію. ВпрочемѢ , любезный сынѢ , закроемѢ сіе завѢсою. Естьли не молчаніе , то забвеніе намѢ поможетѢ болѢе , нежели жалобы и слезы. Особливо отложимѢ негодованіе ; шы однимѢ послѢдованіемѢ и подражаніемѢ мнѢ можешь утѢшить и оправдшь меня. Жизнь моя проходитѢ ; любезныя дѢти , вы ее помрачите , естьли потеряете моею ссылкою свою невинность. Небеса соединяютѢ славу сѢ подвигами и препонами ; для торжествованія , должно сразиться и побѣдить. Я весьма счастливѢ , что мнѢ остается только сражаться сѢ собою , для одержанія совершенной побѣды.

 V.

 АНЕКДОТЫ

I.

Страннопримстпующій АминтѢ.

ВѢ одинѢ вечерѢ молодой ДаФнисѢ возвращался вѢ свой шалашѢ сѢ ковою , которую ему подарили его поварищи паслухи за то , что онѢ лучше всѢхѢ ихѢ игралѢ на свирѢли. ОнѢ нашедши на берегу рѢки небольшую лодку , вѢ которой можно было чрезѢ оную переправить.

випься, сѣлъ въ сіе судно съ своею рѣзвою козою, и отъ радости, воображая въ умѣ своемъ, сколь пріятна будетъ сія, по превосходству полученная имъ добыча его семьѣ, не примѣшилъ, что рѣка съ свирѣпствомъ начинала волноваться. Онъ былъ уже на срединѣ оной, какъ, ударившись о подводной камень, переломилъ свое весло. Тутъ быстро понесла его вода; коза тотчасъ выскочила изъ судна и приплыла къ берегу: а онъ всякую минуту опасался, чтобъ не разбиться о камни, скрытые подъ водою, объ которые свирѣпыя волны ударяясь, производили чрезвычайный шумъ. Въ сихъ обстоятельствевахъ онъ уподоблялся безгласному ягненку, уносимому лютою львицею къ своимъ дѣтямъ, которыя при входѣ ея въ берлогу съ ревомъ смотрятъ на свою добычу. Однакожъ къ счастью своему не попалъ онъ ни на одинъ камень; но только плылъ до тѣхъ поръ, пока темная ночь скрыла отъ него берега. Часто, когда показывался ему вдали нѣкоторый слабый свѣтъ, онъ плачевнымъ голосомъ требовалъ помощи; но все было бесполезно: рѣка съ великимъ стремленіемъ его уносила. На послѣдокъ сей свѣтъ, къ которому онъ съ скоростію приближался, казался быть на суднѣ, пла-

вающемъ по рѣкѣ. Онъ закричалъ, сталъ просить помощи; и судно, которое плыло напередъ его, остано-вилось. Два рыбака, ловившіе съ подсвѣтомъ рыбу, взяли дружелюбно Дафниса въ свое судно, и привезши къ берегу, опвели его въ свою жи-жину, которой стѣны обвѣшены были мокрыми сѣтьми. Дафнисъ нашелъ путь почтеннаго по своимъ лѣтамъ человѣка, одѣтаго въ странное платье. Подлинно, сказали рыболовы мы сего дня счастливы! Вотъ ужъ двое иностранныхъ, которые Божиимъ промысломъ къ намъ приве-дены! Мы ужъ два раза имѣли удоволь-ствіе подать несчастнымъ помощь. Между тѣмъ одинъ пошелъ для своихъ гостей готовить рыбу, а другой при-несъ хлѣбъ, вино и плоды. Старикъ посадилъ Дафниса и благодарнаго рыболова по сторонамъ, а самъ сѣлъ посреди ихъ. Они просили Дафниса раз-сказать имъ, какъ унесла его рѣка: поче-му онъ описывалъ имъ свой страхъ, какъ тщетно требовалъ онъ помощи, и какъ обрадовался, увидя водоходное судно и огонь. Они долго имѣли дружеской между собою разговоръ; ибо не царствуетъ ли дружба между несчастными, со-шедшимися у добродѣтельнаго человѣ-ка, который подалъ имъ руку помощи,

и благодарилъ Боговъ, что они симъ его осчастливили? Такимъ по образомъ они разговаривали до того времени, какъ другой рыбакъ, пришедъ съ веселымъ видомъ, принесъ блюдо съ вареною рыбою, поставилъ его на столъ, и сѣвъ также съ ними, просилъ своего гостя откушать. Отецъ мой, сказалъ одинъ изъ нихъ старику, платье твое богато и странно, а рѣчь не сходна съ нашею; почему и заключаю, что несчастія твои привели тебя сюда изъ далекихъ странъ. При сихъ словахъ старикъ вздохнулъ и немного помолчавъ сказалъ: „ Нѣтъ, я не изъ далекихъ странъ сюда пришелъ, а изъ города Кротона, гдѣ я былъ Сенаторомъ. Но ахъ! начальники Сената, которые должны любить Бога, добродѣтель и правосудіе, утопаютъ въ роскоши, возвращаютъ нравы народа, и жертвуютъ добродѣтелью и правосудіемъ своему корыстолюбію и порокамъ. Народъ, будучи слѣпъ, всегда обманывается; онъ обожаетъ тѣхъ, которые подрываютъ основаніе его благополучія. Я то видѣлъ, сражался за добродѣтель и правосудіе: но за сей подвигъ всѣ меня возненавидѣли. Коварства, посѣянные ими въ народъ, доставили имъ безопасность утѣснять

„снять правыхъ и невинныхъ. Нако-
 „нецъ они изгнали меня изъ города, въ
 „которомъ я родился. О праведные
 „боги! ежели въ вашихъ опредѣленіяхъ
 „изготовлено уже какое нибудь наказа-
 „ніе для нихъ, то смягчите праведный
 „свой гнѣвъ, и отвратите оное несча-
 „стіе, приближающееся уже къ стѣнамъ
 „сихъ злодѣевъ!

Старикъ, проговоря сіе, съ воздыха-
 ніемъ замолчалъ. Прочіе будучи преис-
 полнены нѣжнаго сожалѣнія, также за-
 молчали. Казалось, что они поражены
 были страхомъ, услышавъ, что есть
 въ свѣтѣ мѣста, гдѣ добродѣтель и
 правда оставлены безъ защиты отъ
 нападенія несправедливости и злополу-
 чія: ибо горестно для человѣка слы-
 шать, что ему подобные не правосуд-
 ны, мздоимны и порочны. Рыбаки ста-
 ли утѣшать старика; они старались
 развеселить его забавными разговорами
 и рассказываніемъ различныхъ приклю-
 ченій до тѣхъ поръ, пока сонъ не скло-
 нилъ ихъ къ успокоенію.

Дафнисъ съ великимъ безпокойстві-
 емъ проводилъ ночь, помышляя о сво-
 емъ отцѣ; онъ чувствовалъ печаль, въ
 какой сей добродѣтельной отецъ бу-
 детъ находиться, когда не найдетъ его
 дома. По утру рано, лишь только солн-
 це

це коснулось своими повлащенными лучами ихъ кровли, обросшей зеленымъ мхомъ: по рыбаки и гости ихъ сошлись въ одно мѣсто. Старикъ взялъ свой посохъ, обнялъ хозяевъ и проливая слезы, скавалъ: боги да наградятъ васъ за ваше благодѣяніе! ДаФнисъ также ихъ обнялъ, и простившись пошелъ съ нимъ вдоль по берегу рѣки. Онъ со товариществовалъ старику, шествуя съ нимъ самыми тихими шагами, увидя же усталость его, просилъ, чтобъ онъ оперся на его плечо. Въ полдень даФнисъ искалъ, нѣтъ ли какой пѣни, подъ которою бы старикъ могъ успокоиться, и нашедши вязъ, привелъ его подъ оной, гдѣ оставивъ его одного, самъ пошелъ искать плодовъ. Онъ скоро съ оными возвратился, и поѣвши начали опять свое путешествіе. При наступленіи вечера указалъ онъ старику вдали свою хижину. Аминшъ, отецъ даФнисовъ, погруженъ будучи въ великую печаль о необычайномъ долговременномъ его отсутствіи, сидѣлъ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ при слабомъ свѣтѣ опъ зажженнаго ночника. Едва услышалъ стукъ, и увидѣлъ другаго своего сына, какъ въ восхищеніи дрожитъ, встаетъ и бросается на шею даФнису. О сынъ мой! вскричалъ онъ, сынъ мой!... Это ты!... Я безъ тебя

тебя ночь и день проводилъ въ великомъ безпокойствѣи. Но увидя старика, остано- вляется, съ веселіемъ ему кланяясь пожи- маетъ у него руку. Дафнисъ живо изо- бразилъ своему отцу, какъ онъ занесенъ былъ бурей, и какъ рыбаками былъ спа- сенъ. Онъ разсказалъ ему также исто- рію пришедшаго съ нимъ старика, и не позабылъ упомянуть о стараніи, кото- рое онъ ему оказывалъ, служа вмѣсто проводника при переправленіи чрезъ рѣ- ку. Отецъ слушалъ его съ восхищені- емъ, и утѣшался, видя въ сынѣ своемъ знаки добродѣтели и соболѣзнованія.

О любезный мой другъ! сказалъ Аминъ старику, пользуйся всеѣмъ шѣмъ, что мнѣ боги даровали, да будетъ моя хижина твоимъ жилищемъ. Послѣ сихъ словъ посадилъ его на стулъ обитый мягкою кожею, и поставивши посохъ въ уголъ, сѣлъ подлѣ него и просилъ его отдохнуть. „Ахъ какое благополучіе! „сказалъ старикъ преисполненъ будучи „удивленія и радости, какое благопо- „лучіе жить между добродѣтельными „людьми! о любезные мои друзья! у „васъ я нахожу дражайшую добродѣтель, „которой тщетно искалъ я въ моемъ „отечествѣ. Почтенный другъ, отвѣ- „чалъ ему Дафнисовъ отецъ не полагай „въ число великихъ добродѣтелей спо- „моще-

„моществованіе несчастнымъ. Кто се-
 „го не исполняетъ, тотъ прямо извергъ
 „природы человѣчества! Для чего Боги
 „приняли подъ свое покровительство
 „мою хижину? Для чего изливаютъ они
 „свое благословеніе на мои дерева? Воз-
 „можно ли, чтобы я одинъ по своей во-
 „лѣ жилъ въ своемъ шалашѣ, когда
 „есть въ немъ мѣсто и для многихъ?
 „возможно ли, чтобы я одинъ наслаж-
 „дался изобиліемъ своимъ обременяю-
 „щихъ вѣтви моихъ деревьевъ? „ Такимъ
 образомъ разговаривали между собою
 старики, а между тѣмъ ДаФнисъ на-
 крылъ столъ, и поставилъ молоко,
 хлѣбъ и плоды.

Вскорѣ они всѣ насытились сладо-
 стію сего хопя не пышнаго, но доволь-
 наго ужина. Аристъ, (такъ назывался
 почтенный Кропонскій Сенаторъ) не
 много уставши отъ далекаго пупи, по-
 коился глубокимъ сномъ до того време-
 ни, пока не былъ пробуженъ пѣснями
 пастуховъ, которые, выгоняя свои ста-
 да на паству, сопровождали ихъ играні-
 емъ на своихъ свирѣляхъ. Онъ вышелъ
 изъ шалаша для осмотра окрестныхъ
 онаго мѣстъ, вошелъ на близъ лежащій
 холмъ, откуда увидѣлъ при сіяніи
 утренняяго свѣтила пространныя поля,
 холмы украшенные деревьями; а далѣе
 го-

горы и пашни, испещренные цвѣтками, долины и луга покрытыя пріятною зеленью. Вдали сѣ пихимѣ журчаньемѣ протекала рѣка. Среди полей, холмовѣ, рошей и каменистыхѣ горѣ, натурою произведенныхѣ, тихіе ручейки производящіе по камушкамѣ порывистое журчаніе, извиваясь вкругѣ, касались кустовѣ и травы наипрѣятнѣйшимѣ образомѣ. Цѣлыя стада пшциѣ, сидя на вѣшвахѣ орошенныхѣ росою, громко воспѣвали, и разноголосное ихѣ пѣніе раздавалось по чистому воздуху, къ чему присбединялись свирѣли пастуховѣ и пѣсни пастушекѣ, кои вмѣстѣ по холмамѣ и по окрестнымѣ лугамѣ пасли свои стада. Спарикѣ, приведенѣ будучи вѣ изумленіе симѣ сельскимѣ житіемѣ, обращалѣ свой взорѣ то на отдаленнѣйшіе предметы, то на произрастѣнія и цвѣты, которые подѣ его ногами наполняли воздухѣ благовоніемѣ. Грудь его вздымалась, и онѣ воспоргѣ свой извяснилѣ сими словами:

„Колико я плѣненѣ побою естество!

„Коль прелестными швоихѣ красота я восхищаюсь!

„Возможноль градское огромно естество

„Сравнишь сѣ сей простотой, я коей удивляюсь?

„Почто я вышедши давно уже на свѣшѣ,

„Сѣ почтеніемѣ къ тебѣ столь поздно припадаю,

„О не испытанный судьбы моей совѣшѣ!

„Всѣхѣ благѣ лишь отѣ тебя я нынѣ ожидаю

- „ Спарашься мнѣ вредишь пусть дѣло будетъ
злыхъ ;
- „ Я не желаю имѣ за то другаго мщенья,
„ Лишь полькобѣ суешны спаранья были ихъ :
„ Довольно казни сей для злаго усремленья.
„ Ихъ злоба у меня могла ли что опинять ?
„ Со всѣми ихъ честьми, со всею ихъ заботой,
„ Я нынѣ прелестей обманчивыхъ нзъяшъ,
„ Сопровождаемыхъ несносною работою :
„ Но ахъ ! не о себѣ въ печаль я погруженъ !
„ Несчастный мой народъ ! что сдѣлалось съ
побою ?
- „ Ты вовсе преданъ злымъ, ты ими окруженъ,
„ Злодѣевъ сихъ всегда имѣешь ты съ собою !
„ На пагубу мою взирая челоуѣкъ,
„ Опѣ добродѣтели блѣднѣетъ и спрашивается.
„ Какими горестями исполненъ спалъ мой вѣкъ !
„ Враговъ моихъ вся злость колико ни ярился,
„ Всегда стремящихся губить и гнать меня :
„ Но ты невѣрностью сихъ усугубилъ злобу.
„ Охотно все сіе тебѣ прощаю я,
„ Хотя виновенъ ты, что я иду ко гробу,
„ Ихъ лестныя слова могли тебя склонить ;
„ Проникнушь ты не могъ, что въ сердцѣ я
(имѣю ;
- „ Но съ кѣмъ же долженъ я друзей своихъ срав-
(нить ?
- „ Они всю знали мысль и что я разумѣю,
„ Они жестокою измѣною своей
„ Всѣ добрыя дѣла въ порокъ мнѣ обратили,
„ И пользуясь еще всей дружбою моею,
„ Мнѣ путь къ своимъ сердцамъ коварствомъ пре-
(крашили ,

- „ Сбъ какою радостью встрѣчаетъ всякъ пасухъ
 „ Меня въ своихъ поляхъ! сбъ какимъ всегда спа-
 (раньемъ)
 „ Хотятъ увеселишь мой огорченный духъ!
 „ Старикъ чувствительнымъ своимъ увѣщевань-
 (емъ,
 „ Паспушка для меня пріятну пѣснь поешъ,
 „ Младенецъ предо мной въ невинности играешъ,
 „ Вошъ вѣрные друзья! вошъ ихъ по лучше нѣшъ!
 „ Спокойно сбъ вами жить ничто мнѣ не мѣшаетъ.
 „ Я спарость въ праздности не спану провождашь,
 „ Я буду пасухомъ, мнѣ овцы шолько дайше;
 „ Я завсегда гошовъ поля сіи пахашъ,
 „ Чшо нужно опѣ меня всего вы ожидайше,
 „ Ни зависти, ни ссорѣ не будетъ между насъ,
 „ Кошорыабъ могли поколебашъ спокойство,
 „ Въ прекрасныхъ сихъ мѣстахъ живущее у васъ,
 „ И вмѣсто онаго ввешъ скучно неуспройство.
 „ Я шакже какъ и вы вашъ праздникъ провождашь
 „ Во всѣхъ веселыхъ сихъ невинностяхъ желаю,
 „ Желаю вамъ во всемъ, о боги! угождашь,
 „ Надежду всю мою на васъ я возлагаю,
 „ Не чшите мнѣ въ вину, что васъ я прогнѣвлялъ,
 „ Когда въ несчастіи законъ вашъ исполня
 „ Бѣжалъ изъ опчешва, и очи усшремлялъ
 „ На стѣны градскія слезами наполняя;
 „ Кшо рекъ мнѣ, что меня ихъ мудрость изведешъ,
 „ Избавишь, извлечешъ опѣ нѣдрѣ несносной муки,
 „ И къ вождельному блаженству приведешъ,
 „ Лишивши временной печали, грусти, скуки.
 „ Лѣса! вы подѣ свою меня примите шѣнь,
 „ А вы, о пасухи! войши не возбраняйше
 „ Мнѣ въ ваши шалаши, въ сію спокойства сѣнь!
 „ Вы дружество ко мнѣ взаимно сохраняйше,
 „ Вѣ

„Вѣ согласіи всегда мы будемъ вмѣстѣ жить ;
 „Я миръ къ вамъ приношу и седцемъ и усннами,
 „Безъ лести говорю , я не умѣю льспить ;
 „На злчныхъ сихъ брегахъ я успокоюсь съ вами,
 „Я съ вами жизнь мою хочу въ покоѣ вестъ,
 „Я завистью ни чьей во вѣкъ не уязвлюся ,
 „Не обольспитъ меня коварныхъ злая леть ,
 „Но прежде нежели въ сіи поля вселюся ,
 „Къ вамъ Боги я реку : продлите жизнь мою !
 „Веселье я сіе тогда вкушашъ преспану ,
 „Когда , когда предамъ я душу вамъ свою ,
 „Когда подъ бременемъ сѣдыхъ власовъ увяну ;
 „О Боги ! въ вѣчности, въ блаженной жизни шой,
 „Да пошекушъ мои безчисленные годы
 „Съ такою пріятностью , съ такою чистошю ,
 „Какъ ручейка сего бѣгущъ прозрачны воды. —

Сіи слова произнесъ старикъ въ
 восхищеніи и въ чувствительнѣйшей
 радости, и потомъ еще одинъ разъ
 возведъ свои взоры наполненные радо-
 стныхъ слезъ на всю окружность она-
 го мѣста, сошелъ съ холма къ неболь-
 шему шалашу, стоящему на концѣ то-
 го луга.

Между тѣмъ и даФнисъ вышелъ
 изъ своей хижины для услажденія себя
 пріятностью свѣжаго утренняяго воздуха.
 Онъ, прохаживаясь по травѣ окроплен-
 ной росю, увидѣлъ человека остано-
 вившагося возлѣ сосѣдней хижины, и про-
 ливаю-

ливающаго предъ хозяиномъ оной горьчайшія слезы. Ахъ! проговорилъ онъ, сколько я несчастливъ! но я бы таковъ не былъ, естлибы не имѣлъ сего младенца, который гуляетъ на этой зеленой муравѣ... Любезный и несчастный младенецъ! но ты никакой печали не чувствуешь, и гуляя по травѣ не плачешь, видя меня въ слезахъ.... Я жилъ на верьху сей горы, весною деревья мои покрыты были цвѣтами, и желаемой плодъ видѣлъ я въ своемъ огородѣ: но вдругъ возсталъ буря, вода снесла мою хижину, деревья и огородъ занесла пескомъ и камнями, то мѣсто, на которое полагалъ я всю надежду своего прокормленія!

Дѣнисъ съ воздыханіемъ прошелъ мимо сего человѣка. Да будетъ благословенъ тотъ смертный, сказалъ онъ, который помогаетъ несчастнымъ! Боги не отвращаютъ отъ него взора своего, и ниспосылаютъ ему свое благословеніе. Но, о боги! почто я бѣденъ? я его видѣлъ; ахъ! видѣлъ я сего несчастнаго! сердце мое стѣснялось отъ жалости и печали, что я не могъ ему подать помощи! о боги! почто я бѣденъ!

Еще онъ съ печальнымъ видомъ рассказывалъ въ своемъ шалашѣ предъ отцемъ все то, что слышалъ, какъ нечаянно вошелъ Аристъ, и взявъ ихъ за руку, повелъ на прекрасное мѣсто, которое украшали плодоносныя деревья зеленѣющими своими тѣнями: съ вершины холма, подъ которымъ споялъ шалашъ, можно было видѣть все пространство поля. На берегахъ выростала высокая и стеблистая трава; здоровая вода быспропекущаго источника протекала съ журчаніемъ между пропинками и дикими виноградными деревьями. Съ другой стороны холма по пространству поля видна была вдали деревня; у сего холма построенъ былъ маленькій домикъ, а впереди изрядная древесная бесѣдка тѣнью своею покрывала дерновыя лавки.

Аристъ обнявъ Аминта и его сына, сказалъ, ты мой другъ! ты и сынъ твой пребудете вѣчно моими друзьями и наслѣдниками. Сей домикъ, сіи деревья, сей холмъ и все да будетъ ваше, я вамъ оныя дарю. Я купилъ сіи зѣмли, и желаю здѣсь жить съ вами. Дни моей старости прекратятся въ сей хижинѣ, подъ сими деревьями на берегу сего источника; и еслили я умру, еслили окончу жизнь въ своихъ рукахъ: то ты

любезный мой Аминшъ съ сыномъ своимъ погребите меня подъ сими двумя тѣнистыми деревьями, гдѣ цвѣтуть желтыя лилѣи. Аминшъ пришедъ въ изумленіе отъ радости, стоялъ долгое время въ молчаніи. Ахъ! выговорилъ онъ напоследокъ обнявъ своего друга, дражайшій спарикъ! сколь ты великодушенъ! сколь старость моя пріятно потечетъ въ твоихъ объятіяхъ! Дафнисъ, когда мы умремъ, погреби насъ въ одномъ мѣстѣ обоихъ между сими лилѣями; завѣщаю тебѣ и потомкамъ твоимъ называть сіи деревья, Аристъ и Аминшъ.

Потомъ пошли они осмотрѣть домъ, который хотя былъ безъ всякаго украшенія, но довольно хорошъ, пріятенъ и выгоденъ; солнце поутру на бѣлыхъ его стѣнахъ изображало движущіяся тѣни кустарниковъ и розъ, кои передъ окошками отъ вѣтра колебались. О Аристъ! вскричалъ онъ съ восхищеніемъ, подошедъ къ нему и поцѣловавъ его руку. Послѣ того побѣжалъ онъ осматривать все сіе жилище, и нашелъ въ окружности его садъ изъ прекрасныхъ деревъ, которыя отъ тяжести плодовъ наклонились къ земли; онъ увидѣлъ также свивающіяся виноградныя вѣтви, которыя отъ одного дерева простирались

лись къ другому. Благодарительствующій Аристъ! опять вскричалъ онъ, и еще въ другой разъ поцѣловалъ его руку. Аристъ, будучи свидѣтель радости Аминта и Дафниса, насыщался тѣмъ божественнымъ удовольствіемъ, которое чувствуютъ одни великодушные люди. Какое небесное блаженство видѣть восхищенія благодарности тѣхъ, которыми мы сдѣлали добро!

Дафнисъ съ веселымъ духомъ погналъ въ поле свое стадо, Аристъ и Аминтъ остались на холмѣ для разговоровъ при пріятной упреннаго солнца теплотѣ; между тѣмъ Дафнисъ, ходя за своимъ стадомъ, самъ съ собою разговаривалъ. Я теперь, сказалъ онъ, имѣю холмъ, и нашъ шалашъ сдѣлался праздною. О Боги! вы меня услышали, я могу теперь помочь тому бѣдному, котораго я вчера видѣлъ; я упрошу отца моего, чтобъ онъ ему подарилъ нашу хижину. Онъ проводилъ цѣлый день въ семъ пріятномъ воображеніи, и лишь только вечеръ наступилъ: то онъ пошелъ въ прежній свой шалашъ, но уже не засталъ тамъ болѣе ни Ариста ни отца своего. Какое было удивленіе, когда тотъ несчастный, котораго онъ видѣлъ вчера поутру, вышелъ къ нему навстрѣчу. Ахъ, Дафнисъ, Дафнисъ! сказалъ онъ

ему съ лѣющимися озѣ очей его слезами, какѣ наименовать столь великое благодѣянїе! Какѣ извяснить мою радость и благодаренїе? Слезы истощаются, словѣ у меня не достаетъ. О Боже! сколь счастливъ тотѣ человекѣ, чрезѣ котораго низпосылаешь ты свои благодѣянїя. Такѣ, ДаФнисѣ! твой отецѣ далѣ мнѣ сію хижину и сіи дерева. ДаФнисѣ, восхищаясь радостїю, обнимаетъ сего человекѣ, и говоритъ: расскажи мнѣ о семѣ прїятномѣ произшествїи, скажи какѣ отецѣ мой тебя нашелъ? Не много времени спустя, какѣ ты меня оставилѣ, продолжалѣ сей человекѣ, мой сынѣ срывалѣ яблоки съ твоихѣ деревѣ. Твой отецѣ пришедши къ нему, посадилѣ его на свои колѣна, и спросилѣ, кто твой отецѣ? Филетѣ, сказалѣ ему младенецѣ. А гдѣ вашѣ шалашѣ? На сей вопросѣ отвѣчалѣ младенецѣ съ плачемѣ, у насѣ нѣтъ теперь ни шалаша, ни сада, ни деревѣ. Послѣ того Аминтѣ спросилѣ его, гдѣ я, и велѣлѣ ему меня искать; младенецѣ, скочивѣ съ его колѣнѣ, прибѣжалѣ ко мнѣ, и привелѣ меня къ своему отцу; я долженѣ былѣ рассказать ему все мое приключенїе. Филетѣ, сказалѣ онѣ мнѣ, шалашѣ, который стоитѣ на концѣ луга, и дерева, которыя его осѣняютѣ, отдаю

даю я тебѣ; я теперь живу на семѣ холмѣ, будь моимѣ сосѣдомѣ и моимѣ другомѣ. Мнѣ казалось, что я слышалѣ гласѣ Божій; я думалѣ, что я вижу сонѣ; я немогѣ его возблагодарить, я проливалѣ только благодарныя слезы. Послѣ сихѣ словѣ Филетѣ замолчалѣ, и возвелѣ свои очи на небо. Между тѣмѣ, какѣ онѣ сіе рассказывалѣ, забавный младенецѣ обнималѣ руками своими колѣна ДаФнисовы, и смотрѣлѣ на него съ пріятною улыбкою, какѣ будто хотѣлѣ его благодарить. Живи счастливо, Филетѣ, живи счастливо въ этомѣ шалашѣ, да будутѣ благословенны твои дерева, сказалѣ ДаФнисѣ; и при сихѣ словахѣ, взявѣ младенца на руки, поцѣловалѣ его, который своими маленькими руками смѣючись хваталѣ его волосы, и ими игралѣ.

2.

Награжденное трудолюбіе.

Какая отруда польза, любезный батюшка, сказалѣ десятилѣтній сынѣ разумнаго крестьянина Палемона, какая говорю, польза, что мы на паствахѣ нашихѣ имѣемѣ больше овецѣ, нежели сколько намѣ оныхѣ надобно для мо-

лока и шерсти; что мы въ сихъ быстрыхъ рѣкахъ больше ловимъ рыбы, нежели сколько намъ надобно оной для души; и что мы каждой день уловляемъ оленей и скорыхъ зайцовъ, коихъ мы ѣдимъ въ одни только празднества жатвы и собиранія винограда? Для чего вы, любезный батюшка, отвѣзите сей лишекъ въ городъ, и продаете оной людямъ, живущимъ въ высокихъ домахъ, которые сами, не какъ вы, лѣнятся отомъ стараться; вы за то берете съ нихъ деньги, которые вы рачительно прячете безъ всякаго употребленія? — Любезный сынъ, отвѣчалъ ему разумный Палемонъ, ты могъ изъ соучаствованія своего въ домоводствѣ чрезъ не многіе годы примѣнить мой промыселъ. Опытъ научитъ тебя, какъ можно сдѣлать благородное употребленіе собранныхъ мною денегъ.

Спустя не много дней сынъ его возвращается съ поля, приводитъ съ собою гладомъ изнуряемаго старика. Ахъ! посмотрите батюшка, вскричалъ заплакавши состраждущій сему сынъ, на сего бѣднаго человѣка! Наводненіе разворило у него весь домъ, и лишило его всего, что онъ имѣлъ; дѣтей его, которые были утѣшеніемъ его старости, всѣхъ попопило; и теперь сей бѣдной старикъ

старикъ чрезъ весь день не имѣетъ пищи. Я нашелъ его у дверей бѣднаго нашего сосѣда, Аминша., Ахъ! заплакавши „сказалъ сей честной сосѣдъ, ни когда я не „ропшалъ на то, что я отъ Бога не болѣе, „какъ дневное пропитаніе получаю. Но „ахъ!сколь желательна мнѣ теперъ бытъ „богатымъ, дабы можно было мнѣ по- „мочь сему несчастному! — „Едва я сіе услышалъ, то потчасъ вздумалъ, что сіе то будетъ благородное употребленіе собранныхъ тобою денегъ, о коемъ ты сомною недавно говорилъ; и я съ радостію привелъ къ тебѣ сего бѣднаго старика. О естли бы деньги наши могли учинить его счастливымъ! Палемонъ радовался, слушая такія рѣчи своего сына, и цѣловалъ его щеки орошаемые слезами отъ состраданія. Онъ отдалъ старику половину своихъ денегъ, и принялъ его въ свой домъ; сыну же сказалъ, вотъ любезной мой сынъ, награжденіе за наши труды; знай, что наибольшее всего человеческого счастья должно быть для людей то счастье, когда они могутъ отъ трудовъ своихъ учинить другихъ счастливыми.

3.

Постоянство въ добръ.

ВЪ одномъ мѣстечкѣ съ однимъ честнымъ мальчикомъ жили много развращенныхъ. Они не могли его перпѣть, видя, что сей добронравный мальчикъ велъ себѣ лучше ихъ, былъ умнѣе и болѣе любимъ. Они всѣ его добрыя дѣла полковали въ худую сторону, издѣваясь надъ нимъ. Сей честный мальчикъ часто, видя иногда бѣдныхъ дѣтей плачущихъ и печалющихся, спрашивалъ ихъ, не могу ли я въ чемъ вамъ помочь? На что отвѣтствовали ему другіе, тѣфу! мы не знаемъ кто бы захотѣлъ съ такимъ безпутнымъ говорить? Мы не хотимъ и обращаться съ тобою. Вонъ тамъ толпа нищихъ! съ ними ты пріятнѣе можешь обходиться. Онъ часто подавалъ симъ бѣднымъ повѣскольку изъ своихъ сбереженныхъ денегъ. Развратные мальчики надъ нимъ смѣялись и говорили: „Что это за благодѣтель и милоспивецъ! Нѣтъ, братъ, мы передъ тобою сущіе дураки, потому что мы на свои деньги покупаемъ миндаль, черносливъ да изюмъ, иногдажѣ рисованныхъ гусаровъ и коней, а нищимъ ничего не подаемъ. Право, ты всѣхъ насъ умнѣе и добродѣтельнѣе! „ Такими и симъ подоб.

подобными насмѣшками старались они се-
 го добраго мальчика опвести отъ добро-
 дѣтели, и заставить сдѣлаться такимъ
 же злонравнымъ, каковы они сами:
 ибо они никакъ не старались поступать
 по примѣру его, болѣе же всего смѣялись
 они надъ нимъ за то, что онъ часто обхо-
 дился съ стариками, стараясь отъ нихъ
 доброе перенять и всему научиться,
 также и за то, что онъ охотно слу-
 шалъ ихъ наставленія, и большую часть
 своего времени провождалъ въ чтеніи
 книгъ и другихъ полезныхъ упражне-
 нійхъ. — Но чтоже дѣлаетъ сей до-
 бронравный мальчикъ? Иной бы, буду-
 чи на его мѣстѣ, давно уже склонился
 на такую же жизнь, какую вели его по-
 варищи; ибо должно быть весьма твер-
 дымъ, чтобъ быть непоколебимымъ
 въ своихъ поступкахъ: но онъ не смо-
 трѣлъ на ихъ насмѣшки и ругатель-
 ства, и наконецъ сказалъ имъ: какъ хо-
 щите, такъ говорите и судите обо мнѣ;
 а я увѣренъ, что то, что я дѣлаю, не
 худо, и меня Богъ за это не оста-
 вить, такъ какъ и любезные мои
 родители и добрые люди будутъ ме-
 ня любить. Я гораздо довольнѣе тогда,
 когда я дѣлаю доброе дѣло, нежели
 когда я провождаю время въ праз-
 дности, пустякахъ, неблагоприсой-
 ностяхъ.

носпяхъ и бездѣльстввахъ, потому что съ этими дѣлами я никогда не спокоенъ и всегда чувствую досады и неудовольствіе. Сколь былъ бы я безуменъ, ешьли бы сталъ жить по вашему. — Такъ разсуждалъ сей мальчикъ, отъ чего и сдѣлался благоразумнѣе, добронравнѣе и благополучнѣе прочихъ.

*Перепелъ съ нѣмецкаго языка
Ицанъ Ляпинъ.*

VI.

Р О Н Д О .

Знашь самага себя, о смертный! научися, Природу и Творца познашь попомъ пощися. Оалесъ, премудрый мужъ, премудрость столь (любя, Разумно говоришь: знай самага себя.

Знашь самага себя намъ долгъ повелѣваетъ; Но рѣдко въ этой кшо наукъ успѣваетъ. Иной лишь для себя весь вѣкъ упошребя, Во всю не можетъ жизнь знашь самага себя.

Знать самага себя? Невѣжда вопрошаетъ.
 Вотъ есть чему учить! Себя и всякой знаетъ:
 Но мысль сія, мой другъ, пусная у тебя;
 Но въ помѣ лишь соснойтъ знать самага себя.

Знать самага себя прешрудная наука!
 Для воли и страстей несносна эша мука!
 Добро всегда шворить, пороки изшребя,
 Владѣшь собою есть знать самага себя.

Знать самага себя пошребно смершныхъ роду,
 Вникая въ свой конецъ, начало и природу,
 И въ существо свое всѣ мысли углубя,
 Всякъ будетъ наконецъ знать самага себя.

VII.

ЭЛЕГІЯ.

Не щещенно ты тогда слезами орошалась,
 Любезная! когда со мною разспавалась.
 Обременявшія спенанья грудь швою
 Предвозвѣщали злу тебѣ судьбу мою.
 Я бездну золь тебѣ открылъ въ пошѣ день не-
 (счастшый,
 Въ кошорой съ дерзкими пуспился въ пушь опа-
 (сшый.
 Содѣланному видѣ, о ештьлибѣ было лзя,
 И образъ дашь того, чего не дѣлалъ я!

Я чувствовалъ бы всю блаженной доли сладость,
И небабъ щедрого пѣль въ вѣкъ мой пѣснями бла-
(госпъ ;

Но время совлещи покровъ съ судьбы моей,
Скрѣпи свой духъ и зри, сколь гнѣвенъ видѣ на ней!
Подъ шяжестью цѣпей въ Алжирѣ вѣкъ мой длился,
На страшныхъ варваровъ смотря мой духъ по-
(мишя ;

Представъ себѣ, какъ мы оставили брега,
На коихъ ты споявъ пошоки слезъ лила:
Три раза свѣшъ дневной по небу разливался,
Три раза мглой ночной поншъ черной покрывался,
И мы въ веселіи всѣ плыли по водамъ,
Ни малыхъ бѣдствъ тогда не видно было намъ.
Я только воображалъ скоряя чшобъ возвратишься,
А возвратившись съ побой соединишься,
И жизнь веспи всегда въ обѣщаніяхъ швоихъ ;
Но сколь обманчивы мы въ мнѣніяхъ своихъ !
Вдругъ мглой покрылось все, вдругъ прескъ ве-
(здѣ раздался,
Съ Ээира спадшій дождь съ морской водой мѣ-
(шался.

Казалось, что тогда небесна пустоша
Волнами черными наполнена была ;
Когда бы въ первой разѣ бышь на морѣ случилось :
То счелъ бы, что оно все въ горы премѣнилось,
Которы силою незримой съ мѣспъ своихъ
Въ верхъ двигнушы бѣгушъ среди паровъ густыхъ.
Куда мы ни простремъ свои печальны очи,
Мы по морю плывемъ подобно какъ средь ночи ;
Лишь виденъ Поншъ одинъ опъ волнъ кипящій
(намъ ,
И бѣгъ ужасныхъ шучъ небеснымъ по кругамъ.

Правитель корабля, что предпрять, не знаешь,
 Его искусство гнѣвъ небесный низлагаетъ.
 Съ сего часа корабль по воли въспровъ плылъ,
 Съ пуши намъ должнаго Борей его склонилъ.
 Но ты еще не все несчастье наше знаешь,
 Услышишь большее, услышавъ возспенаешь:
 Какъ буря кончилась, и въ морѣ пишина
 Явилась вышедшей, какъ бы съ морскаго дна;
 Мы вдругъ увидѣли, что гнавшися за нами
 Морской разбойникъ въ слѣдъ къ намъ спѣшно
 (плылъ водами;
 Одинъ ударъ грозилъ лишь только намъ пресалъ,
 Немедленно другой шажайшій начиналъ.
 Корабль, бѣнъемъ волнъ жестоко упомленный,
 И прежней цѣлости злой бурей лишенный,
 Опчаянье и страхъ глубокой въ насъ вселялъ,
 Тогдажъ надежду всю къ сраженю опнималъ.
 Злодѣй приближился, сражене возродилось,
 Велико мужество воюющихъ явилось;
 Но я, дражайшая! повѣдать не могу
 Средины и конца сраженю сему.
 Въ началѣ брани сей я чувствѣ моихъ лишился,
 Какъ моего врага мнѣ мечъ во грудь вонзился:
 Повергся на землю сугубо раненъ спавъ,
 И тѣла и души блаженство потерявъ:
 Когда плѣнился я твоею красою,
 Не зрѣлъ ужъ болѣе въ душѣ моей покою;
 Какъ острымъ врагъ своимъ пронзилъ меня мечемъ,
 Съ тѣхъ въ тѣлѣ поръ болѣзнь я чувствую моемъ.
 Мнѣ чувства прежнія не прежде возвратились,
 Какъ спѣсны страшныя Алжирскія явились.
 Съ сего часа пресалъ жить въ обществѣ людей,
 А видно дни мои окончу межъ звѣрей!

Окованныхъ цѣпями вели насъ въ чужду землю,
 Ахъ! что вѣщаешь тебѣ, драгая, предприемлю?
 Не въ плѣнниковъ число, но въ подлѣйшихъ рабовъ
 Мы всѣ разпроданы отъ злобѣйшихъ враговъ.
 Ужасенъ видъ намъ ихъ, еще страшнѣй ихъ нравы,
 Безчеловѣчнѣй всѣхъ законы и уставы;
 Ни сожалѣнія ни кротости нѣтъ въ нихъ,
 Нѣтъ человѣческой черты въ шираннахъ сихъ,
 Они не за людей плѣненныхъ почитающъ,
 И какъ бездушну вещь на злопо насъ мѣняющъ.
 О алчность гнусная! шобою я пропалъ,
 И люба варвара рабомъ на вѣки спалъ;
 О должность низкая! къ тебѣ ли я родился?
 Тебя ли опправлять въ моей я жизни льстился?
 Прости, любезная, что словъ не достаешь
 Те называть, но знай, ея что хуже нѣтъ.
 Не столько Прометей терзался дерзновенный,
 Какъ внутренность его орелъ ожесточенный,
 Зевеса яростью на части раздиралъ;
 Я болѣе его спенаю и спеналъ.
 Не части моя одной шеперь лишаюсь,
 Но день отъ дня я весь болѣзнями снѣдаюсь.
 Несносенъ, нестерпимъ Алжирской воздухъ мнѣ,
 Равно отъ ихъ воды вредъ чувствую себѣ.
 Почто пучиною не поглощенъ ошталъ?
 Мнѣ лучше было бы, когдабъ я въ ней скрывался.
 Филлида! ты себѣ могла ли вообразить,
 Разставшись чшобъ съ тобой и могъ въ бѣдахъ
 сихъ бытъ?

Но всѣ сіи бѣды и всѣ сіи печали
 Гораздо меньше бы мой духъ опягощали,
 Когдабъ не мыслилъ я, что на всегда себя
 Лишился, потерялъ, дражайшая моя.

Сіе меня разитѣ жестокою поскою ,
А прочее ничто , чшобѣ ни было со мною .
Онѣ тяжоспныхъ работѣ лишь только я засну ,
Я зрю во снѣ себя , себя обѣяшь хочу ;
Но вскорѣ онѣ сего движенья пробуждаюсь ,
Какой печалію вѣ по время поражаюсь ,
Узнавши , что сіе не правда , но мечта ,
И окружаешѣ лишь едина пуста !
Оставленѣ я вѣ корысть разгнѣванной судьбинѣ ,
Кончины дней моихъ себѣ всегда жду нынѣ ;
Но естли чувствуешь любовь еще ко мнѣ ,
И естли не погасѣ любовный жарѣ вѣ себѣ :
Не дай поправнымѣ быти коспямѣ моимѣ врагами ;
Не сносно будешѣ мнѣ , когда они ногами
Мой будущѣ плѣнный прахѣ ругаясь топшашѣ ,
И помну тѣнь мою собою оскорбляшѣ .
Забуду всѣ бѣды , я коими помился ,
Какѣ буду положенѣ вѣ томѣ мѣстѣ , гдѣ родился ,
И гдѣ желаній всѣхъ моихъ предметѣ живешѣ .
Живи дражайшая ! меня ужѣ вѣ жизни нѣшѣ :
Не можешѣ жизнью такая жизнь назвашѣся ,
Вѣ кошорой мучишѣся надлежитѣ и шерзашѣся ,
Сочинилѣ Федорѣ Поспѣловѣ .

VIII.

Б Ы Л Ь .

Сердитый господинѣ слугу всегда журитѣ ,
Кричитѣ , ворчитѣ , бранитѣ , всегда такѣ гово-
(ритѣ :

Ты пьяница , мошенникѣ ,
Свинья , скотѣ , плушѣ , бездѣльникѣ ,

Злодѣй, разбойникъ, воръ.

Такой-то разговоръ

Съ слугою завсегда бояринъ сей имѣетъ. —

Слуга и опивчашь боярину не смѣетъ:

Хоть правъ, хотя не правъ,

Сносишь онъ принужденъ бояриновъ злой нравъ;

Хоть онъ всегда исправенъ,

Но барину не нравенъ.

Когда придетъ пора

Хозяину съ двора

Ипши, слуга крестился:

Безъ барина ему адъ лучше рая мнится.

Онъ брани, онъ побой лишь опдыхъ безъ него,

При немъ не видишь онъ покою ничего.

Хотя онъ угодить во всемъ ему радѣетъ,

Хоть ночи онъ не спитъ, хоть онъ въ трудахъ

(пошѣетъ:

Но милости себѣ не видитъ онъ него;

Онъ все бранишь его.

Бояринъ ни во что его услуги числитъ,

Бояринъ мыслишь:

„Такъ Ѳеодулъ всегда обязанъ мнѣ служишь,

„О чемъ ему шужитъ?

„Онъ долженъ милостью моею быть доволенъ,

„Что въ томъ, что онъ не воленъ?

„Онъ пьетъ и ѣстъ мое,

„Онъ носитъ не свое,

„Его я одѣваю,

„Забобы всей лишаю.

„Не только долженъ онъ спарашься угодить,

„Онъ жизни за меня обязанъ не щадить.

„За милости мои мала и эта плаша,

„Мала ли это праща?

„ Во что спановишься онѣ миѣ по всякой годѣ ?

„ Изрядный будетъ плодѣ ,

„ Когда и впредѣ такихъ услугъ онѣ не окажетъ !

„ Но ты бранишь и бьешь его , иной миѣ скажетъ .

„ Да , такъ : но Феодулѣ на то вишь и рожденъ :

„ Не господиномъ онѣ , рабомъ произведенъ ,

Въ сихъ мысляхъ онѣ съ своимъ слугою пошу-
(паешъ ,

Какъ вздумаетъ бранишь , какъ хочешъ такъ ру-
(гаешъ .

Какъ долго ни терпѣлъ , какъ долго ни сносилъ ,

Не спало наконецъ у Феодула силъ .

Не снесъ , и барину сказалъ въ одно онѣ время ,

Когда назвалъ его онѣ : *Хамоцо ты племя .*

„ Пусть я онѣ *Хама* произшелъ ;

„ Но васъ хошь *Гафетъ* , хошь *Симъ* бы произвелъ ,

„ Миѣ нужды въ эшомъ нѣшу ;

„ Я знаю лишь , что *Хамъ* братъ *Симу* , *Гафету* ,

„ И что , хошь ни куда совсѣмъ я не гожусь ,

„ По *Хаму* я и вамъ роднею довожусь . „

Боярину сіе казалось обидно :

Какъ барину не стыдно

Слугѣ роднею бытъ ?

Но чѣмъ же пособишь ?

Глаза пить правда колитъ ;

Бояринѣ не изволишь ,

Чтобъ грубо Феодулѣ ему такъ отвѣчалъ ,

За чѣмъ онѣ не молчалъ ?

Съ бояриномъ такъ споришь !

Бояринѣ вишь не вздоришь ,

Бояринѣ никогда не врешь ,

Да съ брани же слуга господской не умретъ .

Коль браннаго не снесъ онѣ барина онѣ слова ,

Конюшня для него съ плешми уже гошова .

Какъ онъ отважился сказать такую рѣчь!
За это до смерти не можно не разсѣчь.

Поди-ка опдуйайся;
Впередъ не огрызайся,
И такъ не говори.

Конюшаго съ плетями! возьми его, дѣри!
Спасибо, такъ, такъ, такъ, вотъ такъ-то хоро-
(шенько,

Еще, еще, еще, еще хоть бы маленько;
Давно ужъ у него не чесана спина,
Давно свербитъ она.

Ну, Мишка, подсоби, еще, еще, прибавьше.
Что? иль успали вы? Ну, полно переспаньше.

Подише-ка сюды,
Я за эти пруды
Велю своей кухаркѣ
Вина вамъ дать по чаркѣ.

Вотъ такъ-то своего слугу бояринъ дулъ!
Крехшишь, кричишь, вижжишь, вершитися Θεодуль;
Не смѣетъ говорить, однако размышляетъ:
„За что меня, за что такъ баринъ мой терзаетъ?
„Ахъ! должно ли того побоями морить,
„Кто предъ начальникомъ спалъ правду говорить?
„Надъ подчиненнымъ власъ на что онъ и имѣетъ,
„Коль правды вольно онъ сказать ему не смѣетъ?
„На толь начальникъ данъ,
„Чтобъ подчиненнымъ онъ жестокой былъ тиранъ?
„Пряшноль имъ себя въ тиранской власи видѣть?
„Тирана лишь тиранъ не можетъ ненавидѣть.
„Когда же обрѣшущъ въ начальникъ опца,
„Усердіемъ къ нему пылають всѣхъ сердца;
„Во всемъ ему они охотно угождаютъ,
„И онъ жизнь и они спокойно провождаютъ.

IX.

ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОМЕНАДЬ.

Французъ , который былъ въ Парижѣ пиво-
(варомъ ,

А послѣ кузнецомъ ,

Съ Парижскимъ щегольскимъ къ намъ выѣхавъ
(шоваромъ ,

Московскимъ спалъ купцомъ ;

Въ Москвѣ переродился

И спалъ уже не пошъ ,

Въ Москвѣ изъ мужика въ Монсье онъ прешворился,
Вступилъ въ дворянской родъ.

Но чшожь ? Иль малую онъ честь пѣмъ сдѣлалъ
(граду ,

Чшо началъ торговашъ ?

Вишь онъ Французскую помаду

Въ Москвѣ спалъ продавашъ ,

Съ душистой пудрою карпузы ,

Чшо также дѣлали французы ,

И спирты и духи ,

Какими прыщущся , уже и пѣшухи.

Въ бушикъ словомъ , все , Французовомъ шо было ,
Чшо только къ щегольству и роскоши служило ;

А эшимъ не шути ; не дешевъ сей шоваръ ,

Его въ Россіи мало.

Великой эшо даръ !

Такоеъ наше сало ?

Такая ли мука ?

Нѣшъ ; хуже все. А чѣмъ ? Мой умъ не поспигаешъ.

Спроси Французскаго обѣ этомъ башрака ,

И онъ ужъ эшо знаешъ.

Но пусть, хопя и всѣ въ Россіи вещи шѣжѣ;
Однакожѣ не такой за нихѣ у насѣ платежѣ:

А ежели и поже
Продася подороже,
Оно ужѣ превзойдетѣ
Дешевое въ добротѣ,
И что - то придаетѣ,
Не знаю я, къ охотѣ,

Скорѣе, разщедрясь, и деньги заплашишь,
Хопя и передашь, да шолько бы купишь.
Монсье ле Ши-Дьябленѣ (Французѣ пакѣ назы-
(вался)

На всякѣ день болѣе шоргомѣ обогащайся.
Не знаю подлинно, онѣ большель шорговалѣ,

Иль больше плутовалѣ?
Французскіе народы
Пристрастны къ мотовству;
Французѣ сей отѣ природы
Быль склоненѣ къ плутовству.

Но эшо все не чудно,
И дива въ эшомѣ нѣшѣ.

Вотѣ что рѣшишь претрудно,
Вотѣ стѣишь что, чшобѣ весь о томѣ помы-
(слилѣ свѣщѣ:

Французѣ сей, хопѣ шоликой
Вѣ шоргу имѣлѣ успѣхѣ,
Скупяга былѣ великой
Противѣ французовѣ всѣхѣ.

Случилося ему однажды не досужно
Тогда, какѣ было нужно,
За чѣмѣ - шо побывашѣ

Вѣ томѣ мѣстѣ, что слыветѣ въ народѣ *хурьи*
(ножки.

И пакѣ онѣ долженѣ былѣ извощика наняшѣ.
Пришедѣ къ извощику сказалѣ онѣ: въ эши дрожки

- „Пожала мне вези на пьешукови ногѣ.
Извощикѣ разумѣшь сихѣ словѣ хопя не могѣ,
Но видя, что Французѣ опнюдь съ нимѣ не ря-
(дился,
И деньги давѣ вѣ передѣ на дрожки съ нимѣ
(садился,
Везешѣ его, иль мчипѣ, не зная самѣ куда.
Онѣ мнилѣ, что мѣсто по сѣдокѣ ему укажешѣ,
Туда, иль не шуда,
Ему конечно скажешѣ;
А потѣ не зная самѣ
Кричипѣ лишѣ, о! не памѣ!
- „Куда же васѣ сударѣ? извощикѣ вопрошаешѣ.
„На пьешукови ногѣ, ему онѣ отвѣчаешѣ,
„Монѣ дѣе! эки каналь, извощикѣ ши гранѣ
(плушѣ „
„Не шушѣ, не шушѣ, не шушѣ,
Извощикѣ по Москвѣ съ Французомѣ всюду ры-
(щешѣ,
Ногѣ пѣтухопыхѣ ищешѣ,
Не можешѣ ихѣ найши.
- Французѣ же бѣсися, не хочешѣ съ дрогѣ сойши,
Сѣ извощикомѣ бранися,
И говорипѣ ему:
„Тебе мне обманушѣ ебога не годися,
„Ты эшо сшеловекѣ негодна ни кѣ шему.
„Иа деньги шебе далѣ, эши мене не кочешѣ
„Везши вонѣ памѣ домой „
„Напрасно спа хлопочешѣ,
„Честной бояринѣ мой:
„И радѣ бы, да не знаю,
„Ну какѣ я угадаю,
„Куда занесѣ ше Богѣ?
- „Никола больше крестѣ, на пьешукови ногѣ.

Монсье Ле Пши - Дьяблетъ ужъ трижды повпоря-
(ешь ,

Большой услыша Крестъ извощикъ понимаетъ,
На кури ножки въ мигъ Француза онъ отвезъ.

Когдажъ онъ съ дрожекъ слѣзъ ;

Извощикъ къ плащъ той еще прибавки проситъ ,
Ему доноситъ ,

Что лишникъ съ нимъ онъ верстъ проѣздилъ
(близъ пяши.

„ Э што , онъ отвѣчалъ , мене везъ долго ти ?

„ А кто те баринъ зналъ ? Извощикъ продолжа-
(ешь ,

„ По чемъ кто угадаетъ ?

„ Давнобъ ты такъ сказалъ ,

„ На **кури ножки** свезъ себябъ ты приказалъ ;

„ А шо вишь бжашъ ты на **пѣтухоны ноги**

„ Велѣлъ ; а эдакой дороги

„ У насъ въ Москвѣ лихъ нѣтъ ,

„ Пошоль , отвѣтствуешь ему , Ле Пши - Дья-
(блетъ ,

„ Иа даль тебе , эшо я больше не имѣю ,

У мене нѣтъ ни полюшъ .

Пошоль , я разумѣю ,

„ Я знаю все равно , что куришъ , что пьешукъ .

X:
МАДРИГАЛЫ.

I.

Супружнія желанія.

Некрасинъ муженекъ до книгъ охотникъ былъ,
Онъ книги болѣ жены своей любилъ;
День цѣлый безъ жены онъ съ книгой провождаетъ,
И часпо этимъ онъ Некрасъ досаждаешъ.
Желалабъ, говоришь жена, я книгой бышь,
Чтобъ спалъ ты такъ меня, любезный мужъ, лю-
(бишь,
Когда бы небесамъ такъ было по угодно,
Любезная жена, Некрасъ мужъ сказалъ:
Тебя бы я имѣлъ календаремъ желалъ,
Чтобъ могъ перемѣнять тебя я ежегодно.

2.

Отплаченная насмѣшка.

Хотѣвши Государь Министру насмѣяться,
Который отъ него не разъ бывалъ посломъ,
Нарекъ его осломъ.
Министръ не захопѣлъ въ семъ званіи оспаться,
И такъ сказалъ ему въ отвѣтъ:
Оселъ ли я иль нѣтъ,
Я эшого не знаю:
О семъ я никогда еще не размышлялъ;
Но эшо, Государь я часто вспоминаю,
Что вашу я не разъ особу предспавлялъ.

XI.
ЭПИГРАММЫ.

1.

На Мечтона.

Мечшонѣ богатыми помѣстьями владѣешѣ,
Мечшонови чрезѣ чурѣ деревни хороши.
Мечшонѣ душѣ съштысячу креспьянѣ однихѣ имѣешѣ;
Но самѣ онѣ безѣ души.

2.

На Несмысла.

Театра никогда Несмыслѣ не посѣщашѣ;
Но что пому виной?
Театрѣ, онѣ говоршѣ, пороки осмѣшашѣ;
А я вишь не шерплю насмѣшекѣ надѣ собой.

3.

На Буянопа.

Когда Буяновѣ гдѣ вѣ компаніи бывашѣ
Всегда раздоры шамѣ и ссоры зашѣвашѣ;
Онѣ вѣ несогласіи находшѣ шмы забавѣ.
Но отѣ чего такой вѣ Буяновѣ злой нравѣ?
Поспойше, я скажу: востѣ ша пому причина;
Онѣ золѣ, власполюбивѣ и круглой дурачина.

ХІІ.

ЭПИТАФІЯ.

Столѣтнему младенцу.

Вѣ могилѣ сей лежитъ сполѣшній человекъ,
 Который мало жилъ во весь свой долгій вѣкъ,
 Не думалъ о душѣ, о тѣлѣ лишь спарался,
 И жилъ онъ щепъ лишь день, вѣ которъй онъ
 (скончался.)

ХІІІ.

ЗАГАДКИ.

І.

Хоть я не вещество, но часто имъ бываю;
 Я болѣе всего, я все вѣ себѣ вмѣщаю.

2.

Безъ крылъ я высоко летаю,
 И гдѣ я что ни обрѣшаю,
 На все я безъ спыда сажусь,
 Во всѣхъ мѣстахъ я нахожусь.

Вода вѣ другую вещь меня перемѣняетъ,
 Не нравлюсь никому; меня всякъ прогоняетъ,
 И всякой говоритъ: я ни къ чему гожусь,
 Безъ солнечныхъ лучей не часто я кажусь.

3.

Хошя отъ плицы я на свѣшѣ произхожу,
 Хошя души я не имѣю;
 Но знашныя дѣла собой произвожу,
 Я сдѣлашь многое умѣю:
 Умѣю я ругашь, умѣю я хвалишь,
 Узду на всѣхъ я налагаю,
 Сердца могу къ любви и гнѣву воспалишь,
 Царямъ и мудрымъ помогаю.
 Я часпо въ вышнюю шѣхъ степень возвожу
 Кшо мною дѣйствуешъ разумно:
 Но въ посмѣяніе шого я привожу,
 Кшо мною власшвуешъ безумно;
 Для многихъ лучше я и злата и сребра:
 Не видишь ли во мнѣ, чипашель, шы . . .

XIV.

*Египетское ученіе о пліяніи божества
 пѣ челоуѣка.*

Подобно какъ солнце міра сего из-
 ливаетъ теплоту и свѣшѣ на всю под-
 небесную, и оживляя находящіяся въ ней
 существа, даетъ имъ силы и свойства
 сообразныя ихъ матеріи и расположе-
 нію: такъ и духовное солнце, Богъ, не-
 преспанно сіяетъ на злыя и добрыя;
 различіежъ между ними происходитъ
 отъ шого, что злые своими пороками
 преграждають путь, и заключають две-
 ри, чтобъ свѣшѣ не проникъ во вну-
 тренность

твенность душ ихъ. Почему хотя присутствіе божества и открываетъ имъ доброе, но поелику во внутренности ихъ не достаетъ божеской силы, то они и зная лучшее, къ худшему стремятся. Напротивъ того добрые отворяютъ дверь своего сердца и призываютъ Бога, чтобъ онъ снишелъ во внутренность ихъ душъ, и излилъ на волю ихъ благо любви яко источникъ добрыхъ дѣлъ, и на разумъ благо премудрости къ познанію истинны и просвѣщенію, отъ чего открывается имъ духовный смыслъ, сокрытый въ книгѣ природы и писанія, и они не имѣютъ уже больше нужды разбирать корки. Такимъ по образомъ духовное солнце изливаетъ свою теплоту, которая въ себѣ есть любовь, и свой свѣтъ, который въ себѣ есть мудрость, на всѣхъ человѣкъ, но они не равно его принимаютъ. Почему возрожденіе и спасеніе зависитъ больше отъ человѣка, нежели отъ Бога. Околь блаженъ тотъ, кто очистивъ себя отъ плотскихъ и мірскихъ сквернъ, сдѣлался способнымъ къ воспріятію духовнаго свѣта! того ни слабое сіяніе злата, ни смертоносное удовольствіе похоти, ни жё пышное славы ничтожество не станутъ уже больше держать въ мучительныхъ своихъ оковахъ!

К О Н Е Ц Ъ П . Ч А С Т И .

ОГЛАВЛЕНІЕ

машерій содержащихся въ сей части:

	страни.
I. Философическое разсужденіе о разсудкѣ, и	
II. Разсужденіе о блаженствѣ. - - -	15
III. Пѣснь Всемогущему. - - -	51
IV. Крашкія повѣсти. 1. Фанизѣ, или спо- койствіе дарованное премудростію. 56	
2. Маоцимъ, или утѣшенный отецъ. 64	
V. Рондо, отчаянный любовникъ -	76
VI. Мадригалы: 1. Мудрый Маделонъ. 78	
2. Бѣдность лучше богатства -	79
3. Хотимъ и не хотимъ - - -	—
VII. Эпиграммы: 1. Къ добролюбу желаю- щему исправиться - - -	—
2. Любовь къ отечеству. - - -	80
VIII. Эпитафіи: 1. Взятколюбому. - - -	80
2. Распутному. - - -	81
IX. Египетское ученіе о пути, ведущемъ къ познанію всея духовныя цѣпи. -	—
X. Философическое разсужденіе о человѣче- ской волѣ вообще - - -	83
XI. Разсужденіе о благости Божіей выве- денное изъ разсужденія о добростѣ человѣческой. - - -	116
XII. Три пути ведущіе къ премудрости. 131	
XIII. Аристидъ на Мараѳонскомъ сраженіи, или истинной Патріотъ - - -	133
XIV. Ода къ войнѣ - - -	152
XV. Ода къ міру. - - -	155
XVI. Эпиграммы. 1. Къ г. Малоумцу, При- страстному къ щегольству -	158
2. Къ игроку - - -	159
3. Къ дѣвицѣ потерявшей красоту —	
4. Молодой челоѣкъ съ дѣвицею —	

страницъ.

5. *Любопникъ везъ денегъ.* - - 159
- XVII. Загадки шри. - - - 160
- XVIII. Египетское ученіе о различіи между чувственнымъ и духовнымъ познаніемъ. 161
- XIX. Философическое разсужденіе о совѣсти вообще; - - - 163
- XX. Мысли почерпнушыя изъ бесѣды С. Іоанна Златоустаго, которую имѣлъ онъ Іюля въ 12. д. - - 195
- XXI. Аристидъ разсуждающій о политическихъ дѣлахъ. - - - 196
- XXII. Воспочные Анекдоты: 1. *Три друга.* 216
2. *Редностный читатель Алкорона.* 220
3. *Антрополитъ, или наказанное преслушаніе здрацаго соѣта.* 222
- XXIII. Быль, Французская лавка. - - 230
- XXIV. Сонетъ, состоящій въ двухъ мысляхъ, котораго читая послѣднее полусишіе, найдешь совѣмъ другой смыслъ. - - - 133
- XXV. Эпиграммы: 1. *Къ Некрасѣ.* - - 234
2. *На Страмниду.* - - - 235
3. *О Чистосердѣ.* - - - —
4. *Къ Вѣднякову.* - - - —
- XXVI. Эпиграфи 1. *Фаннію.* - - - —
2. *Промотаепу.* - - - 236
- XXVII. Загадки: шри. - - - —
- XXVIII. Египетское ученіе о смерти и воскресеніи духовномъ. - - - 237
- XXIX. Разсужденіе о познаніи самого себя. 241
- XXX. Разговоръ между Александромъ и Діогеномъ о равенствѣ благъ. - 252

XXXI:

XXXI.	Молитва о просвѣщеніи души.	-	264
XXXII.	Ариспидъ изгоняемый изъ отечества, и подающій здравыя наставленія дѣ- шамъ своимъ.	- - - -	265
XXXIII.	Анекдоты: 1. Страннопріимству- ющій Аминтѣ.	- - - -	280
	2. Награжденное трудолювіе.	-	297
	3. Постоянство въ добрѣ.	-	300
XXXIV.	Рондо. О познаніи самого себя	-	302
XXXV.	Элегія.	- - - -	303
XXXVI.	Быль.	- - - -	307
XXXVII.	Французской променады	-	311
XXXVIII.	Мадригалы: 1. Супружнія жела- нія.	- - - -	315
	2. Отплаченная насмѣшка.	-	—
XXXIX.	Эпиграммы: 1. На Мечтона	-	216
	2. На Несмысла.	- - - -	—
	3. На Буянопа.	- - - -	—
XL.	Эпиграфия столѣтнему младенцу.		317
XLI.	Загадки три.	- - - -	—
XLII.	Египетское ученіе о вліяніи боже- ства въ челоука.	- - - -	318

Исѣдѣніе Ф- 338

Погрѣшности въ II. Части.

Напечатано	Читай.
страни. строк.	
2 31	не досташокъ - недосташокъ
13 16	очемъ - - - о чемъ
28 23	явспвешъ - - - явспвуешъ
29 22	цѣли ихъ, - - - цѣли ихъ
	шворенія - - - шворенія,
30 23	съ зломъ - - - со зломъ
31 26	захопяшъ - - - захопѣшь
35 3	божія. - - - божіей.
48 30	зло - - - боль,
60 20	переднимъ - - - передъ нимъ
77 7	ни чѣмъ - - - ничѣмъ
78 12	на царство, - - - на царство
	спавишь, - - - спавишь;
81 3	онъ Ёгордый - - - онъ гордый
— 4	усмотрѣшь; - - - усмотрѣшь ?
99 30	не что - - - ничто
118 3	ничто - - - ничто
127 13	его - - - своихъ
139 26	средспвенно - - - посредспвенно
148 15	такія, какія - - - такія досто-
	шы показалъ. - - - инства, какія
	шы имѣешь.
156 20	пловушъ - - - плывушъ
159 15	говорилъ, кра- - - говорилъ кра-
	савицѣ - - - савицѣ,
166 10	или ешь судишь - - - или судишь
173 18	ежели мы - - - ежели бы мы
— 21	если бы - - - если бы
— 23	по мы не - - - по бы мы не
	можемъ - - - могли
174 1	до оныхъ до- - - къ нимъ при-
	шронушья - - - коснушья

стран. строк.

183	8	сво бода	-	-	свобода
200	20	власти , должен-	-	-	власти должен-
		спвуешъ	-	-	спвуешъ ,
206	11	сборы	-	-	зборы
----	18	сборомъ	-	-	зборомъ
210	3	нижшихъ	-	-	низшихъ
214	14	не довольное	-	-	недовольно
216	22	посреди яда	-	-	посреди ада
219	23	кривились	-	-	кривлялись
----	28	дабы порочнымъ	-	-	для успрашенія
		содрогашься	-	-	порочныхъ
127	2	ничто	-	-	ничто
232	32	И малы шѣ плоды	-	-	Малы и шѣ плоды
241	11	премудрости , и	-	-	премудрости , они
245	26	разуму то	-	-	разуму
247	23	предвидѣшь и	-	-	предусмаши-
		исправишь	-	-	вашъ и исправляшь
259	29	прослоюдину	-	-	прослоюдиму
261	12	швое достоин-	-	-	швое ли до-
		ство ли	-	-	стоинство
272	2	движимо о	-	-	движимою
277	30	они	-	-	онѣ
278	2	иныя	-	-	другія побѣды
----	5	Эшо	-	-	Чшо
281	4	о ученная	-	-	полученная
287	11	изобиліемъ своимъ	-	-	изобиліемъ
		обременяющихъ	-	-	обременяющимъ
288	3	зе зенью	-	-	зеленью
----	31	о не испыпанной	-	-	о неиспытанный
289	18	сихъ	-	-	ихъ
291	2	седцемъ	-	-	сердцемъ
296	1	озъ очей	-	-	изъ очей
297	22	опшуда	-	-	опшуду
298	26	сему	-	-	шому

D. 11 1986

M 1782
7

---

54 (M/9)
N 5-8